

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ИЮЛЬ
2002**

**ТАМУЗ
5762**

N 7 (123)

ОТ РАЗРУШЕНИЯ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ

Мы живем в особое для еврейской истории время. После многих десятилетий несвободы, когда тоталитаризм четко указывал евреям их место – где еврей должен жить, какие должности занимать, наступила эпоха неограниченных возможностей для реализации – личности, духовных и религиозных убеждений. Но никогда не нужно забывать и о том, что признание роли еврейской общины в жизни России налагает на нас ответственность.

Во время посещения президентом Джорджем Бушем петербургской Большой хоральной синагоги было сказано много слов о том, как динамично развивается жизнь еврейских общин Москвы, Петербурга и всей России. Американскому лидеру рассказали об истории храма, его сегодняшнем дне и перспективах. Дж. Буш смог убедиться, насколько высок в России на государственном уровне авторитет еврейских общественных организаций. Сейчас и российский президент, и губернаторы в регионах, с пониманием относятся к проблемам еврейской общины России, оказывая ей всяческую поддержку. Настало время, которому еще не было аналогов в многовековой российской истории.

Однако в России существуют консолидированные силы, которые пытаются дестабилизировать общество, разрушить достигнутое в последние годы равновесие. Это подтверждается и время от времени звучащими публичными антисемитскими выступлениями, недавним терактом в Москве, действиями «бритоголовых». Предыдущее поколение опасалось тоталитаризма, но не слышало об экстремистах и терроризме. Эти новые явления – тоже примета нынешнего времени. Только грустная примета!..

В стране есть люди, которые доходят до крайних форм проявления антисемитизма – именно они устанавливают заминированные плакаты, но есть и женщина-нееврейка, которую возмутила антисемитская агитация.

Свобода личности, свобода мнений породила в российском обществе множество противоречий. И, как следствие, – возникают конфликты и на национальной, и на религиозной почве. Молодежь, называющая себя бритоголовыми, чужда истинных ценностей, для них отсутствует значимость каждой человеческой жизни. А если эти люди не в состоянии осознать первостепенные морально-нравственные законы, то вскоре они очевидно, разучатся понимать даже друг друга.

Есть древняя притча о том, как еврейский мальчик стал собирать с дороги камни и бросать их в посеvy на поле. Это поле принадлежало его семье. Мальчика спросили: "Зачем ты это делаешь?" Но он ничего не ответил и продолжал бросать камни. Как выяснилось позже, землю поменяли, и мальчик, сам того не предполагая, уничтожил чужие посеvy.

Вот так всякий раз, прежде чем что-то сделать, необходимо задумываться над своими поступками и принимая решения, думать о последствиях.

К сожалению, в сегодняшних общественных проявлениях нет взвешенности – есть только хорошее или плохое, или позитив, или негатив. Достигнутая свобода создает или неограниченные перспективы или возможность, не дай Б-г, опуститься на самое дно. Поэтому правильному воспитанию нового поколения необходимо уделять особое внимание.

17 Тамуза в 70 году н.э. римляне прорвали стены Иерусалима и три недели мародерствовали в городе, пока 9 Ава не сожгли Храм. В эти дни мы как раз вспоминаем эти трудные моменты еврейской истории и ожидаем, когда с приходом Мошиаха на месте разрушенной святыни Храм будет построен вновь.

Проводя историческую параллель, можно сказать, что Россия сейчас на похожем этапе развития – от разрушения к подъему.

Наши мудрецы, опираясь на знания Торы, учат тому, что разрушительная сила – это та противоположность, которую необходимо направить в нужное русло, чтобы она могла созидать. Тогда и человека, обладающего негативной аурой, можно перенастроить. Нужно лишь найти верные каналы для исчезновения отрицательной энергии. А для этого рядом с идущим по неверному пути должен вовремя оказаться грамотный наставник. Нашей молодежи как раз не хватает таких наставников. Умный человек смотрит впереди себя – так гласит Тора. И лишь тот, кто каждый день задумывается о том, что будет с ним завтра, находится на правильном пути.

Ребенок, совершая первые в своей жизни шаги, неизбежно падает, ему необходимо время, чтобы научиться равновесию. Но сколько бы раз он ни упал, рано или поздно он научится крепко стоять на ногах.

Так и в обществе, – если будет правильно установлена шкала морально-нравственных ценностей, то любой взрослый, потерявший в жизни равновесие, рано или поздно снова зашагает уверенной походкой.

Áëàáí úé ðáááèí Ðíññè Ááðè Èàçàð

וְעַתָּה

Установление

עַתָּה אֲנִי מְבַרְכֶם אֶת-יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

*עַתָּה אֲנִי מְבַרְכֶם אֶת-יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ
אֲנִי מְבַרְכֶם אֶת-יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ
אֲנִי מְבַרְכֶם אֶת-יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ*

*עַתָּה אֲנִי מְבַרְכֶם אֶת-יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ
אֲנִי מְבַרְכֶם אֶת-יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ*

אֲנִי מְבַרְכֶם אֶת-יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ...

(אֲנִי מְבַרְכֶם אֶת-יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ, 19:1,2,14,17)

Закон о «рыжей корове», определяющий ритуал очищения человека от скверны, вызванной контактом с мертвым телом, часто приводят в пример как Божественное установление, непостижимое для человеческого разума. Царь Соломон, что был «мудрее всех людей» (Мелохим I, 5:12), оставил такую мысль об этой мицве: «Все [заповеди Торы] постиг я. Но глава о рыжей корове, при том, что вникал я в нее, задавался вопросом о сути ее и доискивался, что же за тем стоит, а мудрости моей должно бы на это хватить, – глава эта осталась для меня непостижимой» (Бемидбар Раба, 19:3).

И впрямь, многие аспекты закона о рыжей корове не поддаются рациональному постижению.

Прежде всего сам феномен «ритуальной нечистоты» принадлежит области мистического, непостижимого разумом. И процесс очищения, заключающийся в окроплении человека, который нечист, разведенным водой пеплом рыжей коровы не имеет ничего общего с понятной нам логикой. Да и в самом этом законе заключено противоречие: при том, что окропление пеплом очищает нечистого, человек, осуществлявший очищение, оказывается после этого осквернен.

Однако в Торе есть еще целый ряд законов, непостижимых для человеческого разума. Фактически, существует особая категория заповедей, называемая хуки́м (установления), отличие которых в том, что смертному их понять невозможно. Что же есть в законе о рыжей корове, что делает его архетипическим «установлением», мицвой, о которой сказано Б-гом: «Это – хок, непостижимая суть Торы»?

Моше побледнел

В одном из мидрашей говорится, что Моше был единственным человеком, кому было даровано понимание закона о рыжей корове. «Тебе открою Я смысл этого закона; для всех же прочих он будет непостижимой сутью» (19:4). Однако и Моше, как рассказывает Мидраш, внимая этому закону, столкнулся с великими трудностями в понимании.

Научая Моше, Б-г каждый раз раскрывал ему, как происходит осквернение и как – очищение. Когда же дошло до законов, касающихся тех, кто коснулся мертвого тела, Моше спросил: «Создатель Вселенной! Если кто из них осквернился, как же можно его очистить?» Б-г не ответил на это. И тогда Моше побледнел.

Когда же Б-г дошел до раздела, посвященного рыжей корове, Он сказал Моше: «Вот как происходит очищение». Моше же спросил: «Создатель Вселенной! Это и есть очищение?» Б-г отвечал: «Моше, это суть установление, что Мною дано, и не способны сотворенные Мною постичь Мои установления» (Коэлес Раба, 8:5).

Тайна смерти

Исход души из тела непостижим для нас. Разумом мы понимаем хрупкость жизни, и тот факт, что все физическое подвержено распаду. Однако в глубине души мы отказываемся это принять. Несмотря на все «свидетельства» быстротечности жизни мы упорно настаиваем на том, что она – вечна; несмотря на все свидетельства разума мы отвергаем саму идею смерти.

Еще сложнее допустить, что существует некий процесс, формула, которая одна только и может исцелить те каверны, что образуются, когда чья-то жизнь уходит из мира. Может ли быть противоядие от той боли, пустоты, ощущения тщетности всего и вся, что охватывают сердце человека, когда он сталкивается со смертью?

Вот почему Моше побледнел, слушая законы, связанные с ритуалом смерти. Причина его бледности вовсе не в том, что разумом не мог Моше понять, как можно очистить то духовное пятно, которое оставляет по себе смерть; Моше и впрямь был единственным человеком, которому было открыто «значение закона о рыжей корове». И все же Моше воскликнул: «Создатель Вселенной! Это и есть очищение? Ты объяснил мне, как “работает” пепел рыжей коровы. Мой разум удовлетворен этим объяснением, но оно не разрешило смятения сердца моего. Мое сердце не в силах понять, как может быть смягчено зло смерти».

И ответил на это Б-г: «Моше, это установление, что Мною дано». Есть то, что настолько превышает постижение смертного, что остается подчиниться абсолютному приказу, исходящему от Того, Чья власть абсолютна. Потому Я, – говорит Творец, – даю эти законы, дабы наставить вас, что следует делать, если жизнь ваша коснулась смерти. Это сверхрациональные, даже иррациональные законы, и только следование им может восстановить вас к жизни. Ибо только силою совершенно непостижимых Б-жественных установлений можете очиститься вы от смерти.

Законы, касающиеся траура

Ныне мы не пользуемся пеплом рыжей коровы. Но мы прибегаем к определенным ритуалам, связанным со смертью, которые определены рядом законов. Тора велит оплакивать смерть тех, кого мы любили, – и устанавливает, как именно это делать. Сама мысль о «законах оплакивания» мало внятна сознанию. Можно ли наставлять человека, как именно следует ему плакать? И можно ли требовать от него, чтобы он умерил свой плач – или продлил его?

И все же Тора делает именно это. Особые законы определяют интенсивность траура в период, отделяющий смерть от погребения (период этот называется оненус), другие законы – траур в течение трех дней после похорон, семи дней (шива), тридцати

дней (шлойшим) и года после смерти. Эти границы определяют переход к очередной фазе оплакивания, когда интенсивность нашей скорби и чувство потери постепенно слабеют, очищаясь.

Однако все наше существо противится такой «разметке». Разумом мы понимаем разницу между шива и шлойшим, между шлойшим и годом – но сердце этих различий не принимает. Не следует казнить себя из-за этого: в Торе сказано, что сам Моше не мог совладать со своим сердцем, возражающим против того, что было понятно разуму. И после того как Б-г разъяснил Моше, как «рыжая корова» очищает тех, кто прикоснулся смерти, сам закон остался установлением – непостижимым для изоощреннейшего разума и совершенно невнятным сердцу. Но Б-г повелел нам соблюдать соответствующие фазы, оплакивая умерших, и дал нам силы исполнить заповедь.

Именно те силы, что дает нам это Б-жественное установление, позволяют продолжать жить и работать, помня о ближних (ведь нельзя заставлять тех, кто зависит от нас, ждать, пока наш разум и сердце воистину примут все происшедшее как должное). И сила этого установления такова, что можем мы отодвинуть от себя мрачные аспекты, связанные со смертью и очистить наше восприятие.

И, возможно, вскоре удостоимся мы дня, когда уже в таком очищении не будет нужды, – дня, когда Всеблагостью «дух нечистоты удалит с земли» (Захарья, 13:2) и «уничтожена (будет) смерть навеки, и отрет Г-сподь Б-г слезы со всех лиц» (Ишаяу, 25:8), и «пробудятся и возликуют покоящиеся во прахе» (Ишаяу, 26:19).

Áîëîé

Б-жественное подсознание

*Áëæó áî, í î í á îîé: áî, áî àò ðëáîðîîí á í áî,
í î í á áëèçèí: áîîèá çáîçáá*

îò Bàèí áá è áîòáë îîèí àòð îò Èçðáëèý..

Èç îðîðî: áîòáá Áëèüîí à î Î îøëáðá

Ááí èáááð 24:17

[x ò î áî áðáí áí Èîîóí èáí èý]

ýáëáí í íá îáðáóó, îò áîò óòááí î.

Çîááð ÷. I, 8a

Одна из основ нашей веры – ежедневное ожидание Искупления: речь идет не только о вере в скорый приход Мошиаха, но и о том, что мы все время пребываем в ожидании этого прихода. Так, сказано Рамбамом (Законы Мелохим, 11:1): «тот, кто не верит в Мошиаха, и тот, кто не ждет прихода его, отпадает от иудаизма».

Тора изобилует упоминаниями о «конце времен» и о том, что тогда наступит гармония и станет мир совершенен. При этом в Торе нет никаких ясных указаний, когда же именно это произойдет: нам не сказано ни о времени, ни о сроках

окончательного Искупления. Зогар идет еще дальше и говорит о времени прихода Мошиаха: «Явленное сердцу (Б-га) от уст (Б-га) утаено», тем самым давая нам понять, что Сам Б-г не раскрывает Себе, когда это случится!

Но почему столь важный элемент нашей веры пребывает сокрытым не одно тысячелетие? И что значат слова про «сердце» Б-га, знание которого сокрыто от произнесения «устами» Всесильного?

Произнесение мира

Тора, «говоря на языке человеков» (Талмуд, Брохойс, 31б), описывает Б-жественный акт творения как последовательность высказываний: «Сказал Всесильный: “Да будет свет” (Брейшис, 1:3), “Да произрастит земля зелень” (1:11) и т.д.», – благодаря чему те или иные сущности обретают бытие.

Хасидизм разворачивает это представление: мир есть речь

Б-га. Слова Всесильного, приведенные в Описании Творения, не просто выполняют роль неких инструментов или сил, посредством которых получает бытие все сущее, – они есть сама суть этого бытия. То, что является нам как камень, человек или физический закон, на самом деле – Б-жественное высказывание, приводящее их к существованию.

Но почему мы говорим о речи? Почему метафора, взятая из нашего, человеческого опыта «и сказал Всесильный» подобающе описывает происходившее при Творении? Дело в том, что несмотря на всю его кажущуюся необъятность и вещественность, нельзя сказать, что наш мир на самом деле существует. Существует ли реально то, что мы переживаем как реальность? Да и нет, утверждают хасидские наставники. С одной стороны, существующее полностью зависит от Творца: жизнь и бытие в каждый момент времени всецело определяются Его волей. Один из хасидских мыслителей сформулировал это следующим образом: если бы Б-г возжелал, чтобы мир прекратил свое бытие, Он бы тут же положил ему конец – для этого Б-гу не надо бы было его разрушать, ибо в тот самый момент, как Он перестал бы желать существования мира, мир перестал бы быть. «Реальность», которая до такой степени зависит от субъективности, вряд ли можно считать существующей в собственном смысле слова – все сущее есть лишь выражение воли иного, бесконечно великого бытия, желающего, чтобы эта «реальность» была.

С другой стороны, наш мир преисполнен сознания самостоятельности и определенности всякой сущности. При том, что свидетельство наших чувств, уверяющих нас в нашем существовании и реальности окружающего нас мироздания, ничего не доказывает (ибо все мы знаем: наше переживание сущего может быть иллюзией), Тора проникнута верой в эту реальность. Она гласит: «В начале сотворил Всесильный небо и землю» (1:1). Также она повествует, что земля и небо были сотворены Им с некой целью: Он желает от нас, чтобы мы совершенствовали мир и воздерживались от тех деяний, что разрушают Его Творение. Более того, чувство самости, нам присущее, было неотъемлемой частью Его замысла: Б-г желал, чтобы мир воспринимался как реальность, существующая помимо своего Творца, и это «нижнее царство» само избрало бы движение к тому, чтобы стать «обителью Г-спода» – средой, что радостно приемлет и готова вместить в себя Его реальность. Иллюзия то или нет, но самоопределение творения как отдельной реальности имеет под собой основание, – действительность творения дарована тому Создателем.

Чтобы выразить эту парадоксальную природу тварной реальности, Тора заимствует из человеческого опыта термин – «речь». Человек творит на трех уровнях: его творения – это мысль, речь и деяние. И если Тора говорит, что Б-г «создал» мир, тем самым подразумевается, что творение отделено от Творца точно так же, как отдельно от человека существует созданное им: он строит здание, пишет картину или книгу, и те получают самостоятельное независимое бытие, начиная жить собственной жизнью. С другой стороны, описание реальности как Б-жественной «мысли» предполагает, что она существует только внутри реальности Творца. Слово же «речь» описывает существование, которое, с одной стороны, отделено от своего истока, а с другой – полностью от него зависит, и суть реальности такого существования именно в его зависимости.

Когда человек говорит, он создает нечто, существующее помимо существования говорящего. Продуманная им мысль, которая до этого существовала лишь в сознании говорящего, теперь облечена в слова, «покинувшие» своего автора и получившие собственное бытие. Однако они полностью зависимы от того, кто их произносит: стоит ему остановиться, как его «речь» прекратит свое существование. То есть существование «высказываний» может быть определено только в терминах, описывающих вовлеченность их автора в процесс речи.

Это можно распространить и на наш мир. Б-г желает его бытия, и тем формируется реальность (хотя бы с точки зрения самой этой реальности), существующая отдельно от Него. С другой стороны, мир не имеет собственного, независимого существования; у него нет иной реальности, кроме той, которая определена Б-гом, сотворившим и поддерживающим его бытие. То есть Б-г не сотворил мир, а – выговорил его.

Отступление в мысли

Можно сформулировать мысль для себя и не двинуться далее, более ничего не «создав»; однако всякое слово и действие есть также и мысль, сперва оформленная в сознании и затем получившая бытие в слове или действии, отделившись от своего создателя.

Это истинно и по отношению к Б-жьему творению: «сказанный» мир, в котором мы существуем, является самым нижним уровнем творения, наиболее удаленным от своего Творца. Выше – и ближе к Создателю – наличествует иной уровень бытия, который можно определить как «мысли Б-га». Утверждение, что эта реальность мыслей «предшествует» привычной нам «сказанной» реальности, не подразумевает предшествования во времени, ибо само время тоже сотворено Б-гом; скорее, это тот же самый мир, в котором мы живем, но на «предшествующем» (то есть – более близком к своему истоку) уровне самоосознания и самоопределения. Это мир, осознающий себя не сущностью, отделившейся от своего Создателя, но – концепцией, существующей в Б-жественном разуме, чем-то, погруженным в Б-жественную реальность.

Шесть дней в неделю мы живем в «сказанном» мире, порожденном Б-жественными речениями, как то описано в Брейшис. Однако каждую неделю на один день мы достигаем более высокого уровня, когда наш мир «восходит» на ступеньку вверх, приближаясь к истоку и возвращаясь от своего «сказанного» состояния в сферу Б-жественной мысли. Как повествует Тора, описывая творение, шесть дней Б-г «выговаривал» мир, проецируя Свой замысел Творения в «самостоятельную» реальность, столь хорошо нам знакомую. На седьмой день Он перестал «говорить», но не перестал творить: иначе мир прекратил бы свое существование. Но от разрывания во вне и

отстранения, связанного с речью, Б-г обратился к внутреннему акту творчества, связанному с мыслью. То есть Б-г продолжает «артикулировать» наш мир, но уже не как нечто, развертывающееся вовне, а как некую концептуализацию того, что присутствует внутри Его помыслов о творении.

Семь дней творения – цикл, повторяющийся вновь и вновь. Каждую Субботу Он «отзывает» Свое творение от его внешнего бытия, поднимая наш мир на уровень Б-жественных помыслов. В Субботу мы живем в том же мире, что и остальные шесть дней недели, однако в этот день «я есть» нашего мира ослабевает, иллюзия отдельности становится прозрачной. В этот день человек ближе к тому, чтобы преодолеть отъединенность материальной реальности и испытать единение и отождествление со своей сутью и истоком.

Подсознательная мысль

В царстве мысли как таковой – множество уровней определенности и внятности.

Мысль на уровне осознания ближе всего к внешней проекции речи. Более того, подобно речи такая мысль формируется из образов и слов. И хотя эта мысль выражена на «языке» более абстрактном и туманном, чем тот, который мы используем в речи (чтобы передать словами мимолетную мысль порою нужен не один час – при том, что целый ряд нюансов понимания словами оказывается просто невыразим), тем не менее, это – язык, «слова» которого состоят из определенных единиц. При том, что осознанные мысли человека вне его не существуют, они занимают определенное место в сознании.

Если распространить эту метафору на Б-жественную мысль-реальность Субботы, можно сказать, что в Субботу мы достигаем состояния бытия, описываемого как «осознанная мысль» Б-га. Это область, существующая внутри Б-жественной реальности, но нельзя сказать, что она абсолютно тождественна своему истоку. Это – творение, существующее отдельно, хотя бы на внутреннем плане.

Поэтому Суббота заключает в себе лишь «вкус» высшей реальности: эту реальность нельзя описать как «подсознательные мысли» Б-га.

Подсознательные мысли не имеют ни языка, ни определений, ни иных параметров, которые могли бы отделить эти мысли от сознания, в котором те существуют. Это – суть сознания, тот исток, из которого рождается оформившаяся мысль. Мы знаем, что такая мысль уже существовала до этого в «темном, невнятном» виде «в подсознании», как мы называем это на нашем языке. Однако заметим, что речь идет не о некой специфической части нашего сознания, а о чем-то, что принадлежит самой сути его.

В Торе (Брейшис, 1:2) сказано, что в самом начале творения «дух Всесильного парил» над еще пустым и лишенным форм миром. Этот «дух Всесильного», говорят мудрецы (Брейшис Раба на этот стих), был духом Мошиаха – изначальным «подсознательным» замыслом Творения, как он существовал у Б-га.

Потому эра Мошиаха описывается как время «абсолютной и вечной Субботы» (Субботнее дополнение к благословию после трапезы). Ибо если в Субботу наш мир возвышается до осознанных мыслей Б-га, эра Мошиаха будет эпохой, когда наше существование будет протекать в Б-жественное подсознание. Опять же, подчеркнем, что это будет наш мир, тот же мир, в котором мы живем сегодня, – отличие будет заключаться

не в субстанции, но в осознании самого положения вещей. То будет не восприятие самости, присущее внешнему миру «речи», и даже не погруженность в существующий все же «отделенно» мир «осознанных мыслей», но – слияние в единстве с Создателем, помышляющим этот мир.

Вот почему мудрецы наши, говоря об эпохе Мошиаха, указывали, что «явленное сердцу от уст утаено». Наш сегодняшний мир – мир Б-жественных «уст» – мир, чья связь с Создателем подобна связи между произносимыми словами и говорящим, тогда как эра Мошиаха – время, когда мир будет поднят туда, где он был изначально – к подсознательному «сердцу» Б-га. И как мир подсознательного не может найти своего выражения в сознательном мышлении и выражен в словах, так и время Искупления не может быть названо тем, кто существует в мире, зависящем от речи.

Однако когда исполнится наша задача и мы превратим наши жизни и наш мир в «обитель Б-га», тогда нашим ежедневным опытом и ежедневной реальностью станет само существование в сердце Б-га.

Ī ēī ōññ

Повседневная жизнь

*Āāđō āō Ī íá, ōēāā Ī íé á íñ āí āēēī ūá āāđō āñ
Ī íá, á áēāñ ōñāí ēá, í ðēyō í íá Ī íá
ñāēpāāēō á í ðēí íñēō ū*

Ī íá á íñ ēí ēāí í íá āđāí ŷ... āāōō á āāí ū

āñ āñññ ēāí ēá í íñō íyí í íá..

Āāí ēāāāō, 28:2,3

Человека влечет необычное. На это можно возразить – как раз то, что связано с рутинной жизни: дыхание с его вдохом и выдохом, ежедневный прием пищи, домашняя жизнь, работа и тому подобное – именно они имеют для нас первостепенную важность, тогда как «особенным» можно пренебречь. Но слова эти повиснут в воздухе. Наша природа толкает нас к тому, что сама случайность события становится поводом его вспомнить, тогда как к постоянно повторяющимся явлениям мы постепенно утрачиваем интерес, и их значение для нас меркнет.

Потому-то в Торе различные аспекты наших отношений с Б-гом «расписаны» по моадим – «установленным дням». Нам велено постоянно помнить о Создателе (помятование о Б-ге – одна из шести «постоянных заповедей», которые евреи должны исполнять все время (предисловие к Сейфер а-Хинух), однако один день в неделю определен как особое время, в которое надлежит «помнить... что мир имеет Творца» (Рамбан, Шмойс, 20:8) и «уверовать в сердце своем, что сотворил Б-г мир в шесть дней» (Сейфер а-Хинух, заповедь 31). Нам заповедано «помнить день исхода твоего из страны Египетской во все дни жизни твоей» (Дворим, 16:3), но отмечаемый раз в год праздник Пейсах – специальный повод погрузиться в переживание этого дара свободы. Так же обстоит дело и с прочими моадим

еврейского календаря: если есть «особые» дни, значение и смысл которых произвели на нас глубокое впечатление, то эти дни должны стать поводом для того, чтобы нарушить обычное течение нашей жизни.

Один из мудрецов пошел еще дальше, сказав: «Читающий Алел каждый день – богохульствует» (Талмуд, Шабос, 118б). Алел – молитва, славословящая Б-га и возносящая благодарность Создателю за чудеса, что Он свершил для нас, – она читается по праздникам и особым дням. Но разве не велено нам благодарить Б-га «за чудеса, что свершаешь Ты для нас каждый день» (из читаемой трижды в день Амиды)? Почему же Алел читается только в те дни, когда отмечаем мы Исход из Египта или чудо с маслом, которое горело восемь дней? Разве не меньшее чудо – каждый удар сердца, и разве не стоит он благодарности?

И однако читать Алел каждый день столь же греховно, как не читать ее вовсе. Да, в «обычной» жизни мы должны сознавать, сколь обязаны Б-гу, – вот почему трижды в день: утром, в полдень и вечером – евреи возносят молитву. Суть же Алели в том, что в дополнение к нашим ежедневным молитвам, она читается по определенным поводам, когда мы погружены в переживание чудес, совершенных Б-гом, – и это переживание теряет свою остроту, если чтение соответствующей молитвы станет ежедневным.

Превышая естественный порядок вещей

В Торе не раз говорится, что наши врожденные качества и склонности мы должны направить на то, чтобы жить жизнью святой и угодной Б-гу. Но Тора призывает нас к большему. Б-г хочет от нас не только, чтобы мы наилучшим способом использовали данное нам от природы, Его желание состоит в том, чтобы, обратившись к Нему, мы вышли за пределы нашего природного «я».

В Торе дан порядок «рутинного обращения» к Б-гу (таковы ежедневные молитвы). Назначение этих правил – сделать нашу связь с Создателем неотъемлемой частью повседневной жизни, тогда как «положенные дни» призваны придать этой связи возвышенность, сделать ее особенной. В то же время «положенные дни» побуждают нас преодолеть рамки обыденности, привнести ощущение «отмеченности» некоторых дней в «повседневный» ритм жизни.

Это нашло свое отражение и в том, как в Торе говорится о законах, регулирующих корбонойс (жертвы животных и плодов), приносимые в Храм. Корбонойс, приносимые общиной, делятся на две основных категории: «регулярные» приношения (тмидим), совершаемые каждый день, и «дополнительные» приношения (мусофим), совершаемые по особым поводам, – в Шабос, на Новомесячье, праздники и т.д. «Регулярные» приношения совершаются каждый день; «дополнительные» приношения зависят от «повода», отвечая природе и характеру того или иного «установленного дня».

Как правило, термин «моэд» (установленный день) относится к тем дням календаря, которые Создатель времени наполнил особым духовным содержанием (покой Субботы, свобода Пейсаха, радость Суккос и т.д.). При том, что сказано Торой: «Жертву Мне, хлеб Мой в огнепалимые жертвы Мне, в благоухание, приятное Мне, соблюдайте приносить Мне в положенное время», Раши в комментарии на этот стих отмечает, что термин «моэд» употреблен здесь в не совсем обычном значении и добавляет: «Положенное время для постоянных приношений – каждый день».

Корбонойс, олицетворяя стремление человека очистить свое природное «я», возвысить его и приблизиться к Б-гу, являются одной из «трех колонн» (Пиркей Овойс, 1:2) творения (в сегодняшнем мире скорбь о Храме и молитва выполняют роль корбонойс). Мы можем сказать, что Тора подразумевает необходимость выйти за границы привычек и инстинктов нашего природного «я» – только так мы обретем истинные отношения с Б-гом. Наша природа такова, что всякие «поводы», выпадающие нам в этой жизни, встречаются с энтузиазмом и оживлением, – и это среди прочего, нашло выражение и в наших годовых праздниках, отмечающих различные аспекты нашей «прилепленности» к Б-гу. И все же мы должны стремиться к тому, чтобы «каждый день стал установленным днем» – чтобы в нас пробудилось ощущение чуда и необычности всякого дня в потоке повседневного существования.

По сути, само представление об «однообразии» и «обыденности» – иллюзия, порожденная неспособностью видеть поверх нашей ограниченности. «Выделенность» – не фактор, определяющий отличие одной вещи от другой, – но внутреннее качество самой вещи. На самом деле, всякое мгновение жизни – отдельное творение Б-га, обладающее совершенно уникальными, особенными и исключительными возможностями, которые присущи только ему одному.

Ī àòîéñ

Мудрость и чудо

*È áááðé Ī ĩóá ááááì éîéáí ñííîá
Èçðáééý òáé: «Áĭò ÷òĭ ĩĭááéáé Á-á áñéé
÷áéĭááé áááò ĩááò Á-áñ ééé ĩĭééýĭáòĭý
ééýòáîé, ĩðéĭýá çáĭðáò ĩá ñááý, òĭ ĩá
áĭéááí ĩĭ ĩáððááòĭñéĭáá ñáááá, áñá, éáé
áĭòéĭ èç áĭò áá, áĭéááí ĩĭ ñáááòĭ».*

Ááí éáááð, 30:2,3

Законы Торы – нечто большее, чем просто список вещей, которые должно или не должно делать. Являясь «чертежом», по которому Б-г создал мир, они определяют ту реальность, в которой мы живем.

Так, законы Субботы – не просто ряд инструкций, касающихся того, что делать и чего не делать в седьмой день недели; они определяют сам священный характер этого дня – времени, суть и субстанция которого отмечены особым Б-жественным присутствием. Когда Тора повелевает нам надеть тфилин, это не только повеление предпринять определенное действие – это еще и установление сакрального статуса некоего физического объекта, который был сделан и используется в соответствии с Б-жественной волей (в данном случае – кожаных футляров, ремешков и пергаментных свитков, соединенных вместе). Такого рода объект отличается от обычных вещей тем, что Б-жественная реальность явлена в нем значительно полнее и ярче.

Чудесная способность

Однако не только Тора обладает подобной властью. Нам также дана способность словами и действиями изменять саму природу окружающего мира. Законы недорим (клятв) наделяют этой властью обычного смертного человека. Эти законы, заповеданные Б-гом Моше, устанавливают, что слова, сказанные человеком, не только обязывают его к определенным действиям (как то бывает, когда человек заключает договор) или же запрещают ему совершать некие действия (когда человек дает обет, например, не пить вина), – но слова также имеют силу наполнить названный или неназванный объект святостью. Об этом в Талмуде (Ксубойс, 59б) сказано: «Тому, что связано клятвой, присуща святость».

Так, Тора (Ваикро, 27:2, Бемидбар, 6:2) использует термин «пеле», чудо, по отношению к силе клятвы обета. То, что заповеди Торы обладают властью определять сам характер реальности, вполне естественно: ведь Тора есть откровение Создателя и Творца реальности, выражение Его воли. Но то, что человек, произнеся всего лишь несколько слов, задает степень близости Б-га к некой части Его творения, – поистине удивительно и чудесно!

Но еще чудеснее, что сила обета или клятвы превышает силу мицвы! Так, по законам Торы, акт мицвы имеет все значение, лишь когда соответствующее действие исполнено тем, кто достиг зрелости (12 лет для девочки и 13 лет для мальчика). Поэтому если двенадцатилетний мальчик наденет тфилин, они останутся просто двумя изделиями из шкуры животных. С другой стороны, закон настаивает, что обет, принятый ребенком, когда он только приближается к зрелости (то есть одиннадцатилетней девочкой и двенадцатилетним мальчиком), освящает объект, на котором принята клятва (толкователи Алохи несколько расходятся в том, что именно считать приближением к зрелости [муфло а-сомух ло-иш – другое употребление термина «пеле» в приложении к обету]). Однако все они согласны в том, что период приближения зрелости – это период, когда человек, еще не достигший зрелости, тем не менее, давая обет, обладает способностью освящать мир вокруг клятвой обета (см. Талмуд, Нида, 45б; Раши, там же; Рамбан, Законы Клятв, 11:1).

Ребенок, не достигший зрелости, еще не обладает в должной мере разумной сознательностью (даас), которая требуется по законам Торы, чтобы сообщить важность и значительность чьим-то действиям. Это положение Закона пребывает в согласии с упомянутым нами выше определением Торы как «мудрости Б-га»: в мире мудрости «неразумное» деяние деянием не является. Но в мире чуда, которому принадлежат представления об обетах, «детскость» сознания – не препятствие. Напротив, ребенок обладает качеством «чуда» в гораздо большей степени, чем «зрелые» люди.

Первый из первых

«Две сущности, – сказано в Мидраше (Тона двей Элиёу Раба, 14), – предшествовали сотворению мира Б-гом: Тора и Израиль. Неведомо, что из них чему предшествовало. Но когда Тора говорит: “Скажи сынам Израиля”, “Заповедано сынам Израиля”, – я знаю, что Израиль предшествовал всему».

Иными словами, если Б-г сотворил мир, чтобы народ Израиля мог исполнить Б-жественный план, живя так, как это определено в Торе (Раши, Брейшис, 1:1), следовательно, представления об «Израиле» и «Торе» в сознании Б-га предшествовали представлению о мире. Однако какая идея больше укоренена в Б-жественном сознании: идея Торы или идея Израиля? Израиль ли существует для того, чтобы могла исполниться Тора, или же Тора

существует, дабы служить евреям в исполнении их миссии и выразить их связь с Б-гом? Из того, что Тора сама свидетельствует: она обращена к Израилю, Мидраш делает вывод – представление об Израиле предшествует представлению о Торе.

И закон о клятвах есть выражение того, что Израиль предшествует Торе. Тора – мудрость Б-га, но евреи – чудо Б-га, а это означает, что почитет на них святость, не укладывающаяся в границы разума.

Ī aīyē

Сон и пораненная голова

*Ātò nò dāi nò aēy nūiā Ēḏāēy,
ēiōiōiā aīōēē ēy nò dāi ū Āāiāōiēē... Ā Ī iōā
ḡāiēnāāē i aīōā ēō aīōiāā ā iīōiāū ēō, iī
āēāi ēp Ā-ā.*

Āāi ēāāāḏ 33:1,2

*Yōi i iāēiī ōiīāiāēōū ōiī ā, ēāē ōāḏi, ÷āē nūi
āiēāi, āāḏō āā ē āāḡō, ÷ōiāū āiēā:ēōū ā
āḏāāp nò dāiā Īā iāḏāōiīi iōōē iōāō
iāḏā:ēnēyāō nūiō i aīōā ēō nò iyīiē: «ḡāāiī ū
nāāēē», «ḡāāiī iō āiōāēē ā iōiōēāāā», «ḡāāiī ōū
iī dāi ēē āēiāō».*

Ōāē ē Ā-āi iāāēē Ī iōā

ḡāiēōē āēy iēō āiā ōāi aīōā, āāi iōiā āāēēē iī ē Ī āi y.

Ōāi ōōi ā, Ī aīyē, 3

*Ēnīā iōi ā:āāō ḏiāāāi ēā i āiēāē iāōēē; āōiā āā ā nò dāi ō Ēḏāēy – āi nò ēāāi ēā
iāōāē iāōēiī āēiī iē ē āōōiāi iē ḡāēi nòē. Ī āēāō iēi ē ēāēēō 40-ēāō iāā
nò dāi nò āēā «iī iōiō ū iā āāēēēiē ē nò dāē i iē, (āāi) ḡi āē yāiāēō ūā ē nēiōi ēiī ū, āāi
āēāēāā ē iāō āiāū».*

(Āāi ḏēi, 8:15)

Это странствие насчитывало сорок две остановки. Некоторые из них, как годовая стоянка у подножия Синая, были отмечены великими откровениями. Однако большинство остановок сопровождалось сомнениями, раздорами, предательством и постоянными тяжбами между Б-гом и людьми. Но в конце концов народ Израиля достиг «страны прекрасной и просторной» (Шмойс, 3:8), которая была целью странствия.

История человечества подобна этой истории странствия через «пустыню великую и страшную», полную опасностей физических и духовных, – пустыню, где изо дня в день томится человек по воде, способной утолить духовную жажду. Однако в конце, вопреки всем раздорам и испытаниям, мы достигаем цели – земли

обетованной, на которой – Б-жественное благословение, так что преисполнена она благом и безгранична.

И достигнув этой земли, мы оглянемся назад и увидим все стоянки во время нашего странствия именно тем, чем были они: вызовом и испытанием, открытием новых путей, а не помехой и задержкой в пути через пустыню. Мы найдем в них не ловушки и препятствия, чем они казались первоначально, а – ступени лестницы, поднимаясь по которым, мы смогли видеть значительно дальше.

Путь домой

Именно таков смысл, заключенный в притче о царе и его сыне, приведенной нами в начале этой главы. Мидраш сравнивает повеление Б-га, данное им Моше: записывать все стоянки в странствии Израиля по пустыне – с историей о царе и сыне его, что отправились в странствие, ища исцеления для мальчика. Возвращаясь, они проходили стоянки, где останавливались на пути к целителю, и царь напоминал сыну: здесь мы спали, здесь отдыхали в прохладе, здесь ты поранил голову.

Странствие из Египта в Святую Землю было странствием в один конец: евреи не вернулись в Египет, точно так же, как более не возвращались они и на места стоянок в пустыне. Однако накануне входа в Святую Землю они смогли «оглянуться» на оставшиеся за спиной сорок два становища и увидеть их в ином свете: не как люди, уходящие из египетского рабства через ужасную пустыню к неведомой цели, но как те, кто, достигнув цели, теперь может увидеть в каждой остановке на пути к ней вклад в свое возмужание и становление.

Три стоянки

Пустыня великая и страшная, которую каждый из нас должен пересечь, порождена тем, что кабалисты называли цимцум («сжатие»): созданным Б-гом так называемым вакуумом, существующим внутри Его всенаполняющего постоянного присутствия, пузырями тьмы внутри Его бесконечного света, – благодаря чему перед человеком и открывается возможность выбора между добром и злом.

В Торе сказано (Дворим, 30:15,19): «Предложил Я тебе сегодня жизнь, и добро, и смерть, и зло... Жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие, – избери же жизнь». Чтобы в выборе жизни был смысл, должна быть возможность выбрать и смерть; чтобы добро, которое мы совершаем, что-то значило, мы должны быть чувствительны ко злу и его соблазнам.

Чтобы перед сердцем человека стоял свободный выбор, необходимы три условия.

1) Должно произойти «отступление» Б-жественного света и тем создан «вакуум», дающий возможность существовать злу.

2) Одного лишь существования зла недостаточно – зло должно облечься иллюзорной ценностью и желанностью для человека. Если бы зло сразу же опознавалось как подавление света и жизни – не было бы истинного выбора.

3) С другой стороны, абсолютный вакуум сделал бы невозможным выбор жизни. Поэтому в цимцум должна быть хотя бы слабая искорка Б-жественного света, дающая нам силы преодолеть тьму и смерть.

Помня это, можно постичь сокровенный смысл трех стоянок из притчи в Мидраше: «Здесь мы спали», «Здесь отдыхали в прохладе», «Здесь ты поранил голову».

«Здесь мы спали» – описывает «отступление» Б-жественной жизненной силы, за счет чего возникает цимцум (ср. Талмуд, Брохойс, 57б: «Сон есть одна шестидесятая смерти»). «Здесь мы отдыхали в прохладе» – эти слова отсылают к представлению о том, что и в цимцум присутствует слабая искорка Б-жественного света (Брейшис Раба, 12:15). А слова «Здесь ты поранил голову» относятся к тем многочисленным абберациям, что застыт наш разум и подсовывают нам ложные цели, что ведет к искаженному видению реальности и неверным решениям.

Однако все это служит единственной цели: провести нас через жизненное странствие и наполнить это странствие смыслом и ценностью. Сегодня мы можем лишь вновь и вновь повторять себе, что нам было дано знать истину. На обратном пути мы вновь пройдем мимо тех стоянок и поймем, что полученный тогда опыт был важен для нас.

Áāīdēi

Утраченное в переводе

... Ī ā:āē Ī īōā īāūyīm yōū Ō:āī ēā..

Áāīdēi, 1:5

*Ī īōā īāūyīm yē ēī Ōīdō ī ā īīī ēāāyō è yūī ēāō
Dāō ē*

Можно ли обыденным языком говорить о духовном? Или уж если и обсуждать это, то лишь почтительным шепотом? Для многих из нас духовная литература никак не соотносится с повседневной жизнью. Для нас «священные тексты» ассоциируются с пожелтевшими молитвенниками, написанными на языке древности, или же с полуистлевшими свитками, испещренными едва различимыми письменами. Но обязательно ли священная литература должна быть настолько удалена от реальности? Настолько ли неуместно обсуждать Б-жественность и духовность приземленным языком, на примерах, взятых из нашей жизни?

Когда мы обсуждаем Б-га понятными и близкими нам словами, мы призываем его в самую сердцевину своей жизни, а не отсылаем на ее периферию. Можно, впрочем, на это возразить, что так — если не соблюдать должной почтительности — начнешь относиться к истинно возвышенному слишком уж легкомысленно. Следует держать некую дистанцию – дабы не осквернить святость обсуждаемого. Когда дело касается истинно возвышенного, Б-жественного, мы не

вправе забывать о собственных греховности и невежестве, не должны начинать творить Б-га по собственному образу.

Посредник и предводитель

Вопрос о том, как сделать Б-га доступным человеческому пониманию, не очеловечивая Его полностью, обсуждается еще со времен Талмуда. Однажды царь Птолемей призвал пятерых ученых мужей и велел им перевести Тору на греческий язык. Тот день, говорится в Талмуде (Софрим, 1:7), стал «для Израиля столь же зловещим, как день, когда был изготовлен Золотой телец, ибо в точности перевести Тору невозможно». Однако в Торе написано, что перед тем как перейти реку Иордан, дабы войти в землю Израиля, Моше излагал Тору на семидесяти языках. Более того, он наказал евреям, чтобы они, перейдя Иордан, начертали Тору на камнях (Дворим, 27:4,8) на семидесяти языках (Раши). Так почему же, если Тора уже была изложена на семидесяти языках, перевод на греческий сочли столь ужасающим?

Что общего между Птолемеевым переводом Торы и грехом Золотого тельца? Отметим, что Талмуд сравнивает это не с днем, «когда Золотому тельцу поклонялись», а с днем, «когда Золотой телец был изготовлен». Изначально евреи искали не объект идолопоклонства. Они лишь искали предводителя вместо Моше, который, как они ошибочно полагали, умер на горе Синай. И поскольку Б-г назначил Моше тем, кто выведет евреев из Египта, они надеялись, что Золотой телец послужит посредником между еврейским народом и Б-гом. Им необходим был некий материальный представитель, который поможет им преодолеть дистанцию между земным существованием и Б-гом.

В иудаизме считается, что любой человек способен и даже должен устанавливать отношения с Б-гом без всяких посредников. Почему же, в таком случае, имеется потребность в предводителе? Б-г хочет, чтобы мы обращались к Нему на обычном языке, понимали Его умом и любили Его той любовью, на какую только способны наши человеческие сердца. Поэтому Б-г избирает предводителя, цадика, который своим поведением и примером являет живое проявление Б-жественности и который служит нам образцом.

Претворение Б-жественного в физическую форму

Евреи хотели пойти в этом еще дальше. Они утверждали, что откровение Б-га не ограничивается сферой человеческого и может быть выражено через животное царство. На горе Синай евреи видели Б-га, спускавшегося на гору в колеснице, влекомой ангелами с четырьмя ликами, из которых один был ликом быка. Они попытались претворить этот духовный образ в вещественный. Ошибка их заключалась в неумелом «переводе» Б-жественного видения на язык материального. Нельзя братья за такое, не имея подробных указаний Б-га. Физический объект исполняется Б-жественной энергии только по непосредственному велению Г-спода. Превосходным примером этому может служить постройка скинии – там

Б-жественная энергия исходила из ковчега, на крышке которого были два херувима. Поскольку строительство святилища велось по Б-жественному предписанию, оно стало проводником Б-жественности. Но любая наша попытка претворить, руководствуясь лишь собственными понятиями, духовное в физическую форму обречена на провал. Поскольку в таком случае будет представлена не Б-жья воля, а только наше

весьма ограниченное понимание Б-жественности, это приведет лишь к отдалению нас от Б-га.

Если Тору переводят на другой язык, возникает та же опасность: истолкование, данное людьми, затмит Б-жественное значение слов. Отсюда заявление мудрецов о том, что день осуществления греческого перевода Торы при Птолемеи был «зловещим, как день, когда был изготовлен Золотой телец». Когда же перевод поручен человеку Б-гом, как случилось на берегу реки Иордан, искажение исключается.

Какой урок можно извлечь из этих двух событий? Не должна ли история о Золотом тельце служить нам предостережением, учить тому, что не следует и пытаться обращаться к Б-гу на собственном языке? Очевидно: Б-г желает, чтобы мы привлекали Его в наш мир, об этом свидетельствует и то, что Моше сам перевел Тору на семьдесят языков. Золотой телец – лишь яркий пример того, как мы можем все испортить, если в толкованиях будем исходить из собственного понимания, не соотносясь с авторитетом Торы.

В нынешнее время у нас появилась уникальная возможность сделать Тору доступной на всех языках, донести ее до людей и народов, прежде с ней не знакомых. Мы можем отвергнуть эту возможность, сославшись на то, что мы недостойны этим заниматься, а мир в целом слишком невежественен и не в силах этого принять. Или мы изложим мудрость, собранную в Торе, на всех языках, на каждом – по-своему. Б-г будет истинно показан в этом мире, когда у всех людей будет возможность признать Его присутствие и изучать его заветы.

Наши усилия в этом направлении помогут свести на нет последствия греха создателей Золотого тельца. Их первоначальным намерением было приблизиться к Б-гу, однако путь был выбран неверный. Мы же можем направить стремления по правильному пути – если будем помогать проявлению Б-га так, как определено Торой.

9 ààà

Подземный храм

Èíàà ààðü Ñíèíí íí ííððèè Áàéíà-Ì èèáíø (Ñàÿòíé Õðàì), çí àÿ, ÷òí ñíæääíí àí ó áúòü ðàçðòóáíí úí, íí ííððèè ì àíòí, á èíòíðíí í àæææàèí í ðÿòàòü Èíà:ää- [á èííòá] ò àéííã í íàçàí í íã èíðèáíðà Õóàà ààðü Èíøè, ó è ííí àíòèè Èíà:ääçà ààààòü ààà ã àà àí ðàçðòóáíí èÿ Õðàì à

Ðàì ààì, Çàèííú Ñàÿòíã Õðàì à, 4:1; Õàèí óã Èíí à, 53á

Бейс а-Микдош был построен царем Соломоном в 2928 году от сотворения мира (833 год до н. э.) и был разрушен через 410 лет в девятый день месяца Ава армией вавилонского царя Навуходоносора. Через семьдесят лет он был возведен снова, второй Храм простоял 420 лет и был разрушен римлянами в 3829 году (69 г. н. э.) также девятого Ава. Уже тысяча

девяťсот тридцать три года девятое Ава — день поста и покаяния, день, когда мы оплакиваем разрушение Храма и молимся о приходе Мошиаха, который построит третий и последний Храм, вернет надлежащее ему место духовного эпицентра мира.

Бейс а-Микдош был домом Б-га, местом, которое Он избрал для проявления Своей всепроникающей истины. Но тогда почему же Храм был разрушен рукой человека? Лишь потому, что само устройство Храма допускало такую возможность. И в этом глубинное значение того факта, что царь Соломон построил Бейс а-Микдош, «зная, что ему суждено быть разрушенным», и на этот случай устроил в нем укрытие для Ковчега. Если бы Бейс а-Микдош не строился изначально с пониманием всего, что произойдет девятого Ава, с приготовлениями к этому, ни один смертный не смог бы и камня сдвинуть с места.

Места Ковчегов

То, что укрытие для Ковчега было с самого начала устроено в Бейс а-Микдош, указывает и на то, что первый, второй и третий Храмы – это не три разных строения, а нераздельные части единого сооружения.

В Ковчеге были установлены две каменные скрижали, принесенные Моше с горы Синай, на которых рукой Г-спода были начертаны Десять заповедей. Это была главная святыня, единственное, что хранилось в самом сокровенном помещении Храма, «Святая Святых». Наши мудрецы (Рамбан, Шмойс, 25) считают, что наипервейшее назначение Храма – служить хранилищем Ковчега, поскольку Ковчег являлся «местом Шхиншы (Б-жественного присутствия)».

Отсюда следует, что подземная зала, построенная Соломоном, это не просто «часть» Бейс а-Микдош. То, что она предназначалась именно для Ковчега, означает, что она была наравне со «Святая Святых» – сердцем Храма, смыслом его существования. (Так в Талмуде говорится, что «Ковчег был укрыт на своем месте» [Йома, 53б].)

Это подтверждается и тем, что Ковчег был в этой зале с того дня, когда за двадцать два года до разрушения первого Храма его поместил туда Йошиёу, и остается там поныне. Значит, те четыреста двадцать лет, пока стоял второй Храм, Ковчег находился не в (надземной части) Святая Святых, а в подземной зале. Но если главная задача Храма – быть хранилищем Ковчега, то как же может существовать Храм без Ковчега? К тому же, когда Йошиёу спрятал Ковчег, не было никакой угрозы ни Храму, ни суверенитету евреев в Иерусалиме, лишь пророчество о том, что Храму суждено быть разрушенным. Если бы упрятывание Ковчега под землю отрицало сущность Храма, этого бы не сделали, не будь реальной опасности, что Ковчег может попасть в руки врагов. Поэтому очевидно, что подземный тайник для Ковчега является такой же частью Бейс а-Микдош, и это – не менее достойное место для Ковчега, чем Святая Святых.

Другими словами, Храм был изначально задуман и построен в двух ипостасях: явной и сокрытой. Соответственно для Ковчега в Храме было отведено два места – в наземной части Святая Святых и в зале, спрятанном в конце «тайных подземных коридоров». В своем явном виде Храм был маяком Б-жественного света, местом, где человек напрямую ощущал и испытывал на себе Б-жественное присутствие. В сокрытом же виде Храма Б-жественное откровение приглушено, почти полностью скрыто. Но пока в Храме хранится Ковчег, он продолжает оставаться обителью Г-спода.

За тридцать веков, прошедших с тех пор, как Храм был построен, он никогда не переставал выполнять своего главного предназначения – быть вместилищем Божественного присутствия в мире. Бывали времена, когда здание это стояло во всем великолепии на вершине Храмовой горы в Иерусалиме, времена, когда он существовал в уменьшенном виде (в эпоху второго Храма) или же был почти полностью разрушен, но одна его часть всегда оставалась нетронутой, и там никогда не переставало биться его сердце. Когда «третий» Храм будет построен (да произойдет это вскорости, в наши дни) и Ковчег вернется в надземный зал, это будет не новое сооружение, даже не «восстановление», а утверждение и провозглашение того, что не прекращало существовать.

Тайные подземные коридоры

«Из-за того, что мы... провинились, был разрушен город наш, и превращен в развалины наш Храм, и покинула нас слава наша, и отнята гордость у Дома Жизни нашей, и не можем мы больше исполнять свои обязанности в Храме, избранном Тобою, в Храме великом и святом, отмеченном именем Твоим ...», – говорится в субботней молитве Мусаф на новомесячье.

Как ясно из этих строк, то, что Храм подвержен разрушениям, – явление по сути отрицательное. Поскольку Б-г знал, что мы, быть может, окажемся недостойными Его явного присутствия в нашей жизни, он повелел, чтобы Храм был построен с учетом возможных периодов сокрытия и умаления.

Но подверженность греху, живущая в человеке, – это не что иное, как дела Б-га «страшного в делах над сынами человеческими» (Теилим, 66:5). Б-г, создавая нас, наделил нас способностью ошибаться лишь для того, чтобы дать возможность узреть «преимущество света перед тьмою» (Коэлес, 2:13) – дать возможность использовать свое нижайшее падение как отправную точку движения вверх. Многого можно достичь, используя положительный потенциал для благих дел; но ничто не сравнится с рвением раскаявшегося грешника, со страстью того, кто борется с темными сторонами своей души, заставляет их отступить. Сильнее всех держится за жизнь тот, кто едва не оказался в объятьях смерти.

Много веков Храм оставался разрушенным, и сущность его была укрыта в подземной зале, под руинами его былой славы. Но на самом деле это ужасное падение – залог его будущего восхождения, исполненного еще большим совершенством и величием, чем то, которое исходило от Храма в его первом и втором воплощениях.

Пути в эту залу сокрыты от глаз, к ним ведут извилистые подземные коридоры. Это не прямая и честная дорога праведника, но сложная и запутанная дорога «вернувшегося» (баал-тшува) – дорога, которая уходит в глубины его души, чтобы отыскать и высвободить талящиеся там мощные силы.

ЧТО ПЛОХОГО В РЕЛИГИИ?

יְאִי עֵינֹתֵינוּ אִי

Религия просвещает нас, предлагает спасение. Религия учит самосовершенствованию: любви и преданности, мудрости смирения, терпению и вере. Религия предписывает нам нормы поведения, благотворные для наших душ, тел и общества. Но я рад, что иудаизм — это не религия! Ибо во всем вышесказанном заложена тенденция к самолюбанию, к достижению своих собственных целей. Религия может стать худшим врагом себе самой.

Религия делает упор на том, как важно человеку быть хорошим и поступать правильно. Она осуждает тех, кто поступает дурно и совершает ошибки. Люди по-настоящему религиозные соблюдают предписания своей религии, стремятся достигнуть совершенства. Если им это не удастся, их, возможно, осудят другие, а если они достигнут того, к чему стремились, то есть опасность стать нетерпимыми ко всем остальным. И я рад, что иудаизм – не религия!

Религия неизменно порождает кастовость – чем более религиозен человек, тем он лучше, выше, святее. Менее религиозный человек – хуже, сквернее, занимает более низкое положение в глазах окружающих. Благочестие можно измерить в процентном отношении: 100%, 50%, 2 % ...

Религия утверждает, что человек греховен от природы. Чтобы быть хорошим, говорят нам, нужно сопротивляться своим естественным наклонностям и заменить их другими мирскими ценностями. Человек не может одновременно оставаться самим собой и быть хорошим. Поэтому следует пожертвовать собой, своей «сущностью» и избрать «добро». Как я рад, что иудаизм – не религия!

Фрейд, отец психоанализа, был на правильном пути, когда признался, что его ставит в тупик его собственное, пусть дремлющее, но, безусловно, глубоко заложенное в нем еврейство. Что такое иудаизм? Б-г дал нам повеления, которые так важны и дороги для Него и, конечно же, важны для Его колоссального вечного замысла. Творя заповедь, мы что-то делаем для Него. Делаем то, что Он бесконечно желает и что всегда непосредственно касается Его.

Мы служим Ему, а не добиваемся, чтобы Он служил нам! Предоставляемая нам возможность служить, выводя нас за пределы заботы о самих себе, позволяет спастись от нарциссизма, самолюбования. В фокусе наших действий – поступок, а не человек. Правильно ли я поступил? Хорошо ли я сделал? Даже если я сам не слишком хорош, все-таки я в состоянии сделать что-то по-настоящему хорошее. Когда вы творите заповедь, она хороша сама по себе, независимо от того, кто вы, что собой представляете.

Благодарность за то, что нам предоставлена такая возможность, приносит в нашу жизнь подлинную радость. Поэтому мы и говорим: «Служите

Г-споду с радостью!» – ибо служение Б-гу – единственный путь к обретению истинной радости.

Когда вы преданно служите Ему, вам, естественно, хочется, чтобы и другие поступали так же, потому что только сообща мы можем полностью выполнить Его замысел. У нас сотрудничество, а не религиозное соревнование!

Столь же важен тот факт, что мы рождены для этих заповедей. Создавая нас, Б-г возложил на нас эту миссию. Поэтому заповедь творит наша подлинная сущность, а не отрицание своей сущности, отречение от нее.

613 заповедей не делают человека ни религиозным, ни благочестивым. Они только перебрасывают мост между самым глубинным еврейством, заложенным в каждом еврее, и самым

Б-жественным в Б-ге. Это мост от одного к другому.

Заповеди – это те наши интимные переживания, которые делают нас сопричастными Б-гу. Они выявляют еврейство в каждом еврее. Каждая заповедь засчитывается, каждый еврей дорог Б-гу. Это и есть иудаизм.

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2002 ТАМУЗ 5762 – 7 (123)

СКАЖИТЕ МНЕ, РЕБЕ...

Ėāîîĕā Ėîāĕū

Жена и профессия

Однажды к Учителю пришел ученик и спросил:

– Ребе, почему еврейская девушка уже в двенадцать лет считается взрослой, и ей можно выходить замуж?

– Посвящение девушки во взрослую жизнь вовсе не означает, что ей тут же можно выходить замуж. Замужество – самое важное испытание, и к нему надо долго готовиться, чтобы не завалить экзамен. Жена – это профессия, и ее навыки приобретаются с годами. Чем раньше девушка начинает готовить себя в жены, тем больше у нее шансов овладеть своей, самой важной профессией – профессией жены. Женщина, ставшая женой в сорок лет, так и останется дилетанткой. Мне жаль ее мужа, – был ответ.

Правило и исключение

Однажды к Учителю пришел ученик и спросил:

– Ребе, что такое правило и что такое исключение?

– Все, что я тебе говорил, может стать правилом, если ты поверишь в исключения, – улыбнулся Учитель.

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2002 ТАМУЗ 5762 – 7 (123)

ПРЕЗИДЕНТ БУШ ПОСЕТИЛ ПЕТЕРБУРГСКУЮ СИНАГОГУ

Президент США Джордж Буш и его супруга Лора во время визита в Россию в конце мая посетили Большую хоральную синагогу Петербурга, где встретились с лидерами российских еврейских общин.

Во встрече принимали участие главный раввин России Берл Лазар, главный раввин Петербурга Менахем-Мендл Певзнер, председатель петербургской еврейской общины Марк Грубарг и другие.

Большая хоральная синагога Петербурга – одна из старейших в Европе и вторая по своей величине. Синагога является центром духовной жизни петербургских евреев, а здание признано памятником истории, культуры и архитектуры федерального значения. Она была построена в 1893 году по указу Александра II при участии знаменитого русского искусствоведа Владимира Стасова. Более чем за сто лет здание обветшало, и в 1998 году началась его реконструкция. Проектом, разработанным большой группой специалистов, предусмотрено превращение синагоги в общественный и культурный центр.

Во время состоявшейся беседы обсуждались различные аспекты жизни еврейской общины в Российской Федерации, в частности вопросы возрождения еврейства,

особенно образования и воспитания еврейской молодежи. Джордж Буш отметил, что синагога Петербурга произвела на него большое впечатление, обратив внимание, что она была реставрирована уже в последние годы в контексте демократических преобразований в России. В ходе беседы с американским президентом главный раввин России Берл Лазар подчеркнул: несмотря на то что общественная жизнь обладает значительной инерцией и в ней по-прежнему существует множество национальных и религиозных проблем, – все эти вопросы обсуждаются с президентом Владимиром Путиным и во многих аспектах уже намечены конструктивные пути решения.

На встрече были также затронуты некоторые политические проблемы, в том числе необходимость отмены поправки Джексона – Вэника, ограничивающей торговлю России и США. Эта тема стала особенно актуальной так как буквально накануне визита главы американского государства в Россию конгресс Соединенных Штатов в очередной раз отказался отменить пресловутую поправку, которая в свое время была введена в связи с проблемой эмиграции евреев из СССР.

Раввин Берл Лазар подчеркнул, что сегодня евреи «не только могут беспрепятственно эмигрировать из страны, но и пользуются полной свободой внутри России». Он назвал эту поправку «абсолютно архаичной» и добавил, что «сегодня она уже работает против тех целей, для которых была принята, мешая развитию и демократизации российского общества».

Джордж Буш согласился с этим мнением и подчеркнул, что он воочию смог убедиться в позитивных изменениях, произошедших в последние годы в российском обществе не обходя стороной и еврейскую общину. Президент пообещал, что по прибытии в США обязательно встретится с группой конгрессменов, лоббирующих эту поправку, и попытается убедить их, что она «себя изжила».

На встрече президент США и российские еврейские лидеры обсудили также ближневосточную проблему. Джордж Буш заметил, что считает премьер-министра Израиля Ариэля Шарона «преданным патриотом своей страны, чрезвычайно эффективным лидером». Одна из главных причин нынешнего конфликта, по мнению главы Белого дома, заключается в «недостаточной демократичности палестинского общества».

По окончании встречи раввины Лазар, Певзнер и председатель общины Грубарг преподнесли высокому гостю серебряную ханукию. Джордж Буш с супругой расписались в книге почетных гостей.

«Посещение Джорджем Бушем петербургской синагоги, – говорит раввин Петербурга М.-М. Певзнер, – чрезвычайно значимое событие для всей еврейской общины России, свидетельствующее о росте ее влияния в российском обществе. Лично для меня как для еврея было очень важно обратиться к американскому президенту по поводу

позиции США в вопросе о ближневосточном урегулировании. Может быть, и мое скромное мнение, поддержанное другими участниками встречи, повлияет на решение президента поддержать Израиль в его борьбе против терроризма.

И еще. Как любавичский хасид я придаю чрезвычайное значение тому факту, что визит Джорджа Буша день в день совпал по еврейскому календарю с 75-летием ареста в Ленинграде Любавичского Ребе Йосефа-Ицхока Шнеерсона. Все хасиды, и я в том числе, воспринимаем это как Чудо. Посмотрите, как сегодня перевернулся мир: евреи могут свободно исповедовать иудаизм, и даже американский президент приходит к нам в синагогу. Ребе победил!

Я показал президенту Бушу нашу синагогу, рассказал о ее истории, о сегодняшнем дне петербургской общины. Г-н Буш говорил со мной и с моей женой, расспрашивал нас о наших детях. Это очень приятно, не каждый день разговариваешь с президентом США. Моя жена от имени нашей общины подарила Лоре Буш шкатулку с изображением петербургской синагоги. А президент взял фотоаппарат, чтобы сфотографировать на память этот момент. Он умеет создать атмосферу, когда рядом каждый человек чувствует себя свободно. Этому невозможно научиться, это не игра, не политика. Ведь с нами общался руководитель страны, имеющей огромное влияние во всем мире. Мне кажется, что если он ушел с хорошим впечатлением о нашей синагоге, о нашей общине, это повлияет на его отношение ко всем евреям России».

Во время посещения синагоги Джорджа Буша сопровождали советник президента по национальной безопасности США Кондолиза Райс и другие члены американской делегации.

**ПЕРЕД САММИТОМ РОССИИ – ЕС ПРОДИ ПОБЕСЕДОВАЛ С ЛИДЕРАМИ
ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН**

В среду перед открытием саммита Россия – ЕС председатель Еврокомиссии Романо Проди встретился с лидерами еврейских диаспор.

По сведениям Интерфакса, в беседе приняли участие главный раввин России Берл Лазар, президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев и глава Объединения раввинов Европы Моше Горелик.

В ходе встречи представителю Евросоюза рассказали о развитии еврейской общинной жизни в СНГ. В свою очередь, Р.Проди заявил, что, поскольку еврейская община России является крупнейшей в Европе, он понимает «огромную важность» сотрудничества с этой диаспорой в культурной и образовательной сферах.

Раввин Б.Лазар обратил особое внимание Р. Проди на необходимость совместных усилий государственных и общественных организаций Европы в борьбе с ксенофобией и проявлениями националистического экстремизма.

На встрече также обсуждались возможности более глубокой интеграции России в ЕС и программы обмена студентами, осуществляемой Евросоюзом. Говорилось и о возможности использования потенциала эмигрантов-выходцев из России в различных европейских странах, в частности в Германии и Франции.

ПРАЗДНИК ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ

Лаг ба-Омер – день особенный, печальный, даже траурный и вместе с тем радостный. Да и связан праздник не с Торой, а с традицией куда более поздней. Траур был установлен в память о трагической гибели 24 тысяч учеников рабби Акивы, духовного вождя своего поколения, одного из лидеров восстания Бар-Кохбы во II веке н. э. Устная традиция евреев утверждает, что смерть произошла от эпидемии. Однако некоторые исследователи считают такое утверждение обычным «историческим эвфемизмом» и полагают, что в данном случае речь идет о повстанцах, убитых римлянами. Как бы там ни было, череда смертей прекратилась в 33-й день «подсчета снопов», Омера. Значит, суровый урок, который преподал Своему народу Всевышний, усвоен. «33» – гематрия, то есть числовое значение букв «ламед» и «гимл» – «лаг» Омера, «лаг ба-Омер».

Но в этот день произошло еще одно заметное событие еврейской истории: умер рабби Шимон бар Йохай, ученик р. Акивы, автор книги «Зогар», основополагающего труда тайного иудейского учения Кабалы.

На Лаг ба-Омер в Израиле по всей стране жгут костры, дети отправляются на природу, вооруженные игрушечными луками и стрелами в память о героическом восстании евреев почти двухтысячелетней давности. Такова магия древней истории нашего народа: не прошло и десяти лет возрождения еврейской жизни, как праздник Лаг ба-Омер, казалось, напрочь забытый в период большевистского безвременья, стал одним из самых любимых и популярным во многих еврейских общинах стран СНГ.

Лаг ба-Омер в Челябинске начался у здания синагоги. Главный раввин Челябинска и Челябинской области Меир Кирш поздравил всех с праздником и рассказал о его истории. Собравшихся приветствовал председатель Челябинской еврейской религиозной общины «Иудим» А.И. Жук. Учащиеся еврейской общеобразовательной школы прочитали 12 изречений из Торы. После чего прозвучала аудиозапись обращения Любавичского Ребе рабби Менахема-Мендла Шнеерсона к еврейскому народу. От синагоги по одной из центральных улиц города прошло праздничное шествие с красочными транспарантами и шарами. Колонна, в сопровождении духового оркестра, исполнявшего еврейские мелодии, проследовала в парк культуры и отдыха имени Гагарина, расположенный в лесном массиве, где состоялся концерт детских коллективов еврейских школ города. В память о незабываемых событиях еврейской истории был разожжен костер; дети стреляли из луков, призывая скорый приход Мошиаха. Одним из элементов праздничной трапезы стала ароматная печеная картошка. Но особый восторг вызвало катание на лошадях, которое и завершило праздничную программу.

Во многих еврейских общинах России в день праздника Лаг ба-Омер стали традиционными выезды на природу.

Члены еврейской общины Красноярска собрались на базе отдыха на живописном берегу реки Базаихи. После молитвы раввин Б. Вагнер рассказал о глубинном смысле празднования Лаг ба-Омер, подчеркнув, что широкое его распространение – заслуга хасидизма и особенно главы нашего поколения Любавичского Ребе. Перед трапезой, которую готовили на открытом огне, председатель общины Ю. Лившиц

рассказал о жизни р. Шимона бар Йохая и его книге «Зогар», о традиционном веселье этого праздника несмотря на общую печальную тональность дней между Пейсахом и Швуэсом.

А вот для молодежи еврейской общины Петрозаводска, собравшейся на живописном скалистом берегу Онежского озера, разведение праздничных костров было не просто данью традиции. В Карелии в эту пору еще холодно, так что ребята первым делом собрали валежник и развели огонь. А потом... еврейские песни огласили окрестный лес и скованное льдом озеро.

Еврейская община «Лехайм» города Рыбинска отметила Лаг ба-Омер на берегу Волги, где собрались участники проекта «Кешер» под руководством Надежды Соколовой, коллектив еврейской воскресной школы во главе с Ириной Зак и члены молодежного ансамбля «Эстер». Праздничную программу открыла ее главный организатор Ксения Мошинская. Собравшиеся приняли участие в конкурсах по теме праздника, арбитром был Лев Мошинский, изображавший рабби Акиву. Веселое действо завершилось костром, пением популярных еврейских песен и праздничным угощением.

Еще одна традиция праздника Лаг ба-Омер – стрельба из лука. В соревнованиях по этому экзотическому виду спорта приняли участие не только дети, но и родители – члены еврейской общины Калининграда, вот уже третий год подряд отмечающие праздник в поселке Взморье. Приятно погулять с друзьями из общины, подышать свежим воздухом, испечь картошку в углях костра, пострелять из лука, принять участие в веселых конкурсах! А еще были песни у костра под гитару, танцы и множество других

развлечений. Душой праздника и его главным организатором, как и в прошлом году, стала Ольга Козловская.

Отрадно, что Лаг ба-Омер все больше привлекает еврейскую молодежь. Члены молодежного клуба Еврейского общинного центра «Хабад-Любавич – Ор Авнер» Перми с большим интересом слушали рассказ раввина Залмана Дайча об истории праздника, о рабби Акиве и его учениках, о рабби Шимоне бар Йохе. После благословения все занялись приготовлением праздничного стола. Несколько часов провели ребята в лесу, пели еврейские песни, играли в веселые игры и говорили о Б-ге, о Торе, о еврейской жизни. В завершение праздника, когда солнце уже зашло за горизонт, разожгли огромный костер и пекли картошку.

Вот и на Украине в праздничный день Лаг ба-Омер члены миньяна синагоги Донецка, студенты ешив «Томхей Тмимим», «Колель Тиферес Зкейним» и «Тиферес Бахурим» выехали на природу. Праздничный костер разжег главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий; он рассказал об истории праздника и поздравил всех присутствующих. А после того как разгорелся костер, раввин выступил в роли заводилы веселых хасидских танцев: в пляс пустились и юные ученики ешив, и их солидные преподаватели. А затем был фарбрэнген – хасидская беседа вокруг стола, в которой прозвучали интересные рассказы главы ешивы «Томхей Тмимим» Арье-Лейба Каминштейна о жизни рабби Шимона бар Йохая, а директор донецкой областной еврейской общины Аарон Вагнер, обладатель красивого певческого голоса, стал запевалой веселых хасидских песен.

В еврейской общине Днепропетровска традиционно отмечают Лаг ба-Омер широко и с размахом. Но в этом году в празднике участвовало особенно много людей: три тысячи евреев вышли в этот день на улицы города, чтобы праздничным шествием пройти по набережной Днепра от площади перед цирком до главного городского парка. Конечно, подобного рода масштабное действо не могло состояться без помощи городских властей Днепропетровска, представители которых неоднократно заявляли о своей всемерной

поддержке деятельности еврейской общины, и, что особенно важно, поддержка эта осуществляется не только словом, но и делом.

Организаторы и руководители праздничного шествия реб Меир Островский и реб Томер Шалит сделали все возможное, чтобы тысячи евреев почувствовали радость и святость этого дня. Но главное внимание, конечно, было уделено детям. Именно для них были сделаны занимательные инсталляции, иллюстрирующие основные принципы еврейской жизни. Мальчишки глаз не могли отвести от настоящего армейского бронетранспортера, украшенного плакатами. А когда растянувшаяся на километр колонна пришла в парк, детей пригласили в летний театр, где было организовано праздничное представление.

Перед собравшимися выступили гости: атташе посольства Государства Израиль в Украине Шимон Найман, глава представительства Еврейского агентства в Юго-Восточной Украине Мирон Лахат и кантри-директор представительства «Джойнт» в регионе Менахем Лепкивкер. Они выразили глубокую удовлетворенность тем, что в Днепрпетровске живет мощная и единая еврейская община; только единение евреев всего мира дает надежду, что еврейский народ будет жить вечно.

В концерте приняли участие ведущие детские и молодежные еврейские коллективы города. Здесь были и самые маленькие – воспитанники детского сада «Илана» и хедера, читавшие 12 Псуким и покоровившие всех зажигательными танцами, и уже вполне взрослые – учащиеся еврейской школы «Ор Авнер – Хабад-Любавич» и еврейского женского педагогического колледжа «Бет Хана», которые показали театрализованные сцены, связанные с традициями праздника Лаг ба-Омер. Ну а гвоздем программы стало выступление знаменитого хора мальчиков «Пирхей Украина». И, чтобы уж не отступать ни на шаг от сложившейся программы этого праздника, была разыграна лотерея, в которой главным призом был велосипед.

יְיָ יֵאָדָּעֵי

יְאֹדָּעֵי יְיָ יֵאָדָּעֵי

«ПОКА РАСТУТ НАШИ ДЕТИ, БУДЕТ ЖИТЬ ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД»

В еврейской общине Донецка в парке имени Щербакова состоялся парад в честь праздника Лаг ба-Омер. «Подумаешь, парад», – скажете вы. Я тоже не ждала ничего особенного. Но как только увидела детей из еврейских детского сада и школы, строящихся в праздничные колонны на одной из аллей парка, поняла, что ошиблась. Шествие открывали студенты ешивы «Томхей Тмимим», которые несли большой транспарант с праздничными лозунгами, и ученики начальной ешивы. За ними шли главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий, ребецн Дина Вышецкая, руководители общины – все со своими детьми. Каждый класс еврейской школы шел своей отдельной колонной в сопровождении учителей и родителей, воспитанников детского сада сопровождали воспитатели.

Не могу толком объяснить, почему слезы наворачиваются на глаза, когда видишь в руках у своего десятилетнего сына плакат с призывами к миру. Не знаю, какими словами рассказать о чувствах, охвативших меня во время праздника. Помня о террористических актах не только в Израиле, но и во всем мире, о вспышках антисемитизма в некоторых странах, мы шли по главной аллее старейшего городского парка! И пусть наш путь составлял всего несколько сотен метров, но он был, этот путь! Люди, гулявшие в парке, переглядывались и говорили: «Молодцы эти евреи. Красивый праздник».

Церемонию открыл директор Донецкой областной еврейской общины раввин Аарон Вагнер. Он сказал, что еврейские дети Донецка сегодня присоединились к детям тысяч городов по всему миру, которые вышли на парад в этот день. Лозунг Лаг ба-Омера «Люби ближнего своего, как самого себя» особенно важен сегодня, когда в мире и, особенно, в Израиле сохраняется очень сложное положение. Научимся любить ближнего – будет единство в сердцах евреев и помощь Всевышнего.

А потом Аарон попросил раввина Пинхаса Вышецкого сказать несколько слов о празднике. Но раввин ответил, что нет смысла рассказывать, потому что дети из еврейского детского сада, школы, ешив и махона все и так знают прекрасно. Следует только помнить, что все мы собрались в память великого мудреца и праведника рабби Шимона бар Йохая и сделали это по указанию другого великого мудреца и праведника – Любавичского Ребе. Благодаря заслугам этих великих людей на всех евреев снизойдет благословение Всевышнего, мир, радость и счастье.

А потом парк «отдали» в полное распоряжение мальчишек и девчонок. Им хотелось прокатиться на всех аттракционах сразу, но, помня о главной заповеди праздника Лаг ба-Омер, дети старались не толкаться и уступали места друг другу. Им раздали напитки и булочки. Три часа пролетели незаметно. Мы поехали домой на специальных автобусах.

Уже дома мои дети сделали такой вывод: «Раз евреи так любят своих детей, то мы, когда вырастем, будем любить своих. Значит, всегда будет много евреев». А я добавлю: «Пока будут дети, будет народ. Да поможет нам в этом Б-г!».

יְאֵדֵי אֶל־כָּל־אִוֵּי־אֵדֶיךָ

ПОЛЕМ БОЯ ИСПЫТАНЫ

Все дальше уходит в историю май сорок пятого, но несмотря на годы крепки их рукопожатия, они подтянуты и сильны духом. Они – наши ветераны, собравшиеся по традиции в Ассоциации еврейских общин Казахстана на праздник в честь Дня Победы.

Каждый участник встречи увидел свою фотографию и перечень боевых наград на праздничном стенде в фойе Ассоциации. Многие снимки – ровесники Победы. Со стенда, улыбаясь, смотрели на ветеранов... они же сами – молодые солдаты и командиры взводов, вчерашние выпускники школ, штурмовавшие военкоматы с просьбой отправить на передовую. Это было свидание с юностью.

Встреча ветеранов началась в синагоге Ассоциации. Один из старейших членов общины, ветеран Великой Отечественной войны Соломон Моисеевич Буллер и председатель Ассоциации еврейских общин Казахстана раввин Иосиф Меир Шейнер зажгли поминальные свечи. Активист общины Владимир Семенович Курицкий произнес Кадиш в память о тех, кого уже с нами нет, а Гита Григорьевна Яковлева, пережившая Холокост, читала стихи о шести миллионах евреев, погибших от рук нацистов.

После торжественной части встреча фронтовиков продолжилась за праздничным столом: какой же День Победы без знаменитых фронтовых ста граммов! Ветераны пели «Катюшу», «Темную ночь» и другие милые сердцу песни под аккомпанемент кларнетиста Далена Шинтемирова. Участников праздника поздравили ученики средней школы еврейского учебно-воспитательного комплекса «Ор Авнер –

Гершуни». Аплодисментами встретили ветераны выступление трио в составе виолончелиста Мириам Галановой и вокалистов Моше Будянского и Эстер Меньшиковой, исполнившего на иврите «Адон Олам».

В завершение праздника ученики еврейской школы дарили ветеранам цветы. А к тем, кто не смог прийти на встречу, представители Ассоциации приехали домой с праздничными поздравлениями.

Каждый ветеран получил в подарок книгу участника Сталинградской битвы и других сражений второй мировой А.Ф. Кулакова «Поле боя испытаны». В книге, вышедшей в канун Дня Победы при поддержке Ассоциации еврейских общин Казахстана, рассказывается о евреях – Героях Советского Союза.

Рֶדֶעַ עֵאוֹאֵרֶה

АЛЛЕЯ ДРУЖБЫ НАРОДОВ НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

В Волгограде на Мамаевом кургане у подножия монумента «Родина-мать» состоялась торжественная закладка «Аллеи дружбы народов», в которой приняли участие представители национальных организаций Волгоградской области. Открывая торжественную церемонию, председатель областного комитета по делам национальностей и казачества Александр Бирюков сказал, что эта акция должна стать символом взаимопонимания разных национальностей в совместном труде на благо родной земли. А автором идеи создания аллеи стал заместитель председателя комитета Алексей Суслов. В ходе церемонии было оглашены приветствия губернатора Волгоградской области Николая Максюты и мэра Волгограда Юрия Чехова. Выступили также представители национальных объединений: председатель еврейского общинного центра Яэль Иоффе, председатель Совета старейшин Волгоградского округа донских казаков, участник Великой Отечественной войны Валентин Наумов, представитель дагестанской диаспоры, главврач областной больницы № 3 Нури Ахмедов и другие. После возложения венков к малой Братской могиле все собравшиеся, в том числе председатель Совета ветеранов Великой Отечественной войны еврейской общины Лев Язмир вместе с учащимися школы «Ор Авнер», вооружившись лопатами и саженцами, приняли участие в посадке деревьев.

ПОМНИМ... И НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ!

В Театре эстрады Волгограда прошел мемориальный вечер памяти жертв Катастрофы, организованный Волгоградским еврейским общинным центром и школой «Ор Авнер». Само название вечера – «Помнить... И никогда не забывать!» – говорило о том, как важно для всего человечества во имя будущего извлекать уроки из прошлого, чтобы такое никогда не могло повториться. И выставка фотографий в фойе, копий с оригиналов музея «Яд ва-Шем» в Иерусалиме, и литература из библиотеки ВЕОЦ, рассказывающая о Катастрофе, и театрализованное представление, показанное школьниками, помогли зрителям, пусть лишь в малой степени, почувствовать весь ужас миллионов сломанных и уничтоженных судеб. Вместе с более чем тремястами участниками вечера скорбную дату почтили и представители администрации. Обращение к собравшимся губернатора Волгоградской области Николая Максюты зачитал заместитель председателя областного комитета по делам национальностей и казачества Алексей Суслов, а обращение мэра Волгограда Юрия Чехова – начальник отдела по связям с национальными и религиозными объединениями администрации города Андрей Романов.

Долгий список имен сталинградцев, загубленных фашистами только за то, что они были евреями, зал слушал стоя. Здесь же присутствовали и люди, для которых те страшные события были реальностью: оставшиеся в живых бывшие малолетние узники фашистских лагерей. Всем им дети подарили цветы, а мы попросили их немного рассказать о тех страшных временах.

Ī àèñèì Dóvì àí

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ В ДО

НЕЦКОЙ СИНАГОГЕ

9 мая члены миньяна донецкой синагоги – участники Великой Отечественной войны пришли на утреннюю молитву празднично одетые, с орденами и медалями. В зале царил особое настроение, давно повелось, что в этот день радость заодно с грустью... После чтения Торы заместитель председателя общины реб Менахем-Мендл Соловьев прочитал молитву в память о шести миллионах евреев, погибших в Холокосте. Дай Б-г, чтобы трагедия, унесшая жизни стольких евреев, никогда больше не повторилась! После молитвы ветеранов поздравили председатель донецкой областной еврейской общины реб Иегуда Келерман и член совета общины Эмиль Абрамович Манусов. Староста миньяна Илья Григорьевич Цыбульник прочитал свои стихи, посвященные Дню Победы. Иегуда Келерман передал поздравления руководства Донецкой областной еврейской общине и вручил ветеранам подарки. Затем в столовой синагоги в честь ветеранов был дан праздничный завтрак с «фронтowymi» ста граммами. Звучали мелодии военных лет, ветераны подпевали, вспоминали прошлое.

Ēàíí èä Bèíàèää

СПРАВЕДЛИВУЮ БОРЬБУ ИЗРАИЛЬСКОГО НАРОДА ПОДДЕРЖИВАЕМ!

В апреле Федерация еврейских общин России в разгар операции армии обороны Израиля «Защитная стена» выступила с заявлением, в котором была изложена позиция в отношении военных действий еврейского государства по искоренению структуры террора в Палестинской автономии и изоляции палестинского террориста №1 Ясира Арафата. «Война, которую Израиль объявил террору, – говорится в заявлении, – является составной частью общей борьбы с терроризмом, которую ведет сегодня все цивилизованное человечество». Тысячи евреев в десятках городов России пришли на митинги и собрания в своих общинах, чтобы поддержать заявление ФЕОР, выразить свою солидарность с борьбой израильского народа, гневно осудить варваров и убийц.

Журнальная площадь позволяет нам рассказать лишь о малой части этой громадной, небывалой волны солидарности и негодования.

В Петербурге состоялся митинг солидарности «Молитва за Израиль», на который собрались более семисот евреев. К собравшимся обратились консул посольства Израиля Шмуэл Полищук и главный раввин Петербурга Менахем-Мендл Певзнер.

«С болью и тревогой мы наблюдаем за событиями, происходящими на Ближнем Востоке, – сказано в резолюции митинга еврейской общины Калининграда. – Мы считаем, что политика двойных стандартов является недопустимой в борьбе с международным терроризмом. Нельзя одной рукой бороться с терроризмом, а другой ограждать террористов от справедливого возмездия».

В Северо-Западном регионе России митинги в поддержку справедливой борьбы Израиля против терроризма прошли также в Мурманске, Архангельске, Новгороде, Великих Луках, Боровичах и Выборге.

В еврейском культурном центре Сыктывкара прошло заседание пресс-клуба, в ходе которого состоялся заинтересованный разговор о современной ситуации в Израиле. Этот разговор стал продолжением дискуссии, начатой на страницах газеты «Молодежь Севера».

Участники митинга еврейской общины Калуги считают, что необходимо как можно скорее остановить эскалацию насилия на Ближнем Востоке, ведь на земле Израиля гибнут мирные люди.

А члены еврейской общины города Касимова выразили свое осуждение политики двойных стандартов правительства США и стран Евросоюза. Участники митинга были единодушны в поддержке народа Израиля в его борьбе с терроризмом.

«Нынешняя война на Ближнем Востоке, которую вынуждено вести еврейское государство против палестинских террористов, – это справедливая война, направленная на восстановление мира на земле Израиля», – утверждают участники митинга в Липецке.

«Мы, члены Тамбовской еврейской религиозной общины, с большой тревогой и острой болью воспринимаем события, которые происходят в Израиле. Наши сердца обливаются кровью каждый раз, когда мы узнаем о новых невинных жертвах палестинских фанатиков. Мы выражаем глубокое соболезнование родным и близким жертв терроризма. Мы поддерживаем антитеррористическую борьбу государства Израиль. Мы считаем, что нет никакой разницы между террористами, совершающими кровавые преступления в Израиле, России, США и других странах. Мы считаем, что руководители всех цивилизованных стран должны жестко осудить политику террора

против мирного народа Израиля, которую осуществляют террористические организации Палестины, созданные и руководимые Ясиром Арафатом», – сказано в резолюции митинга евреев Тамбова.

В Смоленске перед началом митинга были зажжены поминальные свечи, произнесены благословения... «Палестинцам не однажды давался шанс на создание собственного государства, – сказал в своем выступлении помощник председателя общины Яков Новиков. – Но они хотят палестинское государство не рядом с Израилем, а вместо него. Так называемая палестинская автономия живет целиком за счет террора. Поэтому для устранения террористической угрозы в регионе и в мире необходимо уничтожение всей военной инфраструктуры палестинской автономии. Палестинцы входят в костяк мирового терроризма, от которого страдает мир».

Раввин иудейской общины Брянска И. Ройтман, объясняя собравшимся на митинге соответствующие отрывки из Торы, обратил их внимание на то, что земля Израиля дана евреям самим Б-гом, и это должно являться главным вдохновляющим фактором для израильтян в борьбе за свою землю и жизнь.

Митинги против разгула терроризма на Ближнем Востоке прошли в еврейских общинах многих больших и малых городов Центрального региона России – в Рязани, Орле, Курске, Белгороде, Сураже, Клинцах, Унече, Рославле, Новозыбкове, а также в подмосковной Малаховке.

«Для того и создано государство Израиль, чтобы защитить свой народ» – эти слова стали лозунгом собрания еврейской общины Сызрани.

А в синагоге Казани после торжественного молебна в честь Дня памяти вожатые молодежного центра «Афифон» организовали тематическую программу «Катастрофа наших дней», в которой участвовали более пятидесяти студентов.

В Центре развития национальных культур Ульяновска после просмотра кинофильма, посвященного образованию государства Израиль и борьбе за его независимость, собравшиеся почтили минутой молчания воинов, павших за независимость еврейского государства. Торжественное собрание, посвященное Дню независимости Израиля, состоялось также в Дмитровграде.

На митинге еврейских общин городов Саратова и Энгельса в поддержку народа Израиля выступавшие читали стихи Валерия Ганского:

Î û äîëæí û á éöæè

ñ áðàò üÿ -

Î àø è æáí óò ò àì ñ áðàò üÿ.

È îñéí éçàì è èçðáí áí

Á-áì äáí í úé í àì Èçðáè èü

Á í èð, ñáí áí áó ñáÿ ò í ááÿ,

Î îääáðæ è, áðáé, áðáÿ!

Главный раввин Саратова и Саратовской области Яков Кубичек прочитал молитву по погибшим и раненым от террористических актов в Израиле. Были зажжены поминальные свечи и принесены добровольные пожертвования.

Митинги и торжественные собрания в честь Дня памяти и Дня независимости Израиля прошли в Йошкар-Оле, Ижевске, Чебоксарах, Набережных Челнах, Оренбурге, Уфе и других городах Поволжья.

Средства массовой информации Самары неоднократно обращались в еврейскую общину города с вопросом: не боятся ли евреи антисемитских вылазок, ставших, к сожалению, частью общественного ландшафта России в апрельские дни. Община ответила на подобные вопросы со всей определенностью: ни одно мероприятие не было ни отменено, ни перенесено. Евреи решительно поддержали своих израильских братьев, выступивших на борьбу с терроризмом.

Особую обеспокоенность событиями в ближневосточном регионе выразили на митингах евреи городов Юга России. Так, в резолюции митинга еврейской общины Моздока было отмечено, что «многонациональная республика Северная Осетия стоит на границе с Чеченской республикой, где был заложен арабскими наемниками-фанатиками очаг терроризма на Северном Кавказе. Жители на себе испытали весь ужас террора и поэтому особенно солидарны с народом и правительством Израиля в их справедливой борьбе с мировым терроризмом».

Собрание еврейской общины Нальчика приняло решение: «Обратиться в ООН, к правительству и президенту России с просьбой поддержать Израиль в борьбе против палестинских террористов. Мировое сообщество должно воздействовать на правительство Палестины, чтобы прекратилась эта страшная волна террора». Кроме того, по мнению евреев столицы Кабардино-Балкарии, «необходимо пресечь публичные выступления некоторых депутатов Государственной Думы, разжигающих межнациональную рознь и антисемитизм».

На собрании еврейской общины Дербента выступил заместитель главы администрации города Д.И. Данилов, выразивший обеспокоенность происходящими в Израиле событиями и надежду на то, что два народа, евреи и палестинцы, придут к согласию, и на Земле Израиля воцарится мир.

Участники собрания еврейской общины Владикавказа направили обращение ко всем еврейским общинам и отдельным гражданам о сборе средств для оказания помощи пострадавшим от терактов в Израиле, для чего предложили ФЕОР открыть соответствующий счет в банке.

В Южном регионе России собрания и митинги прошли также в Астрахани, Волгограде, Анапе, Горячем Ключе, Светлом Яре, Волжском, Краснодаре, Буйнакске, Кисловодске, Таганроге.

Члены еврейской общины города Серова собрались на центральной площади. С инициативой проведения митинга у Мемориала Вечного огня выступили представители городской администрации, так что здесь могли присутствовать горожане всех национальностей. Многие из них выражали свое резко отрицательное отношение к терроризму вообще и к арабскому в частности.

Евреи города Полевской считают, что газеты и телевидение тенденциозно, односторонне, «с палестинской позиции» показывают сегодняшние события в Израиле. Участники митинга, ветераны войны и труда, выразили мнение, что надо самим добиваться опубликования в печати и на телевидении точки зрения еврейской общины на события в Израиле.

А на собрании евреев Каменска-Уральского свидетели Катастрофы рассказывали собравшимся об ужасах фашистских лагерей, проводя аналогии с современным терроризмом и экстремизмом.

В Екатеринбурге уже после окончания собрания десятки евреев приходили в синагогу, чтобы выразить свою солидарность с народом Израиля. Многие выразили готовность в качестве добровольцев сражаться за свободу и независимость Израиля.

Члены еврейского религиозного объединения и краевой еврейской национально-культурной автономии Красноярска поддержали «Заявление Федерации еврейских общин России». На собрании выступили главный раввин Красноярска Б. Вагнер, директор Сибирского отделения благотворительного фонда «Джойнт» Б. Дамари, председатель Совета еврейской краевой национально-культурной автономии Н. Рашковский, председатель Красноярского еврейского религиозного объединения Ю. Лившиц, пресс-секретарь КЕРО М. Киселевский, члены общины. Собравшиеся единодушно приветствовали призыв ФЕОР к правительствам России, США и других стран антитеррористической коалиции – сделать все возможное для поддержки Израиля, ведущего тяжелую борьбу с террором на Ближнем Востоке.

В Хабаровске митинги и собрания прошли в еврейской школе «Ор Авнер», в благотворительной столовой Хеседа «Израэль», а также в общине «Мизрах». Здесь, как и во многих других городах, члены общины увидели документальные ленты, предоставленные посольством Израиля в России. Их названия говорят сами за себя: «Семена ненависти», «Пережить теракт», «Кровавые бесчинства палестинцев». Перед собравшимися выступил председатель хабаровской еврейской религиозной общины «Мизрах» М.И. Аршинский. «Земля Израиля, – сказал он, – это сегодня то место, где исламские террористы с особой жестокостью и ненавистью ведут беспощадное уничтожение мирного населения, в основном стариков, женщин и детей. Поражает и не поддается человеческому разумению такое явление, как смертники. Это война не только с евреями, это война со всем прогрессивным человечеством».

В хабаровской газете «Тихоокеанская звезда» была опубликована заметка «Свою родину поддержали», в которой было рассказано о прошедших в городе акциях в поддержку Израиля.

Митинги и собрания в поддержку еврейского государства прошли также в Верхней Пышме, Нижнем Тагиле, Новоуральске, Ревде, Юрге, Улан-Уде, Магадане, Биробиджане и других городах Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Террор не пройдет! Справедливую борьбу израильского народа поддерживаем!

Так сказали десятки тысяч евреев России.

Í î ï àò áâèäëäì

èí óî òì äöëíííí-

àí äëè ò è-äíêîã

äíí àðò àì áí ò à ÔÁÎÐ

СБРОСИТЬ ИЗРАИЛЬ В МОРЕ НЕ УДАСТСЯ НИКОМУ

Митинг-собрание, посвященный Дню памяти воинов, павших в борьбе за свободу и независимость Израиля, и борьбе еврейского народа и Израиля против сил международного терроризма, прошел в костромской синагоге.

«Почти каждый день мы узнаем об очередных страшных по своей жестокости терактах на Святой Земле, жертвами которых становятся мирные люди, – говорили выступающие на митинге. – Опять остро стоит вопрос выживания еврейского государства. Нет другого выхода, необходимо защищать национальные интересы с оружием в руках, так как арабы никогда не откажутся от своей мысли – сбросить Израиль в море».

Главный раввин города Костромы и Костромской области раввин Нисон Руппо, недавно приехавший из Израиля на постоянную работу в общину, со знанием дела рассказал присутствующим о положении в стране. «Что можем сделать в этой ситуации мы, евреи Костромы? – сказал он. – Чем можем помочь нашим братьям и сестрам, живущим в Израиле? Молитва, изучение Торы и добрые дела! Давайте каждый понедельник собираться в это же время и учить Тору. Давайте еще более активно делать добрые дела. Нам всем сегодня как никогда нужно сплотиться, быть вместе, помогать друг другу». После этого раввин Нисон и хазан миньяна Иосиф Соломонович Муз прочитали молитву и зажгли свечу в память о погибших евреях во всех войнах Израиля. Была прочитана молитва за скорейшее выздоровление раненых. Все присутствующие читали Шма и Теилим.

На митинге-собрании выступили также бывший узник фашистского концлагеря Майя Борисовна Крейдман, полковник в отставке Ефим Давидович Подоксик, бывший военнослужащий ЦАХАЛа Владислав Гольдштейн, лидер молодежной организации общины Аарон Штыков, габай синагоги Симон Кацошвили. Участники митинга приняли резолюцию, в которой поддержали усилия Израиля в его непримиримой борьбе с арабским терроризмом, пожелали скорейшего наступления мира на Святой Земле, осудили откровенно проарабскую позицию Совета безопасности ООН, призвали весь еврейский народ к сплочению и борьбе против антисемитизма и ксенофобии.

אי אדם לו אדם

ЗА НАШ ДОМ

Сильный дождь со штормовым ветром, обрушившийся в этот день на город, не помешал более чем 450 евреям Владивостока прийти в конференц-зал Музея имени Арсеньева на собрание, посвященное обсуждению ситуации в Израиле. Поводом для встречи стало обращение Федерации еврейских общин России ко всем евреям страны в один день, в один час собраться вместе и осудить террор, свирепствующий сегодня на Ближнем Востоке, убийства мирных жителей Израиля, да и не только Израиля. Это была очень хорошая идея – собраться всем вместе, чтобы и мы сами, и окружающие нас люди, да и правительства России, Израиля, арабских стран увидели нашу сплоченность, нашу веру и нашу силу. И поняли – не считаться с такой силой невозможно. Да и мы сами наконец-то поверили, что будущее и Израиля и всего мира зависит и от нас.

Собрание евреев Владивостока началось общей молитвой в честь павших в войнах солдат Израиля, молитвой за раненых в террористических актах, за воинов, постоянно подвергающих свою жизнь опасности за НАШ ДОМ, за НАШ ИЗРАИЛЬ. Затем были оглашены «Заявление Федерации еврейских общин России» и «Обращение к мировой общественности» Елены Боннер.

Реакция собравшихся была очень резкой и однозначной. Да и могло ли быть иначе? Ведь среди выступающих были люди, дети и внуки которых сегодня с оружием в руках защищают землю Израиля от бандитов и убийц. «Мой сын служит в армии обороны Израиля, – говорит известный приморский архитектор Иосиф Эйдис. – Зная, как мы волнуемся, в эти дни он чаще обычного звонит, пишет сюда, во Владивосток. У меня нет никаких оснований не верить ему. А рассказывает он страшные вещи: о фанатиках-террористах, обвязанных взрывчаткой, об обезумевших от горя израильских матерях, чьих детей у них на глазах разрывает на куски взрыв бомбы. Рассказывает о подлых провокациях палестинцев, стреляющих в своих же детей и потом тыкающих их еще не остывшие тела в объективы телекамер. Я не хочу, чтобы моего сына убили. Я не хочу,

чтобы и он убивал. Но терроризм необходимо вырвать с корнем, иначе он даст ядовитые побеги. Пытаться договориться с убийцами – аморально. Да и невозможно...».

Заявление Федерации еврейских общин России, зачитанное на собрании, было одобрено единодушно. В свою очередь, еврейская община Владивостока выступила с обращением к президенту России, к правительству России, где, в частности, говорится: «Израильские войска ведут боевые действия против того же врага, с которым борется и Россия. Бин Ладен, Арафат, Хаттаб и Басаев – близнецы-братья. И если терроризм будет разбит на Ближнем Востоке, то и российских ребят меньше погибнет в борьбе с терроризмом. Терроризм не имеет национальности, он не бывает справедливым или несправедливым. Поддержите Израиль в его справедливой борьбе! Борьба с террором – это общая борьба!»

К этому обращению присоединились также еврейские общины городов Находка, Уссурийск, Артем, Спасск, Партизанск, Арсеньев.

Собрание еврейской общины Владивостока вызвало значительный резонанс в общественной жизни города. Многие журналисты центральных и местных средств массовой информации присутствовали на собрании, так сказать, в «двух лицах»: и как евреи, и как люди, выполняющие свои профессиональные обязанности. Их отклики вызвали, в свою очередь, множество обращений в еврейскую общину жителей Владивостока – не только евреев – со словами поддержки и солидарности к народу Израиля, который борется с терроризмом.

Владимир Янкелевич

МЫ ДОЖИЛИ ДО ЭТОГО ДНЯ!

Немного найдется в жизни общины таких радостных и значительных событий, как обретение нового свитка Торы. В Днепропетровске это произошло накануне Швуэса, праздника, в который все евреи отмечают получение Торы на горе Синай.

Тысячи людей стояли на улице и во дворе днепропетровской Малой синагоги... А в это время в молитвенном зале проходила церемония завершения свитка. Ведь по традиции работа над свитком должна быть завершена в той общине, где он будет храниться, где его будут читать каждые Субботу, понедельник и четверг.

Большая часть новой сейфер Торы была написана в Иерусалиме самыми лучшими сойферами, но завершен он будет здесь, в Днепропетровске. И руководитель школы сойферов днепропетровской ешивы «Нахлас Леви» р. Зеев Гельфанд уже приготовился помочь почетным гостям вписать буквы, завершающие свиток. По очереди вызывает р. Меир Островский тех, кто удостоен чести написать свою букву – членов попечительского совета еврейской общины, руководителей еврейских организаций города, лидеров и активистов еврейской общины, гостей праздника. Для участия в церемонии приехали главный раввин Румынии М. Акоэн, раввины многих городов Украины, зарубежные гости.

Аплодисментами приветствовали собравшиеся г-на Эдварда Сартана и г-на Мартина де Йонга, которые подарили общине новый свиток Торы, а также г-на Ури Лейбера, подарившего серебряную корону, которой Тора будет увенчана. И вот уже дописаны последние слова, и член попечительского совета еврейской общины г-н Эдвард Сартан поднимает Тору, чтобы все видели ее – священный документ Союза, данный народу Израиля Всевышним.

Тору выносят на улицу. Под праздничным свадебным балдахином – Хупой, в сопровождении тысяч ликующих людей мы пронесем ее по улицам города к Хоральной синагоге «Золотая Роза». Впереди – военный оркестр украинской армии, который играет еврейские мелодии, за ним – дети, ученики школы «Ор Авнер», и ветераны, чью грудь украшают многочисленные ордена; все идут с зажженными факелами. За ними, окруженный танцующими и поющими евреями, движется свиток Торы. Его несут на руках, бережно передавая друг другу, члены попечительского совета еврейской общины, всеми уважаемые люди, которые так много делают для возрождения и развития еврейской

жизни. Тысячи людей следуют за Торой, прикасаются к свитку, целуют его, подносят детей, чтобы и они могли поцеловать священную реликвию. Процессия медленно приближается к Хоральной синагоге «Золотая Роза». Здесь ее торжественно встречают со свитками Торы в руках ветераны еврейской общины. Многие из этих свитков очень древние, от ветхости они давно непригодны для б-гослужения, но их хранят с почетом и уважением. Сегодня еврей-ветераны, пронесшие свет идишкайт сквозь огонь Холокоста и мрак коммунистического безвременья, вынесли их, чтобы встретить новый свиток.

Тору вносят в синагогу, и, передавая из рук в руки, несут к Арон Кодеш, где она будет храниться. В большом зале синагоги, вмещающем восемьсот человек, яблоку негде упасть. А сколько стоит на улице! Со свитками в руках танцуем мы вокруг бимы, как в праздник Симхас Тойра.

А во дворе синагоги уже накрыты столы для праздничной трапезы. Скоро здесь тоже будет многолюдно, мы будем говорить «Лехаим», слушать прекрасные песни хора мальчиков «Пирхей Украина», танцевать и веселиться, благодарить Всевышнего, что дожили мы до этого дня, просить Его даровать счастье и благополучие тем людям, которые подарили нам этот праздник.

אֵלֵינוּ אֵד יְיָ יִרְאֶה

ПРАЗДНИК СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

В латвийском городе Сигулда по инициативе Хабада состоялся праздник совершеннолетия бар- и бас-мицвы для мальчиков, достигших 13 лет, и девочек, достигших 12 лет, – учащихся рижской еврейской школы «Хабад-Любавич» и еврейских детей со всей Латвии. В празднике принимали участие первый секретарь посольства Государств Израиль в Странах Балтии Нахум Галь, родители детей, учителя и гости. Праздник начался увлекательной экскурсией по Сигулде с катанием на канатной дороге и купанием в бассейне.

Все с нетерпением ждали приближения Царицы Субботы. Девочки вместе с мамами под руководством Ривки Глазман испекли субботние халы, праздничные столы накрыты, свечи зажжены, – все готово к тому, чтобы раввин Мордехай Глазман начал Субботнюю церемонию. Но инициативу проведения праздника ребята берут в свои руки: они сами читают кидуш, объясняют происхождение праздника, рассказывают о традициях и обычаях празднования Шабоса, читают недельную главу Торы. Потом они играют в различные познавательные и ролевые игры. А к вечеру ребята читают молитву Авдолу, и, наконец, смотрят интересный фильм об исторических местах Израиля.

Торжественная церемония совершеннолетия проходила в воскресенье. Все ребята получили памятные подарки: мальчики – тфилин, поскольку с этого дня они обязаны каждый день накладывать их во время молитвы; девочки – красивые подсвечники для зажигания субботних свечей.

יָאֵל אֶל אֲנָשֵׁי אֲיִתָּךְ

ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЕТИЛ ЕВРЕЙСКИЙ ОБЩИННЫЙ ЦЕНТР

В рамках недавно заключенного соглашения о социальном партнерстве между администрацией Волгоградской области и национальными общественными объединениями представители администрации проводят серию визитов и встреч с целью непосредственного знакомства с жизнью, деятельностью и условиями работы этих общественных объединений. Волгоградский еврейский общинный центр посетили первый вице-губернатор Юрий Сизов, председатель комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области Александр Бирюков и его заместитель Алексей Сулов. Из беседы с председателем центра Яэль Иоффе они узнали об основных программах и проблемах ЕОЦ, о ближайших планах и готовящихся мероприятиях, осмотрели общинную библиотеку и информационные стенды. В свою очередь, гости рассказали о

работе администрации в сфере национальных проблем области. Недавно прошла согласование разработанная комитетом по делам национальностей и казачества областная целевая программа «Социальное и этнокультурное развитие народов Волгоградской области на период 2003-2005 гг.». Теперь она будет вынесена на заседание областной думы. Обсуждается создание внебюджетного фонда этносоциального развития, вносятся коррективы в региональные нормативно-правовые акты о национальных отношениях – иными словами, создается система отношений администрации с национальными объединениями.

ПРИХОДИТЕ К НАМ В «БЕТ ХАНУ»

Десятилетняя история возрожденной еврейской жизни Днепропетровска дала нам возможность многое узнать о своих корнях. Теперь мы уже не те, растворившиеся в «советском этносе» граждане, мы достаточно хорошо знаем свою историю и традиции. Теперь мы громко говорим о том, что мы евреи. Вместе с возможностью узнать о своих корнях мы получили солидный багаж знаний.

Немало сил, энергии и, что очень важно, средств вложили главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий и председатель Совета федерации иудейских религиозных общин Украины Меир Стамблер в дело еврейского образования. В нашем городе работает детский сад «Илана», еврейская школа с десятилетней историей и, конечно, днепропетровское еврейское женское педагогическое училище «Бет Хана». Вся обстановка училища как нельзя лучше соответствует его названию – теплый, гостеприимный и по-домашнему уютный – «Дом Ханы». Именно здесь решается одна из важнейших задач еврейской жизни: кто же будет учить наших детей.

Все, кто занят организацией учебного процесса, конечно же, делают все возможное, чтобы создать необходимые условия для получения достойного образования еврейскими девушками. Это и создание интересных программ и проектов, в которых

девушки – основные участницы; это и мощный компьютерный центр, и существенная методическая помощь, и многочисленные интернет-конференции, и взаимодействие с учебными заведениями ближнего и дальнего зарубежья. Результат такой насыщенной работы налицо: студентки не только с успехом овладевают навыками современной педагогики, но и получают солидный комплекс знаний в самых престижных профессиях.

В этом году, используя весь накопленный творческий и технический потенциал, «Бет Хана» вступает в новую фазу своего развития. Учебно-методический комплекс Крымский государственный гуманитарный институт – «Бет Хана» поможет многим девушкам осуществить мечту о получении полного высшего образования.

Сегодня многим молодым людям, мечтающим о поступлении в какое-либо учебное заведение, приходится как следует подумать о том, где взять деньги на учебу. А вот в «Бет Хана» не нужно платить за учебу: работу училища финансирует фонд «Ор Авнер» под председательством известного мецената г-на Леви Леваева; «Бет Хана» бесплатно предоставляет своим студенткам прекрасные условия для проживания и питания.

Но главное, «Бет Хана» помогает студенткам в полной мере раскрыть свои таланты. Как в любом уютном и гостеприимном доме, здесь любят петь, танцевать, сочинять стихи и прозу, создавать своими руками красивые вещи, принимать гостей и показывать им плоды своего творчества.

Если вам не безразличны судьбы ваших детей и внуков, если вы хотите, чтобы они получили достойное современное образование, приходите к нам. Наш «Дом Ханы» открыт для всех, мы ждем вас.

Оаòöüí à Èàí èóí ñèàü

МОЯ ШКОЛА – МОЯ СТРАНА

В Казахстане в городе Алматы состоялся первый городской фестиваль частных школ «Моя школа – моя страна», в котором приняли участие двадцать школьных коллективов.

Школа еврейского учебно-воспитательного комплекса «Ор Авнер – Гершуни» участвовала в нескольких фестивальных номинациях: школьных театральных постановок, школьной моды, школьной символики (герб, гимн и символическая карта школы), в музыкальном конкурсе, конкурсе прикладного творчества и изобразительного искусства. Причем практически в каждой из этих номинаций мы добились значительных успехов.

Школа – это наш еврейский дом, который возглавляют президент р. Шевах Златопольский и директор Анна Щепкина. И в том, что на фестивале нам вручили диплом «За бережное отношение к традициям своего народа», есть заслуга и руководства школы.

На конкурсе школьной моды мы получили диплом первой степени; коллекция школьной формы ЕУВК «Ор Авнер – Гершуни» признана лучшей. Коллекцию демонстрировали ученики 9 класса Александр Степанцов и Виктория Макарова, ученица 6 класса Адель Усерова, ученик 5 класса Моше Будянский и ученица 3 класса Аня Шихова. А руководили подготовкой ребят кураторы вторых и третьих классов Наталья Анатольевна Дрошнева и Татьяна Анатольевна Герман. О моделях нашей школьной формы, представленных на городском фестивале, написала популярная городская газета «Новое поколение».

В конкурсе театральных постановок наша школа была удостоена диплома второй степени. В школьном спектакле «Как Эстер спасла свой народ» участвовали ученики 4 и 5 классов, режиссер – библиотекарь школы Валентина Константиновна Свавильная, авторы инсценировки – кураторы классов Ольга Георгиевна Филипова и Татьяна Петровна Шуваева. А в зрительном зале во время спектакля стояла полная тишина: преподаватели, директора и завучи частных школ, журналисты и представители городской администрации с интересом наблюдали за развитием традиционного пуримского сюжета.

Отличились и наши участники вокального конкурса. Вокальная группа «Гершуни» Эстер Меньшикова, Мири Галанова и Моше Будянский под аккомпанемент виолончели исполнили «Адон Олам». Песня не только получила диплом третьей степени, но и стала одним из лучших музыкальных номеров фестиваля и была представлена для участия в гала-концерте. Диплом второй степени за музыкальный номер получила песня «Алтын Кун», исполненная на казахском языке учеником 5 класса Моше Будянским под аккомпанемент преподавателя музыки Елены Валерьевны Багашовой. Наша школа получила также специальный диплом за лучшую коллекцию изобразительных работ, представленных учениками 1 класса, причем одной из учениц, Лизе Иванкиной, получившей именной диплом, всего 5 лет. Все эти маленькие художники занимаются в школьном кружке изобразительного искусства под руководством учителя первого класса Елены Сергеевны Чудак. И еще один дорогой для нас диплом – «За лучший логотип школы». И мы вправе гордиться всеми этими наградами. Ведь к фестивалю готовился весь коллектив – и ученики, и учителя. Работа захватила всех, учительская превратилась в штаб, в котором особое место принадлежало старшему куратору школы Татьяне Викторовне Бутаковой.

Руководство школы в свою очередь отметило призеров и участников фестиваля памятными подарками и премиями. Их вручил на общешкольной линейке президент школы р. Шевах Златопольский.

Í èãã Ðàãèí í àè:

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Церемония награждения призеров третьего Всероссийского конкурса исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия. XX век» прошла в Москве в помещении Театра кукол имени С. Образцова. На конкурс, организованный обществом «Мемориал», было прислано 2643 работы из 915 городов и сел, разбросанных по всей России, от Брянска до Магадана и от Воркуты до Гудермеса. Работы конкурсантов были посвящены многим событиям российской жизни прошедшего века: войнам (первой и второй мировой, Афганской, Чеченской), политическим репрессиям, межнациональным отношениям, частной жизни «маленьких людей».

Награды получили шестьдесят человек, авторы 46 работ, занявших места с первого по третье (некоторые работы создавались группами из трех-пяти участников). Один из призов получила работа о жизни евреев. Это труд Светланы Потхоевой из Бурятии, посвященный еврейской общине ее родного Баргузина. Как рассказала Светлана (она завоевала третью премию), все началось с того, что, разбирая собранные директором школьного музея материалы о прошлом Баргузина, она заинтересовалась историей рода Новомейских, родоначальник которого был сослан в Сибирь за помощь польским повстанцам в 1830 году. Наиболее известным представителем этой семьи стал Моше Новомейский, бывший руководителем сибирских сионистов, а затем создавший с нуля израильскую химическую промышленность. Возникший интерес к фигуре Моше Новомейского воплотился в ее сочинение о баргузинских евреях, которые составляли примерно треть населения города и в течение долгого времени были главной экономической силой в Забайкалье. Автор подробно рассказала о возникновении и деятельности общины вплоть до 1917 года, а также о роли М. Новомейского в истории сибирских евреев и Израиля. Светлана Потхоева собирается продолжить свои исследования истории забайкальских евреев и рода Новомейских, одного из потомков которого она нашла в Екатеринбурге.

Кроме того, в число финалистов конкурса вошла работа, посвященная жизни сибирских субботников в Иркутской области.

Ñàì àí × àðí ùé

Í í àí ñ è Ò à à ñ à ò è è à à à à è ñ è ò í à ù è í í í à ñ ò í à è è à È ò è í à Ð à ç à ñ à à

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ

עֲשׂוּ לִי אֵימָנוֹת

Из документов Центрального военно-морского архива Министерства обороны Российской Федерации:

«Командир отделения автоматчиков ГЕРШМАН Леонид Эммануилович, 1907 года рождения, уроженец г. Одессы, по национальности еврей, призванный Измайловским РВК, проходил службу в частях Черноморского флота. Последнее место службы – командир отделения автоматчиков 393-го отдельного Новороссийского батальона морской пехоты им. Ц. Куникова Новосибирской ВМБ ЧФ. 11 сентября 1943 г. погиб в бою при высадке десанта в г. Новороссийск. Похоронен в г. Новороссийске. Место жительства до призыва – г. Одесса, ул. Кирова, 49».

Еще более краткая запись имеется в Новороссийском государственном историческом музее-заповеднике, но в ней уточнена дата гибели героя:

«Гершман Л.Э. проходил службу в 393-м Новороссийском отдельном батальоне морской пехоты ЧФ, погиб при штурме Новороссийска 14 сентября 1943 года; захоронен в братской могиле на городском кладбище». Более подробных сведений об обстоятельствах гибели Леонида Гершмана указанные документы не содержат.

В 1980-х годах Краснодарское книжное издательство выпустило серию из пятнадцати книг под общим названием «Ратный подвиг Новороссийска». Авторами этих книг стали участники боев на Малой земле и за освобождение Новороссийска от фашистских захватчиков.

Один из авторов серии – командир роты морских десантников Герой Советского Союза А.В. Райкунов, в роте которого воевал Л. Гершман. В своей книге «Рота, за мной!» он с большой теплотой пишет о друге, разведчике, переводчике и связном Леониде Гершмане, о его необыкновенной смелости и находчивости, рассказывает о его героической гибели. Но об этом ниже. А о подвигах роты Райкунова в боях за освобождение Новороссийска рассказывает, кроме него самого, также полковник А.П. Марфин в заключительной книге серии «Героический штурм».

393-й отдельный батальон, куда входила рота Райкунова, был сформирован в сентябре 1943 года на базе прославленного в боях на Малой земле отряда майора Ц.Л. Куникова. Батальон включал около 300 человек. Самого Куникова уже не было в живых. «Но плацдарм, захваченный и расширенный его отрядом, – пишет Райкунов, – уже звался Малой землей, о куниковцах ходили легенды».

Ááðíé Ñíááòñéíá Ñíρçà Á.Á. Ðáééóí íá

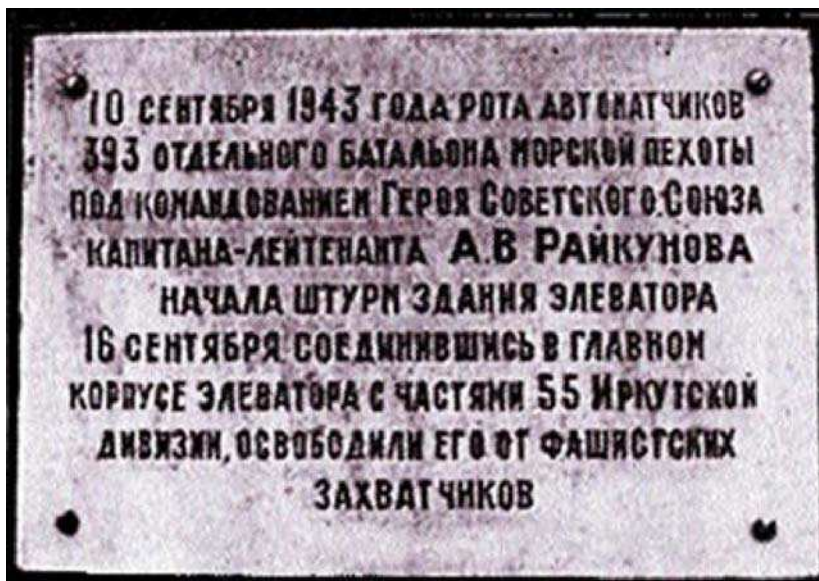
Авторы, писавшие о боях на Малой земле, за освобождение Новороссийска единодушно отмечают мужество, недюжинные организаторские способности и эрудицию Цезаря Куникова. В частности, в своей «Малой земле» о нем упоминает и Л.И. Брежнев.

До войны Цезарь Львович окончил Промакадемию, машиностроительный институт, был директором НИИ машиностроения и редактором газеты «Машиностроение». Он добровольцем ушел на фронт, воевал в партизанских отрядах, хорошо знал технику минирования, конструировал новые взрывные системы, внес много нового в работу минеров, а позже стал командиром десантников.

Сохранились некоторые письма Куникова – в них слышно биение горячего сердца человека, сильного, здравомыслящего и в то же время романтического, человека высоких идеалов. Одно из его писем приводит в своей книге «Евреи на донской земле. История. Факты. Биографии» (Ростов-на-Дону, 1999) М. Гонтмахер: «Истреблять фашистов надо беспощадно. В каждом – зверь. Я видел в отбитом нами Ростове кварталы, население которых – старики, женщины и дети – целиком было расстреляно. Пепел сожженных стучит в наши сердца. Во мне живет страстное желание видеть жизнь всепобеждающей, здоровой, красивой, во всей ее полноте, осязать покой, красоту природы, дышать чудесным запахом моря, земли... Врага надо не только победить, но надо навсегда отучить воевать».

В свой отряд Куников принимал только хорошо проверенных бесстрашных людей. Перед отправкой десанта на Малую землю он обратился к бойцам, предупредив, что они идут почти на верную смерть, и предложил каждому, кто не уверен в себе, остаться. Таких не нашлось. «Куников привлекал к себе, – пишет Райкунов, – прежде всего вниманием и доброжелательностью, верой в высокие нравственные качества людей.

В его отряде было 273 воина, и каждого он зачислял к себе лишь после личной обстоятельной беседы... Только составив собственное представление о бойце или офицере, Цезарь Львович принимал решение – брать его к себе или не брать».

Î àì îðèàèùù àÿ àìîèà î à çààì èè ÿèààòò îðà

«Майор Куников был первым командиром десанта, – пишет хорошо знавший его генерал-лейтенант И.С. Шиян в своей книге “На Малой земле”, – и первым старшим морским начальником на плацдарме. Как и в каждом ответственном и сложном деле, первому, конечно, наиболее трудно. Однако он умело и героически преодолевал все трудности, отдав для победы над врагом родины все силы и жизнь».

В ночь на 12 февраля 1943 года, принимая катера и эвакуируя раненых, Ц.Л. Куников был смертельно ранен осколком разорвавшейся мины и умер в геленджикском госпитале. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В Новороссийске на его могиле горит огонь Вечной славы.

В свое время проверку Куникова прошел и Райкунов. Впоследствии, когда он сам подбирал свой отряд, он делал это, по его словам, «по-куниковски». Так в отряд к нему был зачислен Леонид Гершман.

Бойцы батальона имени Куникова традиционно давали клятву, введенную их первым командиром: «Мы, моряки Черноморского флота, клянемся, что будем драться с немецко-фашистскими захватчиками, как дрались орловцы и белгородцы. Будем бить врага по-куниковски, не щадя своих сил и самой жизни».

Леонид Гершман был верен этой клятве до конца дней.

Райкунов так рассказывает о своем разведчике:

«Гершман был гордым и волевым человеком, смелым, бесстрашным воином... Сильный, атлетического сложения, он говорил на нескольких языках, причем на некоторых чисто, без акцента. В совершенстве владел и немецким. Я сам с удивлением слушал, как свободно Леонид допрашивал немцев и румын. “Он говорит на моем языке лучше, чем я сам!” – признался один из пленных.

Άαήε Νήαήήεήα Νήρçà Õ.Ë. Êήίεήα

Была необходимость не раз посылать его в разведку за сведениями. Дорожа им, я запрещал Леониду ввязываться в какие бы то ни было схватки, при необходимости посылал его поближе к вражеским окопам и блиндажам, чтобы подслушать разговоры фашистов. Случалось, что нечаянно оброненная вражеским солдатом или офицером фраза содержала важную информацию. Но такие случаи бывали редко, а Гершман не хотел их ждать. Подкравшись близко к вражескому посту, он вставал во весь рост и шел на часового. Тот окликал его, требовал стоять на месте, а Гершман... ну представьте такой, примерно, разговор:

– Стой!

– Тихо, не орать!

– Пароль!

– Бездна (мы готовились к таким операциям и зачастую знали не только пароли, но и фамилии, имена, звания командиров действовавших против нас частей и подразделений).

Пораженный советской формой возникшего перед ним немца, часовой чаще всего терялся, иногда это его еще больше пугало, и он приказывал:

– Все равно стоять на месте! Я вызову командира.

– Прекрати дергаться! Я сам пройду к господину оберлейтенанту Клаусу. Где он?

– Вон в том блиндаже.

– Ну как, все тихо? Ничего не замечал? – приближаясь вплотную, продолжал как ни в чем не бывало Гершман. Часовой наконец расслаблялся, подпускал его и тут находил смерть от финки или пистолетного выстрела. А дальше все зависело от обстановки. Или брали “языка”, или врывались в блиндаж, или взрывали его, или продвигались дальше. Случалось так, что матросы, возвратившиеся из разведки, говорили мне:

– К черту, больше не пойду с ним!

– Что такое?

– Да не пригибается он нигде, идет во весь рост прямо на пули! Пропадешь с ним ни за грош.

– Не трусь, со мной не пропадешь, – бросал Гершман и спокойно докладывал о поиске».

Бывший парторг роты Николай Николаевич Романов в одном из писем Райкунову писал о Гершмане: «Запомнились два эпизода про твоего связного. После того как вырвавшись с причала, рота начала движение вдоль железнодорожных путей, она была накрыта залпами шестиствольных минометов. Все носами зарылись в землю, хотя и не первый раз под такой огонь попали. И только твой связной, вначале чуть пригнувшийся, выпрямился во весь рост и что-то крикнул. Кругом свистели осколки, бушевали взрывы, заглушая его призыв. Но знать, дошли до сознания его слова. Все поднялись за ним и броском выскочили из-под огня. Он был словно заколдован, видимо, пули и осколки, уважая храбрость, берегли его.

Он вместе с лейтенантом Цибизовым ходил в разведку. Однажды лейтенант велел Гершману осмотреть противоположную сторону привокзальной площади. Когда Цибизов с группой прошли в дом, то увидели, что Леонид разговаривает с группой немцев. Все замерли, не зная, что делать, так как открыть огонь – значило убить своего. Казалось, разговор идет вечно. И вдруг – очередь из автомата от живота: “С вами, сволочами, иначе не договоришься”. Все пятеро фашистов свалились у ног разведчика...

Райкунов сам много раз наблюдал, как Гершман приседал от минных и снарядных взрывов, но не кланялся пулям. Однажды даже хотел выругать его за эту ненужную браваду, но Гершман возразил:

– Это не бравада, командир. Это называется воспитание воли. Она мне будет очень нужна. Ты знаешь, для чего.

Райкунов единственный из всего батальона догадывался о его принадлежности к разведке. По-видимому, считал он, Гершман учился в разведшколе, приехал в отпуск в родную Одессу, и тут его застала война, он не смог выбраться из города, влился в какую-то часть и воевал с нею, пока не попал к куниковцам. Но доводы Леонида о «закаливании воли», в этом командир был убежден, могли привести к беде, а значит, отдалить от выполнения той задачи, к которой он себя готовил...

10 сентября 1943 года при проведении десантной операции по освобождению Новороссийска автоматчики Райкунова освободили вокзал и водрузили на нем военно-

морской флаг. Расширяя плацдарм, отряд захватил и несколько других зданий, в том числе элеваторные башни – опорные пункты в обороне противника. Попытки немцев выбить десантников из башен оказались безуспешными.

Озлобленные неудачами, они пустили в ход танки, которые били по башням прямой наводкой. Чтобы избежать потерь, бойцы перебежали вверх-вниз по этажам башни в зависимости от того, куда целил танк.

«Только один человек, – пишет Райкунов, – не хотел этого делать и не бегал с этажа на этаж. Он лишь подавал команду, спасая товарищей от снарядов, а сам, прижавшись спиной к стене, оставался на месте. Это был Леонид Гершман».

Шесть дней, пока не подошло подкрепление, практически без пищи, воды и медикаментов отражали десантники атаки врага.

Двух дней Леонид не дожил до освобождения из элеваторного плена.

«В один из обстрелов 14 сентября, когда враг специально целил по косякам окон, чтобы достичь более заметных результатов, ему пробило грудь осколком. Он стоял, как обычно, прижавшись спиной к стене башни. Зажав рану рукой, спустился с четвертого этажа, но у самого конца сорвался с железной лестницы и упал.

Весть о его ранении мигом облетела башню, десантники сбежали вниз, чтобы узнать, действительно ли беда настигла их товарища. Сквозь его пальцы при вздохе пузырилась кровавая пена. Он открыл глаза, оглядел нас и сказал: “Прощайте. Это все”. И умер. Даже в свою последнюю минуту он показал пример воли и мужества.

Как мучительно было это видеть!» – заканчивает свой рассказ Райкунов.

В память об этих героических днях на здании элеватора установлена мемориальная доска. А Леонид Гершман посмертно был награжден орденом Красного знамени.

На братской могиле новороссийского городского кладбища, где покоится его прах и прах сотен других воинов, погибших в боях за Новороссийск, установлен памятник.

Райкунов за освобождение Новороссийска был удостоен звания Героя Советского Союза, в Новороссийске ему присвоили звание Почетного гражданина. После войны он жил в Волгограде, где и скончался около пяти лет назад – в сентябре 1997 года.

Вечные память и слава героям!

Í ài yòíèé íà áòàòñéé í íǎéá á Í íàíòíñéééá

КАК НЕОПЕРАБЕЛЬНЫЙ ОСКОЛОК

Ėāçāđī Ėāçāđīā

Я испытываю чувство неловкости, потому что впервые в жизни мне придется процитировать самого себя – считал это зазорным. Но случай особый, и я надеюсь, что читатели меня не осудят.

В прошлом году я напечатал в журнале «Знамя» несколько новых глав книги «Записки пожилого человека», которой занимаюсь последнее время. Там я рассказал одну давнюю историю, которая сидела в моей памяти, в моей душе как неоперабельный осколок: осколок этот не дает покоя, давит, жжет, а извлечь его невозможно.

Вот она, эта история.

«Прошло уже много даже не лет, а десятилетий, но трагическая судьба моей школьной учительницы не идет у меня из головы. Нина Всеволодовна Пшеничная преподавала у нас физику и была в седьмом и восьмом классах нашим классным руководителем. Она была очень хорошим учителем, а главное – доброй и справедливой. Мы ее любили, авторитет ее был абсолютно непререкаемым. Когда в 1938 году после ареста мужа (второго ареста, до этого он уже провел несколько лет в ссылке) ее отстранили от классного руководства, мы встретили нового классного руководителя в штыки. Нина Всеволодовна, в отличие от нас прекрасно понимавшая, чем может кончиться такая демонстрация, всячески старалась нас уберечь от опасных мальчишеских выходов. Когда мои родители в 1939 году переехали из Запорожья в Днепропетровск, Нина Всеволодовна уговорила их оставить меня на несколько недель у нее, чтобы я нормально окончил восьмой класс.

Жила она вместе с пожилыми родителями мужа, тесть ее был известным, очень уважаемым в городе детским врачом. Я его знал – когда старший брат или я в детстве заболели, мать всегда призывала именно его. В моей памяти он остался живым олицетворением хорошо знакомых по литературе земских врачей-подвижников, к тому времени почти исчезнувших из реальной жизни.

Не знаю, из какой семьи происходила Нина Всеволодовна, и обликом своим и манерой поведения напоминая тургеневских героинь. Была она русской – в этом не могло быть сомнений. Должен признаться, что это мое сегодняшнее восприятие, а тогда я об этом и думать не думал. Да и нынче, вспоминая своих одноклассников, не во всех случаях могу определить их национальность – кто из них был русский, кто украинец, кто еврей. Дальше станет ясно, почему я об этом заговорил.

Последний раз я видел Нину Всеволодовну за год до войны, когда во время летних школьных каникул на несколько дней приехал в Запорожье. Она по-прежнему преподавала физику в школе, ее тесть по-прежнему лечил детей, о судьбе мужа она ничего не знала.

Что было с ней потом, мне после войны рассказали запорожские знакомые. Когда началась война, Нина Всеволодовна с родителями мужа эвакуировалась из

Запорожья, осенью сорок второго оказались они на Кавказе – то ли в Минеральных Водах, то ли в Кисловодске. Там их настигли прорвавшиеся на Кавказ немцы.

Как известно, уничтожение евреев – одно из первых мероприятий, которое повсеместно проводили гитлеровцы на оккупированной территории. На сборный пункт, куда сгоняли обреченных, Нина Всеволодовна пришла с родителями мужа. Когда ей, русской женщине, каратели предложили уйти, она осталась. Ее расстреляли вместе со всеми евреями...

В Яд ва-Шем (иерусалимском музее Катастрофы европейского еврейства) есть Аллея праведников: в память о каждом, кто, рискуя жизнью, спасал евреев от гибели, там посажено дерево. Если бы у меня была такая возможность, я бы посадил там дерево в память о моей учительнице Нине Всеволодовне Пшеничной. Она заслужила этот знак высокого уважения еврейского народа, по собственной воле разделив страшную участь обреченных на гибель».

Когда я писал это, меня не оставляла мысль, что, быть может, я сейчас уже единственный человек на земле, кто знал Нину Всеволодовну, кто ее помнит. Детей у нее не было. Были ли родственники, я не знал. Не знал, жив ли кто-нибудь из ее учеников, ведь им, как и мне нынче, уже должно быть сильно за семьдесят. И то, что я напишу, что будет напечатано, была у меня такая надежда, быть может, все-таки сохранит ее имя, ее подвиг от полного забвения.

Страшным был наш век, не зря Мандельштам назвал его «волкодавом». Тысячи тысяч людей уничтожались, исчезали бесследно, словно их и не было никогда, словно и не жили они на свете – даже могил не оставалось. Провоевав первые два года войны в качестве командира взвода и роты, я имею некоторое представление о том, что такое братские могилы, – в лучшем случае, как писал Борис Слуцкий, на них водружался «мрамор лейтенантов, фанерный монумент», материал не очень-то долговечный. Надо ли напоминать, что до самого последнего времени места захоронения «врагов народа» были тайной за семью печатями, строго оберегаемой КГБ. А чем, какими памятниками отмечены рвы, куда гитлеровцы сваливали расстрелянных, задушенных в «газ-вагенах»? К этому я еще вернусь.

Несколько дней назад я получил письмо, после которого провел бессонную ночь. Оно еще раз заставило меня пережить трагедию Нины Всеволодовны, но одновременно было некоторым утешением (если здесь годится это слово): оказывается, есть еще люди, которые ее знали и которым память о ней, как и мне, дорога. Это письмо ее родственницы, которой попали на глаза мои «Записки», и она сочла своим долгом написать мне все, что знает о Нине Всеволодовне. С ее разрешения процитирую письмо, в котором есть немало неизвестных мне и важных для меня подробностей (думаю, они будут интересны и тем читателям, которых судьба Нины Всеволодовны не оставила равнодушными).

«Я Нины Всеволодовны родная племянница, Ковалева Галина Владимировна, дочь ее старшей сестры Екатерины Всеволодовны. Хорошо помню тетю Нину и всю ее семью, хотя мне было всего 8 лет, когда я гостила у своей бабушки Марии Яковлевны Пшеничной в Запорожье в 1940 году и видела тетю Нину в последний раз. Я хочу сообщить Вам некоторые подробности о ее семье и ее жизни, то, что я знаю по рассказам моей бабушки, мамы, тети Лары и дяди – Григория Всеволодовича Пшеничного. К сожалению, никого из них в живых уже нет.

Нина была младшим ребенком в семье Всеволода Иосифовича Пшеничного, окончившего духовную семинарию, но отказавшегося принять сан священника и ставшего учителем, и Марии Яковлевны Глушко, происходившей из зажиточной крестьянской семьи. В семье было четверо детей – три сестры и брат, Нина родилась в 1907 году всего за два года до смерти отца, который умер совсем молодым в 37 лет. Бабушка моя осталась вдовой в 28 лет с четырьмя детьми на руках. Ее братья построили ей в Запорожье дом из трех небольших квартир на ул. Гоголя, две из которых она сдавала и на эти деньги да еще на небольшую пенсию она и растила детей, правда, старшие девочки, как дети учителя, учились в гимназии бесплатно. Нина училась уже при советской власти.

В каком году она вышла замуж за Леонида Давидовича Кернера, я точно не знаю, но у меня есть их фотография, присланная моим родителям из г. Усолье и датированная 25.X.1928 г. В Усолье они были в ссылке. В каком году они вернулись, я не знаю, но в 1938 году Леонида Давидовича, конечно, безо всяких причин, снова арестовали. Били и терзали его так, что он почти все время ареста провел в тюремной больнице г. Днепропетровска. Освободили его в конце 1940 года только потому, что родители в своих хлопотах дошли до М.И. Калинина, который и помог. После освобождения Леонид Давидович ходить уже не мог и передвигался в инвалидной коляске (думаю, что его освободили или, как у тюремно-лагерного начальства называлось, “активировали” именно из-за этого, как безнадежно больного. – Л.Л.). Дома его интенсивно лечили, и к началу войны, как сообщил мне мой двоюродный брат Юлий, они с тетей Ниной помогали ему спуститься со второго этажа, и он с их помощью мог понемногу прогуливаться по улице.

С началом войны его отец Давид Семенович Кернер, самый известный в Запорожье детский врач, пошел работать в военный госпиталь, и 18 августа 1941 года они все чуть ли не с последним эшелоном раненых эвакуировались в Пятигорск, где и были расстреляны немцами как евреи с тысячами других ни в чем не повинных людей. Немцы приехали забирать их из дома, где они жили, и предложили Нине, как русской, остаться, но она отказалась и пошла на смерть вместе с мужем-инвалидом и старенькими свекром и свекровью. Поступить иначе она не могла. Ее мать, моя бабушка, которая была вместе с нашей семьей в эвакуации на Урале, чуть не сошла с ума, когда узнала о гибели дочери. Об этом нам написал брат Нины Всеволодовны Григорий Всеволодович, офицер-фронтовик, который как-то сумел в 1943 году поехать в Пятигорск и там узнал все подробности о гибели семьи Кернеров. До самой смерти в 1959 году бабушка не смогла оправиться от этого удара».

Узнав из письма Галины Владимировны, что Нина Всеволодовна и семья Кернеров попали в руки немцев в Пятигорске, где произошла трагедия, я вспомнил, что в наших наступавших там в январе 1943 года войсках в качестве фронтового корреспондента «Красной звезды» находился Константин Симонов. В его дневниках «Разные дни войны» есть запись о злодеяниях немцев, о массовом уничтожении евреев, глухие еще сведения о «душегубках» – «газ-вагенах». Это первые, по горячим следам зафиксированные писателем впечатления об увиденном и услышанном тогда, как мне кажется, имеют отношение и к судьбе Нины Всеволодовны и ее семьи.

«Еду из Минеральных Вод в Пятигорск – рассказывает в дневнике Симонов. – Подвожу по дороге какого-то оставшегося без машины военного прокурора. Он говорит, что после ухода немцев в известковой яме найдено много незарытых трупов взрослых и детей, умерщвленных неизвестным способом. Есть сведения, что у немцев имелась какая-то газовая машина смерти. Спрашиваю, что это за машина. Говорит, что пока неизвестно, не захватили, может быть, только слухи (нет, это оказались не слухи. – Л.Л.). Говорит, что

убитых немцами жителей очень много. Две с половиной тысячи убили в Армянском лесу, у стекольного завода и еще многих у места дуэли Лермонтова за кирпичным заводом...

Пятигорск. Стою в толпе, собравшейся на траурный митинг. Люди истощенные, оборванные. А митинг идет долго. В городе много расстрелянных и повешенных немцами, и то одних, то других снова перечисляют то в одной, то в другой речи. Под конец выступает девочка на вид лет тринадцати в солдатской шинели с обрезанными полами... У нее немцы повесили отца и мать, и она рассказывает об этом, говоря о них как о живых: папа и мама. Не знаю, может быть, все-таки не надо было давать говорить на митинге этому ребенку. Она рассказывает ровным тонким, хорошо слышным голосом, и слушать ее нестерпимо страшно. Толпа вокруг меня до этого стояла неподвижно, а сейчас шевелится и всхлипывает».

Не знаю, есть ли в Пятигорске и Минеральных Водах хоть какой-то памятник жертвам фашистских злодеяний. Я говорю – хоть какой-то, потому что нет у нас ни одного, где бы жертвы были названы по именам, как это сделано, например, в превращенной в памятник жертвам геноцида Пинхасовой синагоге в Праге: там на стенах фамилии всех евреев Чехословакии, уничтоженных фашистами, – 77297 человек. У нас, в немалой степени из-за набравшего после войны обороты государственного антисемитизма, провоцировавшего и питавшего и бытовой, памятников жертвам фашистских злодеяний вообще не ставили. Если у кого-то возникали такие поползновения, власти разными способами инициативу заматывали или пресекали.

Я это знаю не понаслышке: к тому, что происходило с памятником в Бабьем Яре, имел некоторое касательство. В 1956 году (я работал тогда в «Литературной газете») по каким-то делам я приехал в Киев. Виктор Некрасов повел меня на выставку проектов памятника в Бабьем Яре (конкурс был закрытым, никого на выставку не пускали, чтобы не возбудить жителей, и без Некрасова вряд ли бы я туда попал). Я увидел несколько сильных, талантливых, неординарных работ. Было ясно, что ни одна из них не имеет никаких шансов на реализацию. Но не было сделано ничего. Какие там памятники, Бабий Яр просто стали замывать.

В конце сентября 1960 года Некрасов позвонил мне и попросил приехать в Киев: «Договорись с начальством. Я начал писать небольшую заметку. О Бабьем Яре. Если не успею дописать до твоего приезда, кончу при тебе. Важно ее быстро напечатать» (она была напечатана в «Литературной газете» 10 октября 1960 года). Когда я прилетел в Киев, заметка уже была готова. Назвали ее «Почему это не сделано...» В ней Некрасов писал:

«Прошло восемнадцать лет...

И вот я стою на том самом месте, где в сентябре сорок первого года зверски были уничтожены тысячи советских людей, стою над Бабьим Яром. Тишина. Пустота. По ту сторону оврага строятся какие-то дома. На дне оврага – вода. Откуда она?

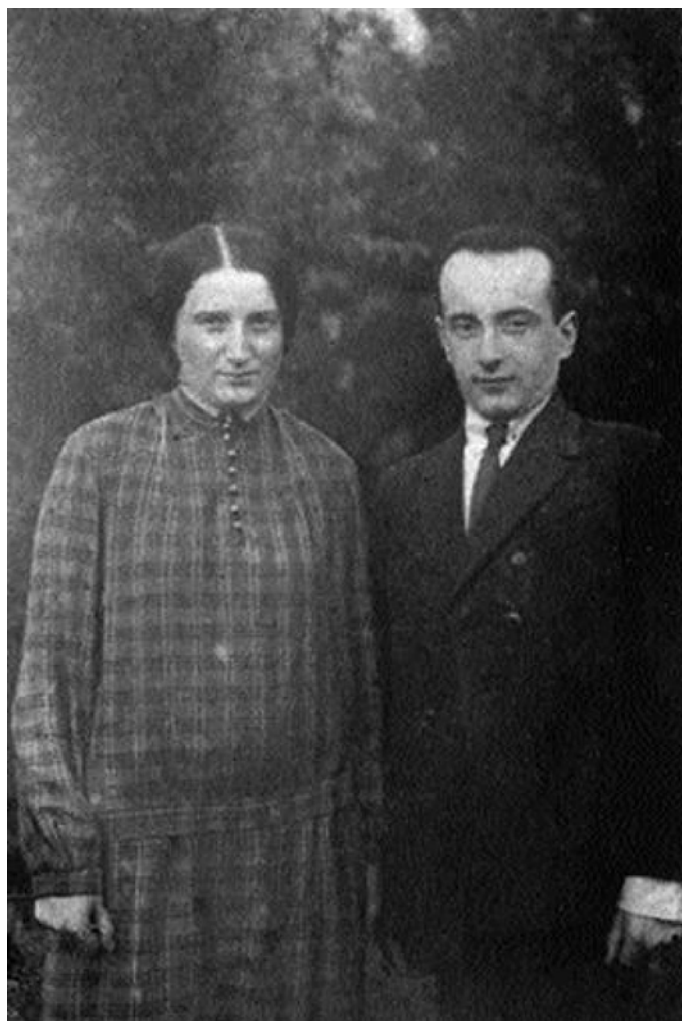
По склону оврага, продираясь сквозь кусты, поднимаются старик и старуха. Что они здесь делают? У них здесь погиб сын. Они пришли к нему... У меня тоже погиб здесь друг. В Киеве нет человека, у которого здесь, в Бабьем Яре, не покоился (нет, тут другое слово нужно) отец или сын, родственник, друг, знакомый...

Сейчас в Архитектурном управлении города Киева мне сообщили, что Бабий Яр предполагается “залить” (вот откуда вода!), иными словами, засыпать, сравнять, а на его месте сделать сад, соорудить стадион...

Возможно ли это? Кому это могло прийти в голову – засыпать овраг глубиной в 30 метров и на месте величайшей трагедии резвиться и играть в футбол?

Нет, этого допустить нельзя!

Когда человек умирает, его хоронят, а на могиле его ставят памятник. Неужели же этой дани уважения не заслужили 195 тысяч киевлян, зверски расстрелянных в Бабьем Яру, на Сырце, в Дарнице, в Кирилловской больнице, в Лавре, на Лукьяновском кладбище?»

Г.А. Ісаків і Г.А. Едіал

1928 рік

Когда 29 сентября 1966 года, в 25-летнюю годовщину первых расстрелов в Бабьем Яре, Некрасов выступил на возникшем там стихийном митинге – после чего началось новое его персональное дело, ему припомнили и ту, шестилетней давности заметку в «Литературной газете», – это расценивалось как «антипартийная линия», как

национализм. Кто-то бросил ему реплику: «Что, разве расстреливали одних евреев!» – «Нет, – ответил Некрасов, – но евреев убивали только потому, что они евреи».

А тогда, в шестидесятом году, он повез меня на Лукьяновку, чтобы я своими глазами посмотрел, что делается с Бабьим Яром. Но сначала повел на старое еврейское кладбище – я не знал, что кладбище находится по соседству с Бабьим Яром. Что говорить, кладбище вообще печальное место, особенно старое, запущенное кладбище, но это производило тягостно мрачное впечатление из-за того, что не было на нем покоя и уважения, которые полагаются усопшим: недавно, не от старости поваленные памятники, разбитые надгробья, антисемитские надписи, фашистская свастика. «Чтоб тебе было ясно, что я написал не только о прошлом», – сказал Некрасов. Судя по частым газетным сообщениям, и по сей день от Москвы до самых до окраин это любимые «забавы» черносотенной швали, на которые правоохранительные органы почему-то никак не мог найти управу...

В первые дни мира, когда мы ликовали – великая победа, стоившая стольких жертв, наконец одержана, – в июне сорок пятого Илья Эренбург предостерегал: «Мало уничтожить фашизм на поле боя, нужно уничтожить его в сознании, в полусознании, в том душевном подполье, которое страшнее подполья диверсантов. Нельзя уничтожить эпидемию снисходительностью к микробам».

Как это ни горько, надо признать, что мы не уничтожили эти опасные микробы в собственном доме, не обрели надежного иммунитета, охраняющего от ксенофобии и антисемитизма, от генерала, вопящего на митинге «Жидаы!», от губернатора, постоянно натравливающего «коренное население» на инородцев, от чернорубашечников РНЕ и «бритоголовых» погромщиков. Наверное, это бы не случилось, если бы память о героях и мучениках войны с фашизмом, о ее гуманистической цели стала бы священной не на словах, а на деле, воплотившись в книги, школьные уроки и памятники. И превратилась бы в неотъемлемую часть нашего общественного сознания.

И обо всем этом я тоже думал, вспоминая мою школьную учительницу: смертью своей она отринула фашистское человеконенавистничество.

Кончая заметки о трагической судьбе моей школьной учительницы, хочу сказать, что всю жизнь она была для меня замечательным примером человечности и благородства. Ни сталинские тюремщики, ни гитлеровские убийцы не могли заставить ее изменить себе, своим принципам, своим убеждениям, поступить не по совести. На таких праведниках мир держится.

Повторю то, что писал в «Записках пожилого человека»: Нина Всеволодовна Пшеничная заслужила, чтобы в память о ней в Яд ва-Шем в Аллее праведников было посажено дерево. Увы, я не знаю правил, процедуры, не знаю, как это делается. Но надеюсь, что журнал «Лехаим», где мои заметки печатаются (наверное, ему это проще сделать), выяснит все, что нужно, и поддержит мою просьбу.

И дерево в Аллее праведников посадят. Пусть это дерево растет, пусть живет долго...

ТОРЖЕСТВО МАРДОХЕЯ

Ááí ääèèò Nàdí îá

Говоря, что пресловутый «пятый пункт» на протяжении всей моей жизни не так уж мне и мешал, я не врал. И даже не очень лукавил.

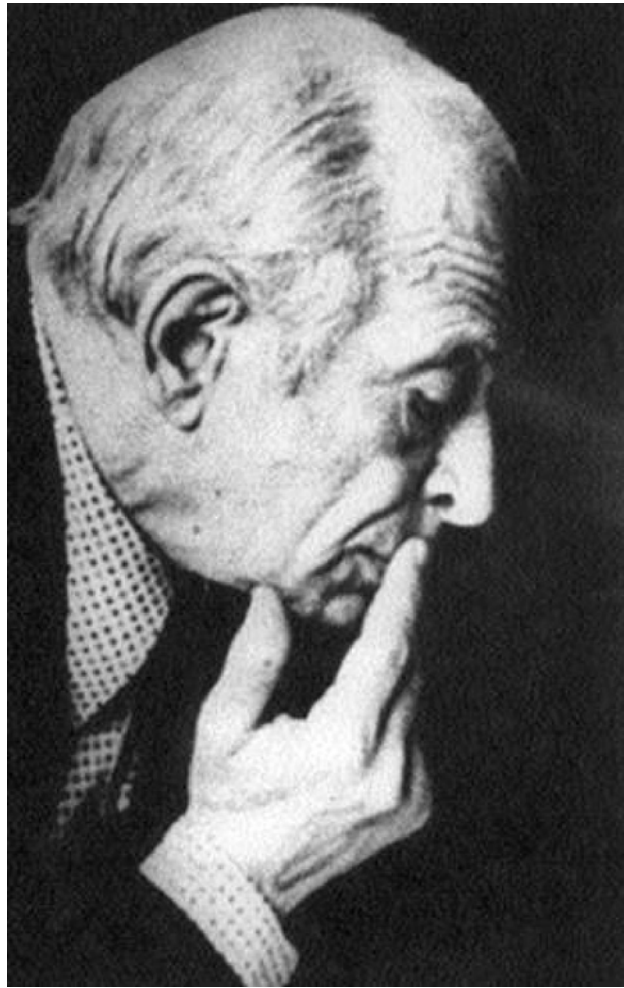
Из этого, однако, вовсе не следует, что не было в моей жизни (как и в жизни каждого моего соплеменника) минут, когда бы я всей кожей не чувствовал, что это значит – быть евреем «в такое время на земле».

Ну, а уж 13 января 1953 года, прочитав опубликованное в «Правде» сообщение ТАСС о врачах-убийцах, я всей кожей ощутил горячее дыхание дракона, уже разинувшего свою огнедышащую пасть, чтобы проглотить меня целиком, со всеми моими потрохами.

Сейчас я уже плохо помню, как прочел это сообщение в утренней газете, поделился ли с кем-нибудь своими ощущениями. Не помню даже реакцию отца, с которым мы обычно обсуждали все события такого рода. Может быть, только молча переглянулись: все было понятно без слов.

Зато я хорошо помню рассказ об утре этого рокового дня, который услышал – лет десять спустя – от своего приятеля, известного театрального критика Константина Рудницкого.

Очень рано, чуть ли не на заре раздался в его квартире телефонный звонок. Сняв трубку и произнеся традиционное «Я слушаю», Костя узнал голос тогдашнего своего дружка, известного московского репортера Наума Мара, которого злые языки наградили прозвищем – «Трижды еврей Советского Союза». (Прозвали его так потому, что подлинная фамилия его была «Мармерштейн», то есть она как бы включала в себя аж целых три еврейские фамилии.) Помимо этого прозвища Мар был знаменит бурным темпераментом и неумением держать язык за зубами.

Ὁὰὸ δὰεῖῖ ἡέ ἐδὲὸ ἐέ Ἐῖῖ ἡὸ αῖ ὀ ἐί Δὴ αῖ ἐὸ ἐέ:

à 49-ì îí áúē íáúÿááí éîḿ îíîēèòîî.

Опасаясь, что «трижды еврей» наговорит сейчас много лишнего (он почти не сомневался, что его телефон прослушивается), Костя решил держаться с ним сухо, даже холодно и, уж само собой, ни в какие обсуждения газетных новостей ни в коем случае не вступать.

Но мудрое это решение ему не помогло.

– Костя! Ты уже читал газеты? Что ты молчишь? Сообщение про врачей читал?
– сразу взял быка за рога «трижды еврей».

Деваться было некуда: ответишь, что не читал, тот начнет пересказывать и, разумеется, комментировать. Уж лучше сказать, что читал.

– Читал, – сдержанно ответил он.

– Я надеюсь, ты понял, что это значит?

– Да, конечно. – Так же сдержанно ответил Костя.

– Что конечно? Что ты понял? Я вижу, что ничего ты не понял. Так вот, Костя! Слушай меня внимательно!.. Ты должен вести себя так, как будто к тебе всё это никакого отношения не имеет.

– Но ведь это и в самом деле никакого отношения ко мне не имеет, – сказал Костя, стараясь, чтобы его ответ звучал как можно простодушнее.

– Слушай, Костя! – разозлился «трижды еврей». – Не валяй дурака! Ты ведь прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Так вот: заруби, пожалуйста, себе на носу! Ты должен вести себя так, как будто тебя все это совершенно не касается. Как будто к тебе лично, – повторяю, к тебе лично, – это никакого отношения не имеет. Ты меня понял?

При мысли, что этот идиотский диалог кто-то (не просто «кто-то», а известно КТО!) слушает, у Кости по спине потекла струйка холодного пота.

– Но ведь ко мне лично все это действительно... – снова начал он.

Договорить ему не удалось. На него обрушился такой поток ругательств, обвинений в слепоте, идиотизме, непонимании, где он живет и что вокруг него происходит, а также многословных раздраженных объяснений, чем это непонимание ему грозит, что он не нашел в себе сил продолжать этот разговор и в смятении повесил трубку. На душе у него было муторно. Он почти не сомневался, что эта история наверняка будет чревата для него самыми дурными последствиями.

Но, слава Б-гу, пронесло. То ли подслушка плохо работала, то ли у слушавших руки до всех не доходили.

Рассказывал мне Костя эту историю, как говорится, в тоне юмора. Мара я хорошо знал (в начале 60-х, то есть как раз в то самое время, когда я услышал этот Костин рассказ, он вместе со мной работал в «Литературной газете»), поэтому для меня вся эта, надо сказать, очень талантливо изображенная рассказчиком сцена, имела еще и свою особую, дополнительную прелесть.

Мы вдоволь посмеялись над недотепой Маром. Потом вспомнили веселый стихотворный итог, который вскоре (после реабилитации врачей) подвел этим мрачным событиям талантливый наш народ-языкотворец:

Άἰθῆρ ἐὶ τὰ δευῖ Ἄἱθῆρ,

Ἄθῆρ οὐ ἰὰρ ἐ ἀθῆρ,

Ἰεὰρ ἐἶτῆρ, ὄἱ οὐ αἶθῆρ

Ἐ ἰὰ ἀεἶ ἰὰρ.

Άἰθῆρ ἐὶ τὰ δευῖ Ἐἶθῆρ,

Ἐαἶ ἀεῖαὸ ἰὰρ!

Ἀεἶ ἰὰρὰ γὰ ἰἶθῆρ ἦ-

Ἐεῖα ὀεἶ ἀεὶ..

Áíðíáé òíáðèù Óáéííí áí, -

Óóí, áðéí, ííí

Óú ááðæáéíí, íéíáí í Óáéííí áí,

Éáý í à áíí ðíí

Попытались вспомнить еще какие-то куплеты этой замечательной народной песни, но, так и не вспомнив, удовольствовались этими. В общем, веселились напропалую.

Но было в этом нашем веселье что-то – не то чтобы нарочитое, нет, веселились мы искренне, от души... И тем не менее, было при этом у меня такое чувство, что Костя словно бы нарочно выпячивал комическую сторону этой своей истории. Он словно бы заслонялся, загораживался смехом от пережитого им тогда ужаса.

Ведь сколько угодно мог он уверять себя, – и других тоже, – что к нему, к нему лично, вся эта история никакого отношения не имеет. Но ведь знал, что имеет. И все вокруг тоже знали, что имеет, – и не только к нему, к Косте, театральному критику, в сорок девятом причисленному к космополитам, но и ко мне, мальчишке, ни в чем таком на замешанном, этот разоблаченный заговор врачей-вредителей тоже имел самое прямое, самое непосредственное отношение.

О том, что где-то там, на Востоке для нас уже выстроены бараки, что даже точно подсчитан процент тех, кто доедет до этих бараков живыми и тех, кто погибнет в пути, – обо всем этом я, конечно, не знал. Да что – я! Многие из тех, кто был поумнее и поосведомленнее меня, тоже не знали, затронет ли дальнейшее развитие событий всех «лиц еврейской национальности» или в водоворот грядущих бедствий будут втянуты лишь некоторые – наиболее заметные. И искренне надеялись, что им – не таким уж заметным, – может быть, Б-г даст, как-нибудь удастся уцелеть.

Î íé øéîéüü üé ò íââðèù Èáí ŷ Ðàí óò íâ

âí ò òâéèí íí áúë á ò í âðáí ŷ, í éî ò í ò í ŷ ðâííéâçíââð.

Но я почему-то сразу решил, что на этот раз мне не вывернуться.

Сразу вспомнилось, как старик Федоров, старый большевик, живущий в квартире над нами, таинственно сообщил дружившей с моими родителями соседке, что к нему навещался сотрудник МГБ и расспрашивал его про меня. Это было, конечно, связано с моими комсомольскими делами, а в комсомоле я был давно восстановлен. Но ведь это не важно. Важно, что я у них на заметке...

И еще одна, совсем уже идиотская история, в которую я по дурасти вляпался и про которую совсем было уже забыл... Я-то забыл, а ОНИ... Они, конечно, не забыли. Где-то она там у них ведь лежит, дурацкая та бумажка...

В историю эту меня впутал мой школьный товарищ Ленька Рапутов. Познакомились мы с ним еще в Серове, в эвакуации: учились в одном классе. Вернувшись в Москву, он меня разыскал и даже выразил желание перевестись в мою школу, чтобы и тут мы тоже были вместе. И не только выразил желание, но и осуществил этот план, и каждый день ездил со своей Второй Мещанской к нам сюда, на Малую Дмитровку, в Успенский переулок, только чтобы опять оказаться в одном классе со мною.

И вот как раз тогда, то ест

ь в сорок пятом, – или годом позже, в сорок шестом, – явился он ко мне однажды с такой идеей. В ГОСЕТе – то есть в Государственном еврейском театре – есть,

оказывается, замечательная библиотека, где много разных интереснейших книг, повествующих об истории и культуре еврейского народа. Он, Леня Рапутов, два каких-то его приятеля и с ними еще две девчонки пытались туда проникнуть, но им сделали от ворот поворот: записаться в библиотеку могли только сотрудники театра.

Но не такой человек был Леня Рапутов, чтобы вот так вот просто отказаться от своей блестящей идеи. Он сочинил письмо – что-то вроде заявления – на имя художественного руководителя театра народного артиста СССР Соломона Михайловича Михоэлса. Текста этого письма я сейчас уже не помню. Помню только, что начиналось оно так: «Мы, группа еврейской молодежи...» Ну а дальше там говорилось, что мы хотим изучать историю и культуру своего народа и поэтому просим разрешить нам ходить бесплатно на спектакли ГОСЕТа, а также записаться в эту замечательную их театральную библиотеку.

Я сказал Леньке, что меня вся эта бодяга совершенно не интересует.

Еврейские эти дела и в самом деле меня не интересовали. Ни меня, ни других моих друзей и приятелей, хотя, как я теперь понимаю (тогда я этого просто не замечал), евреев среди них было немало. Но это были совсем другие евреи, не такие, как Ленька Рапутов.

Чтобы не вдаваться в долгие объяснения, расскажу лучше короткую историю, которую услышал от одной моей сверстницы (еврейки, конечно) много лет спустя.

У них дома был телефон. А у ее подруги Марины, жившей этажом выше, телефона не было. И у них было условлено, что в некоторых экстраординарных случаях ей будут звонить с просьбой передать какую-то срочную информацию Марине. Что она охотно и выполняла.

И вот однажды ей позвонили и говорят:

– Здравствуйте! Извините меня, пожалуйста! У меня к вам такая просьба... Это говорит дядя вашей подруги Мариночки... Я сегодня приехал из Киева... Вы, конечно, знаете, что сегодня сейдер. Так вот, передайте, пожалуйста, Мариночке и ее родителям, что мы сегодня вечером их ждем. Только не забудьте, пожалуйста. Именно сегодня! Ведь сегодня сейдер...

Незнакомое ей слово «сейдер» (она понятия не имела, что так называется первый вечер еврейской Пасхи) он повторил несколько раз, и она хорошо его запомнила. Но поняла по-своему. И всю эту информация передала подруге так:

– Маринка! К твоим родственникам приехал из Киева твой дядя Сейдер. Просил передать, что они сегодня ждут тебя с родителями к ним в гости.

Такие вот еврейские мальчики и девочки были в моей компании. И сам я был таким же. Да и сама мысль о моей принадлежности к еврейской нации в то время мало меня не занимала. Кстати, о самом этом слове – «нация».

Только что, читая мемуары моего друга Эмки Манделя (Н. Коржавина), я наткнулся там на одну любопытную подробность, пробудившую в моей памяти целый пласт воспоминаний.

В то самое время, о котором я сейчас рассказываю, Эмка познакомился с неким Григорием Львовичем Наглером. Тот был родом из Черновиц, когда-то относившихся к Австро-Венгрии, – потому и жил потом в Вене (пока не эмигрировал в СССР).

«Несмотря на то что его загребли в “ежовщину” (при Берии выпустили), – вспоминает Мандель, – он оставался несокрушимым коммунистом, коминтерновцем и даже твердо верил в абсолютную правоту Сталина. Во всех вопросах, кроме одного, – человек еврейского происхождения, он никак не мог согласиться с положением “классического” сталинского труда “Марксизм и национальный вопрос”, что евреи – не нация. Когда разговор заходил на эту тему, он приходил в ярость и сопротивлялся, как лев».

Прочитав это, я вдруг вспомнил разговоры на эту тему, которые постоянно тогда вели родственники моих родителей, друзья и знакомые моего отца. Все они почему-то были очень больно задеты этим «классическим» сталинским положением. Даже мой отец, который, как мне тогда казалось, к своему еврейству относился довольно-таки равнодушно, и тот, когда разговор заходил на эту тему, обиженно повторял:

– Мы дали им Иисуса Христа! Мы дали им Маркса! И вот, оказывается, мы – не нация!

Я вступал с ними в споры, доказывал,

вал, что ничего обидного для евреев в сталинском определении нет. Это ведь наука, объяснял я им. Научный, так сказать, медицинский факт. И никакие эмоции тут ни при чем. Нация – это исторически сложившаяся общность людей, говорящих на одном языке и живущих на одной территории совместной экономической жизнью. Ни один из этих трех признаков сам по себе не определяет нацию: только все они в совокупности, взятые вместе, «дают нам нацию», как совершенно правильно учит нас товарищ Сталин.

Во всю эту белиберду я тогда в общем-то верил. Но дело было даже не в этой моей вере. И не в том, что Сталин в этих вопросах был для меня таким уж высоким авторитетом. Читая его полемику с Отто Бауэром (нам по программе полагалось все это читать), я не слишком вдумывался в систему его аргументов. Как заметил Эрнст Неизвестный, о Марксе мы узнавали от Ленина, а о Дюринге – из «Анти-Дюринга». Вот и об Отто Бауэре я знал только то, что узнал о нем от Сталина. И мне даже в голову не приходило, что ведь можно же заглянуть и в самого Бауэра, чтобы самостоятельно, собственным, так сказать, умом разобраться в том, кто из них прав: Отто Бауэр или Сталин.

Такая мысль не могла тогда мне прийти в голову, конечно, по разным причинам. Но не последнюю роль тут играло и то обстоятельство, что меня совершенно не волновала сама эта проблема. Ну, пусть себе считают, что евреи – не нация. Не все ли равно?

Должен сказать, что точно так же совершенно не задело меня вычитанное где-то – и тоже почему-то очень возмущившее моего отца – предположение, что нынешние, современные евреи вовсе не являются потомками тех, древних. Что скорее они ведут свое происхождение от разных этнических групп, в разное время и по разным причинам оказавшихся в сфере влияния иудаизма.

По правде говоря, все это и сейчас меня, как говорит современная молодежь, не колышет.

И даже более того. Когда я слышу, как какой-нибудь из моих соплеменников с важностью говорит о своей принадлежности к Народу Книги (имеется в виду Библия), меня так и подмывает задать ему глумливый вопрос: а сам-то ты заглядывал в эту Книгу? И если даже заглянул, то – давно ли?

Сравнительно недавно, уже в новые наши, «перестроечные» времена попалась мне как-то на глаза статья Юрия Карабчиевского как раз вот на эту тему.

Напечатана она была в «Московских новостях», на постоянной полосе этой газеты, из номера в номер повторяющей три традиционные рубрики («В мире», «В стране», «Во мне»), под рубрикой «Во мне». Речь в ней, стало быть, шла о том, что происходило «в нем», в ее авторе. Но, как оказалось, – и во мне тоже.

Называлась эта статья – «История с географией». О том, какую географию имел в виду автор, говорили стоящие под ней названия двух городов: «Иерусалим – Москва».

А история была такая.

Шел он (Юрий Карабчиевский) однажды мимо Кремля и живо представил себе, как с этих вот зубчатых стен (или других, белокаменных, а может быть даже и деревянных) «льют смолу-кипяток на татарско-печенежских захватчиков наши добрые в красных кафтанах молодцы». И вдруг он с необыкновенной остротой почувствовал:

«Я почувствовал, что столь важное для меня понятие “Россия” ограничено для меня и временем, и системой знаков, и вот эти лившие кипяток и смолу явно не мои – чужие предки, и не чувствую я по отношению к ним никакого сродства, ни особой жалости, ни особой гордости. Они мне не ближе, и важны и интересны не больше, чем какие-нибудь саксы, защищавшие Англию от десанта норманнов».

Родé Êаdиáиé-ááñéé.

А потом он попал на другую свою, как принято говорить в таких случаях, историческую родину:

«Целый год я жил в удивительной, ни на что не похожей стране, где никто не мог сказать: “Давай проваливай, это все не твое, это все – наше!”, а, напротив, все наперебой говорили: “Оставайся, приезжай насовсем, это – твое!” – “А как же предки?” – “Ну, с этим здесь полный порядок”. И показывали мне развалины крепости, где наши будто бы общие с ними предки почти две тысячи лет назад три года защищались от римских захватчиков. Скала шестьсот метров в длину, пятьсот в высоту, три часа подниматься, если пешком, целый час спускаться. Девятьсот человек моих предков – против скольких-то там десятков тысяч осаждавших и нападавших. А когда стало ясно, что те все равно их захватят и распнут мужчин на крестах, и детей отдадут в рабство, а женщин – солдатам, они разделились на десятки и бросили жребий, и кому выпало – тот заколол остальных, а потом оставшиеся сделали так же, и последний сам покончил с собой...

И я стоял на огромной скале и живо представлял себе тех людей, героически убивавших своих детей и родителей, и грешно сказать, но и к ним тоже не чувствовал никакого сродства и не верил, что они хоть в каких-то чертах могут иметь ко мне отношение».

Тут надо сказать, что Юрий Карабчиевский вообще-то ощущал себя евреем гораздо в большей степени, чем я. (Сужу об этом по его автобиографической прозе.) И вот оказалось, что в нем происходило то же, что и во мне:

« ... Поздно мне менять принадлежность, вот так вдруг ее не почувствуешь. И вообще нет ее у меня ни в каком отдаленном прошлом, нет у меня родословной и уже не появится. А самое главное – мне ее не надо, даром будут давать – не возьму. Не свои мне ни дружинники в кольчугах, стрельцы в кафтанах, ни те полуголые мужики с ножами-кинжалами, никто мне из них не друг и никто не родственник. Вся моя принадлежность – лишь в настоящем и ближайшем прошлом. И если сейчас она распадется, растворится во всеобщем российском хаосе, то и останусь я, значит, один, вне истории и географии».

– А вот тут, батенька, мы вас и поправим, – хочется оборвать мне этот монолог словами Ленина Сталину из известного анекдота.

Сказав несколькими строчками раньше, что происходившее во мне в точности совпадало с тем, что происходило в авторе этой статьи, я, видать, слегка поторопился.

Положа руку на сердце, я не могу сказать о себе, что «вся моя принадлежность лишь в настоящем и ближайшем прошлом». Какая-никакая «родословная» у меня все-таки есть.

Понял я это (лучше сказать – почувствовал) в начале 60-х, когда мы с женой и маленьким сыном въехали в первую в нашей жизни отдельную квартиру.

Все новоселы только что выстроенного нового нашего кооперативного дома стали спешно обставляться новой мебелью. Ну и, конечно, куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Моя жена объявила, что замечательный мой (рижский) письменный стол, очень просторный и удобный, в новую нашу квартиру въедет только через ее труп.

Посопротивлявшись некоторое время и убедившись, что дальнейшее сопротивление бесполезно, я уступил. И дело кончилось тем, что у каких-то жениных знакомых мы приобрели старинный – как мы считали, красного дерева, но потом оказалось, что из ореха, – письменный стол-бюро. Стол этот (в отличие от меня) уж точно был с длинной и хорошей родословной. Принадлежал он к эпохе Александра Первого и до революции стоял, как не без гордости сообщил нам последний его владелец, в Инженерном замке.

Стол мне понравился. Со временем я его даже полюбил, хотя тот, плебейский мой, рижский, был и удобнее (рабочая поверхность была больше), и ящики у него выдвигались легко и свободно в отличие от ящиков у этого, антикварного.

Но это было только начало. Приобретя письменный стол и кресло к нему (той же эпохи), жена моя просто осатанела. Она объявила, что покупать мы будем только старую («красную», как выражались знатоки, то есть – красного дерева) мебель. Она выкинула все наши стулья и некоторое время, пока не удалось купить «красные», мы как-то ухитрились обходиться вообще без стульев.

Помню, как раз в этот момент нашей жизни, когда эпоха немого кино (то есть прежней нашей мебельной рухляди) уже кончилась, а эпоха звукового (то есть старинной,

«красной» мебели) еще только-только начиналась, заглянул к нам наш старый друг Боря Заходер. Пошарив глазами, куда бы присесть (ему предложили шаткую трехногую кухонную табуретку, взгромоздиться на которую при своих телесах он не решился), он деликатно осведомился, не найдется ли у нас какого-нибудь стула. Жена объяснила ему, что стулья она упразднила. И добавила, что стулья, как, впрочем, и шкафы, – самая незстетичная часть домашней обстановки и лучше бы обойтись вовсе без них.

– А как же без стульев? – изумился Боря. – Сидеть-то ведь на чем-нибудь надо?

– Ну, купим что-нибудь, – сказала жена. – Может быть, какие-нибудь козетки.

– Ну-ну, – иронически хмыкнул Борис. И в свойственном ему стиле мгновенной импровизации тут же родил экспромт. – В ожидании козетки посидели на газетке.

Стулья, однако, мы в конце концов все-таки купили. Тоже у каких-то полупознакомых деклассированных старушек. И были они тоже с какой-то хорошей родословной. Их, правда, пришлось долго ремонтировать. И не раз, потому что время от времени, уже отремонтированные, они вновь распадались на составные части. Но безумие продолжалось. Жена таскалась со мной по комиссионным магазинам и, как я объяснял друзьям, подцепив это слово у знакомого психиатра, индуцировала меня. И однажды доиндуцировала до того, что мы купили огромную екатерининскую кровать. Стоила она всего-навсего двести целковых (просто даром) и была не только красного дерева, но еще и с какими-то палисандровыми шишками по углам, величиной с хороший ананас каждая. Заняла она половину самой большой нашей комнаты, сильно ее изуродовав.

Наш приятель Макс Бременер как раз в это время совершил туристскую поездку в Австрию и вернувшись рассказывал, что в Шенбрунне видел кровать императрицы Марии Терезии, которая напомнила ему нашу.

– Но та, наверно, все-таки пороскошнее будет? – поинтересовался я.

– Да нет, – задумчиво ответил Макс. – Не сказал бы.

А Илья Львович Фейнберг, увидав этого нашего, как я его мысленно называл, монстра, сказал:

– Да-да, у нас тоже была такая мебель. Она досталась нам от родителей. Маэль порубила ее топором.

Я, надо сказать, к тому времени тоже был уже близок к такому же радикальному решению. Но рубить нашу екатерининскую кровать топором мне не пришлось. Ее купил у нас наш сосед Митя Голубков, который сочинял в то время какой-то исторический роман из екатерининской эпохи и объявил жене, что такая кровать ему совершенно необходима. У Голубковых она, впрочем, тоже не прижилась: когда исторический роман был дописан, они удачно продали ее послу какой-то иностранной державы.

А я объявил жене, что эпоха антиквариата в нашей семье на этом закончилась. И подвел под это решение такую идеологическую базу: «Не могу, не хочу и не буду жить в музее!» Но с письменным столом из инженерного замка и сравнительно небольшим преддиванным столом той же Александровской эпохи, заменившим нам обеденный, я легко сжился. Мало сказать – сжился. Они стали мне такими родными, словно и впрямь

достались нам с женой от каких-то наших дворянских предков. Сперва я объяснил эту загадку тем, что оба эти стола не такие вычурные, как наша «екатерининская». (Прямых, строгих линий.) И по габаритам более или менее вписываются в небольшие наши комнаты, не «убивают» их. Но потом мне пришло в голову другое, более глубокое – и, думаю, более правильное объяснение. Ведь эпоха Александра Первого – это Пушкин. А Пушкин – это и есть начало моей родословной.

Однажды прочел я какой-то – не шибко изобретательный, но почему-то запомнившийся мне – научно-фантастический рассказ. Герой этого рассказа изобрел аппарат (кажется, он назвал его «хронотроном»), с помощью которого можно было проникать в прошлое. Не физически туда переноситься, как в «Машине времени» Уэллса, а просто видеть, наблюдать разные исторические картины (скажем, восстание декабристов или Бородинскую битву) в натуральную, так сказать, величину и во всей их исторической подлинности.

Но действие этого «хронотрона» было ограничено: оно простиралось не далее чем на двести (или триста, сейчас уже не помню) лет. А дальше, по мере проникновения в глубь веков, изображение становилось все более зыбким, расплывчатым, а потом и вовсе исчезало. Вот и моя историческая память была вроде этого «хронотрона». Вернее, не память даже, а моя способность духовно обживать, осваивать историческое пространство. Мои духовные корни простираются не дальше чем на полтораста-двести лет. И начинаются они – с Пушкина, с пушкинской эпохи. Среди вещей, которые окружали (или могли окружать) Пушкина, я чувствовал себя как дома. Это был – мой, родной мне мир. А дальше все было уже «не в фокусе».

Ἰσραήλ - γὰρ ἐστὶν ἡ ἀρχὴ τῆς ἀληθείας καὶ τῆς δικαιοσύνης.

Так где уж было мне, с такой моей ограниченностью, освоить, присвоить, сделать своим далекое прошлое моих еврейских – библейских – предков! Это было бы с моей стороны чистой воды притворством.

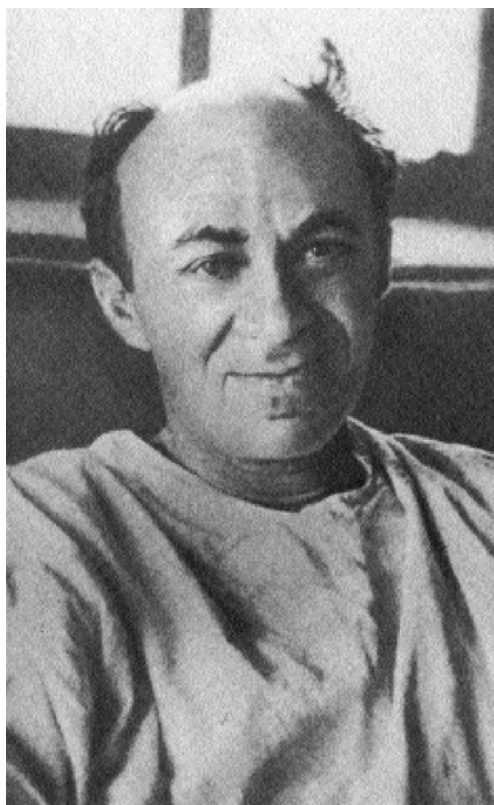
В 1945-м или 46-м году, когда Ленька Рапутов (о котором вы, наверно, уже забыли, так далеко я от него ушел) предложил мне присоединиться к «группе еврейской молодежи», желающей постигать историю и культуру своего народа, я ни о чем таком, конечно, не думал. Искать мои еврейские (или какие-нибудь другие) корни, как я уже сказал, мне было тогда просто не интересно.

А ему это, вероятно, и впрямь было интересно. Во всяком случае, он не отставал от меня с этой своей идеей, и в конце концов я уступил и согласился перепечатать сочиненную им бумагу на своей пишущей машинке. Собственно, именно с этим он ко мне и пришел: я был тогда единственным его знакомым, у которого была пишущая машинка. Обзавелся я ею еще в десятом классе, благо это было тогда несложно: Москва была завалена трофейными немецкими машинками, и моя досталась мне почти даром. Почерк у меня уже тогда был такой, что я и сам не всегда мог разобрать свои каракули: машинка была моим спасением.

Короче говоря, я уступил Ленькиным приставаниям и красиво перепечатал это обращение «группы еврейской молодежи» к С.М. Михоэлсу. Но Ленька на этом не успокоился. Он стал приставать ко мне, чтобы и я тоже поставил под этим обращением свою подпись: пять фамилий – это все-таки лучше, чем четыре, больше похоже на группу. Кончилось тем, что я сдался: чтобы отвязаться от него, подмахнул это их дурацкое заявление. И тут же о нем забыл.

Но 13 января 1953 года, прочитав в «Правде», что Михоэлс – «известный еврейский буржуазный националист», вдохновитель и чуть ли даже не глава всего этого чудовищного еврейского заговора, – вспомнил. А вспомнив – похолодел. Ох, как пригодилась бы им сейчас эта «группа еврейской молодежи», совращенная и завербованная главным еврейским буржуазным националистом!

Звонить Леньке и по телефону, хоть бы даже и намеками, расспрашивать его, что он сделал с той бумагой, я, понятное дело, побоялся. Но как-то там мы встретились, и я учинил ему допрос с пристрастием. Блудливо отводя от меня глаза, он уверял, что обращаться с тем заявлением к Михоэлсу он раздумал, а бумажку выкинул. Я ему не поверил, но почему-то все-таки успокоился. Убедил себя, что даже если то наше «Заявление» до Михоэлса и дошло, оно наверняка где-то там в его бумагах затерялось. Во всяком случае, ТЕМ, КОМУ НАДО, оно на глаза не попало, иначе нас с Ленькой давно бы уже взяли за хибот.

Ñíèrì ìí Ì èòàééíàé: Ì èòíyèè

Первая волна страха прошла, жизнь продолжалась, ничего такого уж ужасного не происходило (кроме того, что газеты изо дня в день талдычили про «убийц в белых халатах», про бдительность и «ротозейство» – слово, как видно, произнесенное САМИМ, поскольку оно сразу же стало политическим термином). В общем, я повеселел и почти забыл об этих своих страхах. На самом деле страх, охвативший меня 13 января, никуда не делся: он лишь ушел куда-то в глубину, на обочину, на периферию моего сознания. А о том, как он был велик, этот страх, я узнал через три месяца.

И вот он настал, этот, пожалуй, самый главный в моей жизни красный день календаря: 4 апреля.

Уж не помню сейчас, почему мы с женой ночевали тогда не дома, а в крохотной комнатке ее матери – моей тещи. В этом хлипком одноэтажном флигеле в Воротниковском переулке раньше, до революции, был то ли каретный сарай, то ли конюшня, а сейчас, естественно, обычная московская коммуналка.

Скорее всего теща на время уехала куда-то – в отпуск, что ли, – и нам с женой представилась редкая возможность хоть немного пожить не за шкафом, а в отдельной, своей комнате.

Рано утром спросонья я услышал женский крик, а потом в дверь нашей «спальни» громко застучали. Стучала и кричала тещина соседка Сима. И звала она почему-то меня:

- Биля! Биля! – кричала она. – Вы слышите? Врачи-убийцы – не убийцы!

Жена уверяет, что я выскочил в коридор в одних трусах (так оно, очевидно, и было) и, воздев руки к потолку, прокричал что-то на еврейском языке, что-то вроде «Ой-вей!»

Это, конечно, полная чепуха. Но что-то еврейское в тот миг во мне действительно проснулось. Во всяком случае, что-то, объединившее меня с тещиной соседкой Симой – красавицей-одесситкой, о которой я только и знал (с тещиных слов), что было у нее шесть или семь официальных мужей, а неофициальных – бессечно, а также, что она дивно, как только у них в Одессе, наверно, это умели, пела мои любимые «Бублики». С надрывом пела, с душой: «А я несчаст-ная, торговка част-ная...» – пела, словно о себе, словно она сама была этой вот частной торговкой бубликами на Дерибасовской или Малой Арнаутской, словно это ее родной отец был пьяница, который «за рюмкой тянется», а мать – «уборщица, ка-а-кой позор!»

Наибольшего внимания в этой трагикомической ситуации заслуживает не столько даже запомнившаяся моей жене удивительная моя реакция на этот Симин крик, сколько сам тот факт, что кинулась Сима в этот момент не к ней, которую она знала выросшей на ее глазах маленькой девочкой (кажется, она даже оттолкнула ее), а – ко мне, почти незнакомому ей человеку. Что она знала обо мне, кроме того, что я «встречался», как тогда говорили, с дочерью ее соседки Ани, а совсем недавно наконец-то с нею «расписался»? Да в сущности, ничего. Но она знала, что этот недавно женившийся на выросшей девочке Славе «Биля» – еврей. И этого было больше чем достаточно. Никаких других знаний обо мне в тот момент ей было не нужно.

Все дело тут было в том, что арест и освобождение врачей были для нее не государственной и не политической, а исключительно еврейской, а потому – личной проблемой. Так же, как (она в этом не сомневалась) и для меня. У нее не было и тени сомнений, что известие о том, что с врачей снято тяготевшее над ними жуткое обвинение, из всех, кто жил тогда в тещиной коммунальной квартире, касается только нас двоих – ее и меня. Это ведь именно с нас – с нее и с меня! – было снято в тот момент клеймо убийц! Известие об аресте врачей было для нее только нашей, еврейской болью. И известие о том, что они невиновны, – только нашей, еврейской радостью.

Примерно так же это событие было воспринято и моим отцом. Днем того же 4 апреля, раннее утро которого я уже описал, мы с ним вышли на Тверскую, которая тогда была улицей Горького. Был ясный, солнечный весенний день... Сейчас я уже не могу вспомнить, вышли мы с ним просто так, пройтись, или было у нас какое-то дело. Не помню даже, долго ли продолжалась эта наша прогулка.

Но яснее ясного запомнилось мне одно: поведение моего отца в тот день на улице. Было оно, как мне тогда показалось, более чем странным. Он шел не торопясь, внимательно вглядываясь в лица прохожих, и время от времени, углядев кого-то в потоке людей, движущихся нам навстречу, снимал шляпу и раскланивался. Некоторые из встречных отвечали ему тем же.

У отца, надо сказать, всегда было множество знакомых, и ходить с ним по улицам бывало иногда чистым наказанием: он то и дело с кем-нибудь останавливался и заводил долгий, совершенно мне не интересный разговор. Меня это всегда раздражало, особенно в детстве, когда у меня в таком совместном нашем походе была какая-то личная цель, свой, личный интерес: игрушка или книга, которую он обещал мне купить, или

*Ñàì ùé ààáí ùé à ì íàé æèçí è èðàíí ùé ááí ù èàèáí ààðý - 4 àí ðàèý 1953 ã àá: á àñçàò àò
íí ðáèèèí ááí í ñí áúáí èá Í è í èíò áðíò àí áí óò ðáí í èò àáè ÑÑÑÐ í ò ì ì, ÷ ò í àðà: è-
ááè è ó ù - í á ááè è ó ù.*

Глаз моего отца был не таким острым. У него осечки все-таки бывали. Однажды, помню, к большому моему смущению, но и к некоторому тайному удовольствию, он в электричке обратился с какой-то еврейской репликой к человеку, который, как выяснилось из последующей беседы, оказался армянином. Но должен признать, что таких осечек у него было совсем немного. А однажды он своей пронизательностью этого рода меня просто потряс. Поехали мы с ним тогда куда-то загород – в Малаховку, что ли: приглядеть какую-нибудь не слишком дорогую дачку на лето. Ходили, спрашивали: не сдастся ли, мол, у вас комната с терраской. И остановились перед новым, еще недостроенным, вкусно пахнущим свежим тесом домом. Дом, вообще-то, был уже почти готов. Нехватало ему только крыши. А на стропилах – верхом – сидели какие-то русобородые мужики и тюкали топорами. Задрав голову и слегка зажмурившись на ярком весеннем солнце, отец обратился к ним с какой-то длинной еврейской фразой. Я обомлел. Мужики-плотники, достраивавшие этот дом, были такого очевидного, столь ярко выраженного славянского типа, что уж тут не могло быть никаких сомнений: осечка! И какая!

Я даже подумал: уж не сошел ли, часом, мой родитель с ума? Не помешался ли совсем на своем еврействе? Или это яркое весеннее солнце его ослепило? Каково же было мое изумление, когда эти «братья-славяне» ответили ему такой же длинной еврейской фразой, и между ними и моим отцом завязался какой-то долгий (совершенно мне, конечно, непонятный) еврейский разговор.

В общем, я не могу сказать, что был так уж удивлен, когда догадался, что в тот день, 4 апреля 1953 года, отец умудрялся в потоке идущих нам навстречу москвичей выхватить своим орлиным взором каждого еврея. Но эти его странные эволюции с поминутным сниманием и надеванием шляпы меня все-таки удивили. Ведь раньше он никогда этого не делал. Улучив минутку, я спросил у него, что это значит: зачем он все это продельывает? И он объяснил, что делает он это, потому что сегодня Пурим. Пурим же – это еврейский праздник, отмечающий одно давнее событие в истории еврейского народа, необычайно похожее на то, что случилось сейчас... Вот так же и тогда, две или три тысячи лет тому назад, один злодей по имени Оман хотел погубить весь еврейский народ. И вот так же у него ничего не вышло.

Много лет спустя я прочел эту историю в Библии, в «Книге Есфири». И вспомнил при этом где-то виденную мною картину «Торжество Мардохея». (Может быть, это было воспроизведение гравюры Рембрандта в каком-нибудь альбоме, но скорее всего – картина ученика Рембрандта Верду, которую я мог видеть в Пушкинском музее.) На этой картине злодей Оман, которому не удалось погубить еврейский народ, вел под уздцы коня, на котором гордо восседал наряженный в драгоценные одежды взявший над ним верх иудей Мардохей.

И вот только тогда, задним числом, я понял, что тот проход моего отца по весенней улице Горького с поминутно взлетающей вверх шляпой – был ЕГО ЛИЧНЫМ «ТОРЖЕСТВОМ МАРДОХЕЯ».

ГОЛДА МЕИР:

ПЕРВЫЙ ПОСОЛ ИЗРАИЛЯ В МОСКВЕ

Через четыре дня после того как 14 мая 1948 года было провозглашено образование Государства Израиль, Советский Союз, как известно, признал его де-юре. Этот дружественный жест Москвы был жизненно важен для новорожденного государства, которое уже четвертый день как находилось в состоянии войны со своими соседями – странами Арабской лиги: Египтом, Сирией, Ливаном, Трансиорданией, Ираком, Саудовской Аравией, Йеменом, – и египетские «спитфайеры» уже всюду бомбили Тель-Авив. Москва «при всем сочувствии к национально-освободительному движению арабских народов» не только официально осудила тогда эту агрессию, но и через восточноевропейских сателлитов форсировала поставки оружия и боеприпасов Израилю. Параллельно Сталин дал указание Комитету информации обеспечить с помощью тайных операций поддержку интересов СССР на Ближнем Востоке, где под прикрытием еврейского эмиграционного потока из восточноевропейских стран развертывалась советская агентурная сеть^[1]».

Поток оружия из Восточной Европы в Израиль был столь значителен, что Вашингтон даже выступил с нотой протеста, обвинив Чехословакию в нарушении условий еврейско-арабского перемирия, установленного Советом Безопасности ООН 11 июня 1948 года. Однако коммунистический мир не отказался от военной помощи молодому государству в надежде привлечь его на свою сторону^[2].

Приветствуя 17 августа вновь назначенного советского посланника, премьер-министр Израиля Бен-Гурион заявил, что израильская армия получила значительное количество оружия из Чехословакии и Югославии, в том числе артиллерию, которой у нее прежде не было совсем. Даже писатель А. Кёстлер, выпустивший в 1940 году антисоветский роман «Слепящая тьма», вынужден был признать, что «эти транспорты вызвали среди евреев чувство благодарности к Советскому Союзу, а бевинская^[3] политика пошатнула веру в западные демократии^[4]».

Одновременно в советских дипломатических кругах изучался вопрос о путях примирения Израиля с арабским миром. Интересно, что постоянный представитель Украины в Совете Безопасности ООН Д.З. Мануильский предлагал осенью 1948 года даже переселить палестинских арабов-беженцев (свыше 500 тыс. человек) в советскую Среднюю Азию и создать там арабскую союзную республику или автономную область^[5].

Áíéää Í áèð, í íîë Èçðæéÿ á ÑÑÑÑ, í ðè áðó:áí èè ááðèð áéüü úò áðàí íò.

Èðàí èü

10 ñáí ò ÿáðÿ 1948 ã ää

Однако вскоре Сталину пришлось убедиться, что его политика поддержки Израиля провоцирует рост национального самосознания советских евреев, вдруг почувствовавших ответственность за свободу и независимость далекой прародины. Своего пика эти настроения достигли в первые недели осени 1948 года, что было связано с прибытием 3 сентября в Москву первого дипломатического представителя Израиля в лице Голды Мейерсон (с 1956 года – Г. Меир). Родилась она в 1898 году в Киеве. Спустя пять лет ее отец, Моше Мабович, отправился в «золотую страну» – Америку с надеждой разбогатеть. На заработанные им деньги его семья, оставшаяся в России, смогла в 1906 году выехать в США. Там через несколько лет юная Голда включилась в сионистское движение, что предопределило ее переезд в 1921 году в Палестину. В 30-е годы она занимала руководящие посты в еврейских профсоюзах, а после войны, будучи одним из лидеров социал-демократической партии МАПАЙ, возглавила политический департамент исполкома Еврейского агентства для Палестины. Интересно, что когда в июне 1948-го стало известно о решении Тель-Авива направить Меир в Москву, заместитель министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинский обратился к Абакумову с просьбой выяснить «не имеется ли каких-либо препятствий к допуску ее в СССР в качестве посланника Израиля». Тогда Лубянка дала указание украинским чекистам выявить по синагогальным книгам и другим архивным документам все факты, связанные с жизнью в Российской империи семьи и родственников будущего израильского посланника. Однако поиски в киевских архивах данных о «Мейерсон Голде Мойшевне» закончились безрезультатно.

Свой вклад в сбор материалов для персонального досье на членов первой израильской дипломатической миссии в Москве внесла и советская внешняя разведка в лице Комитета информации. 8 сентября 1948 года по сведениям, полученным от первого

советского резидента в Тель-Авиве В.И. Вертипороха^[6], первый заместитель председателя этого комитета П.В. Федотов представил Абакумову аналитические характеристики на Меир, советника миссии Намира, военного атташе Ратнера и других израильских дипломатических представителей в Москве.

В качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра государства Израиль Г. Меир 7 сентября была принята Молотовым, а спустя три дня вручила верительные грамоты в Кремле заместителю председателя Президиума Верховного Совета СССР И.А. Власову. Однако, будучи профессиональным политическим пропагандистом, она придавала неформальному общению с советским еврейством куда большее значение, чем этим и другим протокольным мероприятиям. Уже 11 сентября, то есть в первую субботу своего пребывания в советской столице, Меир посетила хоральную синагогу, где от нее в торжественной обстановке были приняты привезенный из Израиля свиток Торы и благодарственное пожертвование за теплый прием в сумме 3500 рублей. Как докладывал потом Молотову председатель Совета по делам религиозных культов И.В. Полянский, далее события развивались следующим образом:

«...По просьбе советника посольства г-на Намира мужчины – члены посольства были приглашены к чтению Торы, а посол г-жа Мейерсон, находившаяся, как этого требует религиозная традиция, во время чтения молитвы на “женской половине” (на хорах), по окончании ее сошла в главный зал, подошла к раввину, церемонно поклонилась ему, произнесла на древнееврейском языке приветствие и заплакала»^[7].

В московской синагоге Меир потом была неоднократно. Особенно массовым столпотворением был отмечен ее приезд туда 4 октября 1948 года. В тот день в московской хоральной синагоге началось празднование еврейского Нового года (Рош а-Шона). По такому знаменательному случаю туда прибыли израильские дипломаты во главе с Меир. Это посещение неожиданно вылилось во внушительную демонстрацию еврейского национального единства. Израильского посланника встречали как новоявленного мессию, некоторые люди в экстазе даже целовали край одежды Меир. По «приблизительному подсчету» чиновника из Совета по делам религиозных культов, в этом б-гослужении, по сути ставшем празднованием возрождения еврейской государственности, участвовало до 10 000 человек, многие из которых не поместились в здании синагоги. Нечто подобное имело место и 13 октября, когда Меир посетила синагогу по случаю праздника Судного дня (Йом Кипур). В тот день раввин С.М. Шлифер так прочувственно произнес молитву «На следующий год – в Иерусалиме», что вызвал прилив бурного энтузиазма у молящихся. Эта сакральная фраза, превратившись в своеобразный лозунг, была подхвачена огромной толпой, которая, дождавшись у синагоги окончания службы, двинулась вслед за Меир и сопровождавшими ее израильскими дипломатами, решившими пройти пешком до резиденции в гостинице «Метрополь». Подобных массовых несанкционированных сверху демонстраций Москва не знала с осени 1927 года, когда на ее улицы и площади вышли троцкисты и другие оппозиционеры, протестовавшие против установления единовластия Сталина в партии и стране.

Особое недовольство вождя вызвала помимо прочего доложенная ему информация о теплой и продолжительной беседе Жемчужиной с Г. Меир на приеме по случаю 31-й годовщины Октябрьской революции, который для аккредитованных в Москве иностранных дипломатов устроил руководитель МИД Молотов, предложивший израильскому посланнику выпить рюмку водки. Обе дамы говорили на идише. Объясняя собеседнице свое хорошее знание этого языка, Жемчужина с гордостью сказала: «Их бин а идише тохтер» («Я – еврейская дочь»). Затем она одобрительно отозвалась о посещении Меир синагоги. На прощанье жена министра со слезами на глазах пожелала благополучия

народу Израиля, добавив, что если ему будет хорошо, то будет хорошо евреям и в остальном мире^[81].

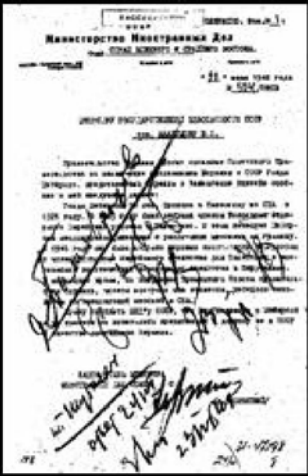
Сталин не мог не быть обеспокоенным тем, что в глазах советских евреев Меир, этот проамерикански настроенный политик, превратилась в некую почти харизматическую личность, провозвестницу грядущего исхода в Землю обетованную. Наглядным свидетельством того, что глава израильской миссии в СССР пришлось не ко двору в советской столице, стал инцидент, отнюдь не случайно спровоцированный Эренбургом на одном из дипломатических раутов. Произошел он в ноябре 1948 года на приеме в посольстве Чехословакии. К присутствовавшей на нем Меир подошел английский журналист Р. Паркер и спросил, не хотела бы она познакомиться с находившимся там же Эренбургом. Получив утвердительный ответ, журналист растворился в толпе, чтобы через некоторое время возвратиться со знаменитым советским писателем. Как писала потом Г. Меир, Эренбург «был совершенно пьян... и... держался агрессивно». Поприветствовав ее и выяснив, что та не владеет русским, он грубо и нарочито громко заявил, что ненавидит евреев, родившихся в России, которые говорят только по-английски. Думается, что на самом деле Эренбург был не столько пьян, сколько намеренно разыграл скандальную сцену, руководствуясь тем трезвым расчетом, что о произошедшем во всех деталях будет доложено наверх, благо при сем присутствовал Паркер, которого в среде аккредитованных в Москве западных журналистов подозревали в тайном сотрудничестве с советскими спецслужбами. В пользу такой версии говорит и то, что, появившись вскоре в албанском посольстве, Эренбург, так же играя на публику, сначала во всеуслышание прочитал нотацию кинорежиссеру М.С. Донскому, заикнувшемуся о возможности ограниченной эмиграции советских евреев в Израиль, а затем «по-дружески» предупредил находившегося там же представителя посольства Израиля М. Намира о нежелательных для его государства последствиях, если оно не пожелает «оставить евреев СССР в покое и не откажется от попыток соблазнить их сионизмом и эмиграцией». После этого разговора израильский дипломат в своем донесении в Тель-Авив предположил, что «беспомощные колебания» Эренбурга между чувством, что его долг поддержать Израиль, и страхом, что сионистские идеи завоюют сердца советских евреев, отражают в какой-то мере настроения советских властей. А эти власти не очень-то и скрывали свое негативное отношение к Меир, которая очень скоро осознала всю деликатность своего положения. Ибо 29 марта 1949 года на стол Сталина легла следующая информация «органов»: Меир объявила о своем скором отъезде из Советского Союза; при этом она сожалела о том, что, если с американскими евреями и правительством США дружеские связи (с получением финансовой помощи) будут развиваться и дальше, то «со стороны Советского Союза это невозможно: ни финансовая помощь, ни переселение». Такое заявление было равносильно признанию неудачи миссии первого израильского посланника в СССР. 18 апреля, накануне своего отъезда в Израиль, где Меир собирались вручить портфель министра труда в новом правительстве, она, передав полномочия временному поверенному в делах своей страны М. Намиру, собрала последнюю пресс-конференцию.

На ней, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре, она, исполняя долг вежливости в отношении страны, которую покидала, сказала:

«Я многому научилась здесь и считаю свое пребывание здесь одним из величайших опытов моей жизни».

Предисловие и публикация архивных документов

Г.В. Костырченко

[1] РГАСПИ. – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 1362. – Л. 132-135; Мурашко Г.П. Дело Сланского // Вопросы истории. – 1997. – № 3. – С. 15; Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. – М.: Nota Bene, 1992. – С. 419,420; Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. – М.: ТОО «Гей», 1996. – С. 344,345; Грин С. Делая выбор. – М., 1985. – С. 60-63; Советско-израильские отношения. Сборник документов. В 2-х тт. / МИД РФ, МИД Израиля. – Т. 1. 1941-1953. – Кн. 1. 1941- май 1949. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 337.

[2] Правда. – 1948. – 29 мая; Независимая газета. – 1998. – 11 апр.

[3] Бевин, Эрнест – министр иностранных дел Великобритании в 1945-1951 годах, проводивший жесткий антиеврейский внешнеполитический курс на Ближнем Востоке.

[4] РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 128. – Д. 446. – Л. 20; Советско-израильские отношения. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 349.

[5] Там же. – Оп. 118. – Д. 797. – Л. 102.

[6] В годы второй мировой войны Вертипорох возглавлял советскую резидентуру в Иране, отвечал за обеспечение безопасности на встрече «большой тройки» в Тегеране. Из Израиля был отозван в 1953 году.

[7] Советско-израильские отношения. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 399.

[8] Меир Г. Моя жизнь. – Кн. 2. – С.281,282; Советско-израильские отношения. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 427; Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943-1966 /Ред. М. Альтшулер/, И. Арад, Ш. Краковский. – Иерусалим, 1993 – С. 350.

Документ № 1

Заместитель министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинский – министру государственной безопасности СССР В.С. Абакумову.

Резолюции: Питовранову. Срочно ответ. В. Абакумов,*

23 июня.

*Шубнякову**. Ответ 24 июня. Е. Питовранов, 23 июня.*

СЕКРЕТНО. Экз. №1

СССР

Министерство

Иностранных Дел

Отдел СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

«22» июня 1948 года

№ 594/ОБСВ

МИНИСТРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

тов. АБАКУМОВУ В.С.

Правительство Израиля просит согласия Советского Правительства на назначение посланником Израиля в СССР Голды Мейерсон. Представитель Израиля в Вашингтоне Эпштейн сообщил о ней следующие данные:

Голда Мейерсон, 50 лет. Прибыла в Палестину из США в 1921 году. В 1925 году была избрана членом Исполкома Федерации Еврейских рабочих в Палестине. В этом качестве Мейерсон неоднократно выезжала с различными миссиями за границу. В 1946 году она была избрана мировым сионистским конгрессом в члены Исполкома Еврейского агентства для Палестины и возглавляла политический департамент Агентства в Иерусалиме. В настоящее время, по поручению Временного Совета правительства Израиль, членом которого она является, Мейерсон находится со специальной миссией в США.

Прошу сообщить МИДу СССР, что вам известно о Мейерсон и не имеется ли каких-либо препятствий к допуску ее в СССР в качестве посланника Израиля.

Заместитель министра иностранных

дел Союза ССР /А. Вышинский/

* Питовранов Е.П. – начальник 2-го главного (контрразведывательного) управления МГБ СССР.

** Шубняков Ф.Г. – начальник 2-А отдела 2 ГУ МГБ СССР.

Документ № 2

Министр государственной безопасности В.С. Абакумов – заместителю министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому.

Экз. № 3

Копия

СОВ. СЕКРЕТНО

Министерство

Иностранных Дел

товарищу

ВЫШИНСКОМУ А.Я.

26 июня 1948 года

A-1841

МГБ СССР располагает в отношении Голды МЕЙЕРСОН следующими сведениями:

Голда МЕЙЕРСОН - член палестинской партии «Мапай» и является одним из ее руководителей. В 1946 году была участницей 22-го Всемирного сионистского конгресса в Базеле, где выступала с обвинением политики английского правительства по еврейскому вопросу. На этом же конгрессе Голда МЕЙЕРСОН была избрана членом исполнительного комитета Всемирного сионистского конгресса и вторым руководителем политического отдела еврейского агентства.

В 1948 году на специальной сессии главного совета по созданию правительственного органа для еврейского государства МЕЙЕРСОН была избрана членом исполнительного комитета еврейского агентства для Палестины.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Выступление МЕЙЕРСОН на 22-м Всемирном сионистском конгрессе.

АБАКУМОВ.

адресату

секр. МГБ СССР

исп. т. Шубняков

Отдел 2-А 2 Гл. Упр.

исп. Хейман

№ 149

25.VI

Документ № 3

Первый заместитель председателя Комитета информации при Совете Министров СССР

П.В. Федотов – министру государственной безопасности СССР В.С. Абакумову.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Товарищу

АБАКУМОВУ В.С.

По сведениям, полученным из Тель-Авива, в состав миссии Израиля в Москве, за исключением торгового атташе БЕЖЕРАНА, все ответственные сотрудники набраны из числа членов правительственной партии «МАПАЙ».

1. Посланник Миссии - МЕЕРСОН ГОЛЬДА МОЙШЕВНА, 1898 г. рождения, уроженка г. Киева, большую часть жизни провела в США, где получила свое образование. Убежденная сионистка с большим стажем практической работы. Не знает русского языка.

2. Советник миссии - НАМИР (он же НЕМИРОВСКИЙ) МОРДЕХАЙ ИЦХАКОВИЧ, бывший руководитель правых сионистов - социалистов в г. Одессе. В Советском Союзе подвергался репрессиям, настроен антисоветски. В Палестине с 1928-1930 гг.

ГОЛЬДА МЕЕРСОН и НАМИР имеют персональное задание от руководства партии «МАПАЙ» - «наладить контакт с евреями в Советском Союзе и найти путь для включения их в активную общесионистскую деятельность».

3. Военный атташе - РАТНЕР ИОХАНАН, 1891 г. рождения, уроженец г. Одессы, профессор архитектуры. Бывший солдат Третьего Самарского гренадерского полка Московской дивизии в царской армии.

В Палестине находится 29 лет, из них 20 лет служит в еврейской военизированной организации «ХАГАНА». Последнее время занимал пост начальника планового отдела генерального штаба армии Израиля. Имеет звание полковника генерального штаба.

Назначение РАТНЕРА в Москву связано якобы с необходимостью «максимально точно и квалифицировано обрисовать истинное военно-стратегическое положение Израиля непосредственно перед Советским правительством. Характеризуется положительно.

4. Второй секретарь миссии - ЛЯПИД ЛЕВ ГАВРИЕЛЕВИЧ (он же ЛЮБИЧ АРИ - сменил имя и фамилию по указанию ШЕРТОКА перед отъездом в СССР), 1916 г. рождения, уроженец г. Гродно. Во время мандата служил интендантом в английской армии в Палестине в чине капитана.

В продолжении нескольких лет находился в рядах «ХАГАНЫ», затем перешел в генеральный штаб армии Израиля. Перед уходом в МИД получил звание майора генерального штаба. Был в Англии, Италии и Египте. Владеет еврейским, английским, немецким, арабским и русским языками.

5. Торговый атташе - БЕЖЕРАН МОШЕ МИХАЙЛОВИЧ, 1902 г. рождения, уроженец Пловдива. Беспартийный, близок к кругам партии «МАПАЙ», крупный владелец заводов фруктовых соков и апельсиновых рощ.

По тем же данным, во время комплектования миссии в СССР между сионистскими партиями «МАПАЙ» и «МАПАМ» произошли разногласия в отношении назначения кандидатур.

Партия «МАПАМ» настойчиво добивалась включения в состав миссии своих представителей, рассчитывая этим усилить свое влияние среди населения. Однако из-за противодействия руководства партии «МАПАЙ» эта их попытка окончилась безрезультатно, в связи, с чем в настоящее время между этими партиями происходит полемика в прессе.

П. ФЕДОТОВ

«8» СЕНТЯБРЯ 1948 Г.

№ 3156/Ф

Разослано:

Экз. 1 - тов. Абакумову В.С.,

Экз. 2 - тов. Вышинскому А.Я.,

Экз. 3 - тов. Зорину В.А.

Документ № 4

Изложение беседы посла Польши в Москве М. Нашковского с посланником Израиля Г. Меир.

Совершенно секретно

Перевод с польского

СЛУЖЕБНЫЕ ЗАМЕТКИ

Из разговора посла НАШКОВСКОГО с послом государства Израиль - госпожой МЕЕРСОН Голдой, имевшего место 16.IX.48. в здании польского посольства во время 1-го визита госпожи МЕЕРСОН. При разговоре присутствовал второй секретарь польского посольства г-н Леонард ПОГОРИЛЕС.

Разговор касался:

- 1) Персональных данных.
- 2) Внутреннего положения и внешней политики государства Израиль.

Персональные данные.

Госпожа Меерсон рассказывает о себе, что родилась она в Киеве. Отец ее в 1903 году эмигрировал в Америку, она же вместе с матерью и сестрой переехали в Пинск. В 1907 году вся семья выехала к отцу в Соединенные Штаты.

Госпожа Меерсон говорит, что ее сестра принимала участие в революционном движении и у них дома в США до Октябрьской революции бывали русские революционные деятели.

В 1921 году госпожа Меерсон выехала (вместе с сестрой) в Палестину и там проживала.

Принимая деятельное участие в сионистском рабочем движении, госпожа Меерсон много и часто путешествовала. Между прочим, г-жа Меерсон была два раза в Польше. Первый раз в 1938 году. Она посетила тогда Варшаву и Лодзь, а также лагеря сельских работ, в которых сионистская молодежь готовилась в отъезде в Палестину. Второй раз госпожа Меерсон была в Варшаве проездом из Тель-Авива в Швейцарию, куда она ехала на конгресс сионистской партии (за три недели перед началом войны). Госпожа Меерсон производит впечатление человека, разбирающегося в политике и опытного деятеля.

2. Положение и внешняя политика государства Израиль.

В ходе беседы, отвечая на ряд вопросов, госпожа Меерсон сказала следующее:

Главной опасностью для еврейского государства является политика министерства иностранных дел Англии. Тайной полишинеля является факт, что если бы не Англия, то не было бы войны в Палестине. Министерство иностранных дел Англии оказывает большое влияние на Государственный Департамент США в палестинском вопросе. Отсюда и неравномерность американской политики. Правительство Израиля понимает, что возможно после выборов Государственный Департамент под влиянием Министерства иностранных дел Англии перейдет на английскую позицию в этом вопросе. Хотя это и беспокоит правительство Израиль, однако, в настоящий момент это не главная опасность – главной опасностью является Англия, тем более что сессия ООН состоится перед выборами президента в США. Кроме того, 5 миллионов американских евреев в будущем не могут не повлиять на политику США. Внешняя политика правительства Израиль исходит из действительного положения вещей. Государство Израиль - является маленьким государством и не может оказывать влияние на ход крупных событий в мире. Безусловно, правительство Израиль заинтересовано, чтобы во всем мире был мир и поддерживает демократические силы.

На ближайшей сессии ООН должен окончательно решиться палестинский вопрос. Ситуация, которая создалась в настоящее время в Палестине в политическом и экономическом отношении отражается на гос. Израиль и, само собой разумеется, что долго так продолжаться не может.

Если ООН не примет решения о выводе из Палестины войск Египта, Сирии и др., то еврейские вооруженные силы сами выбросят эти войска оттуда.

Возникновение еврейских вооруженных сил относится к 1905 г. Тогда в условиях турецкой политики террора и истребления возникли нелегальные отряды ХАГАНЫ, которые просуществовали до 1917 года. В 1917 году евреи доверчиво встретили англичан, приняли их за избавителей - приняли декларацию ВАЛЬФУРА, как декларацию преследующую хорошие цели и сложили оружие. Но уже в 1920 году, когда арабы при поддержке английских властей стали проводить вооруженные нападения на еврейские селения, - евреям стало ясно кто руководит террористическим движением арабов, направленным против евреев. И в 1921 году вновь создаются нелегальные отряды

ХАГАНЫ, которые в настоящее время являются основным источником вооруженных сил гос. Израиль. Кроме того, во время второй мировой войны, когда германские войска подходили к границам Египта, - английские офицеры обучали еврейскую молодежь (парней и девушек в возрасте 17 лет) к диверсионной и партизанской борьбе. Это обучение вопреки интересам англичан очень пригодилось теперь. Затем в войсках гос. Израиль находится большое количество бывших еврейских партизан из Европы, закаленных в борьбе с гитлеризмом, не говоря уже о 30-тысячном еврейском легионе, который прошел боевую практику в английских войсках во время последней войны. Поэтому евреи уверены, что сумеют собственными силами выбросить из Палестины египтян и сирийцев.

Лучшей арабской армией считается трансиорданский легион (в сущности английский). Доказательством того, что оценка еврейских сил является реальной - свидетельствует факт, что в первые дни после 15 мая с.г., несмотря на техническое превосходство арабов (так как в нелегальных условиях евреи не могли иметь самолетов, танков и тяжелой артиллерии, а у арабов все это было) - евреи не только не сдали своих позиций, но даже заняли некоторые местности по другую сторону гос. Израиль. Большую роль играет моральное состояние еврейской армии. Евреи понимают, что для них вопрос победы означает существование или ликвидация гос. Израиль. Египетский же солдат не знает, за что он борется. Говоря о населении Палестины, госпожа Меерсон уверяет, что элемент польских евреев (в процентном отношении самый многочисленный, по ее мнению) - является наиболее работоспособным элементом.

Посол польской республики

в Москве - Мариан Нашковский.

Документ № 5

Заместитель начальника 2 управления МГБ Украины Ковалев – заместителю начальника отдела 2-3 2 главного управления МГБ СССР Тарасову.

Сов. Секретно

УССР

Министерство Государственной Безопасности

7 отделение

16 сентября 1948 г.

№ 2/1632

Зам. Начальника отдела 2-3

2 Главного Управления МГБ СССР -

Полковнику тов. ТАРАСОВУ

г. Москва

Сообщаю, что Мейерсон Голда, по оперативным учетам МГБ и МВД УССР, а также по учетам архивного управления МВД УССР не проходит.

По данным 1 Управления МГБ УССР известно, что Меерсон Голда являлась генеральным секретарем объединения еврейских трудящихся в Палестине и директором политического отдела исполнительного комитета еврейского агентства в Иерусалиме.

В декабре 1947 г. Меерсон Голда возглавляла делегацию палестинских евреев, принимающих участие в работе 22 Всемирного конгресса сионистов в Базеле.

Прошу сообщить год рождения, время и место регистрации брака Г. Мейерсон, чтобы мы имели возможность проверить ее по записям книг киевских синагог.

Зам. нач. 2 Управления МГБ УССР

Подполковник (КОВАЛЕВ)

Документ № 6

Исполняющий обязанности начальника 2 управления МГБ УССР Хаев – заместителю начальника отдела 2-3 2 Главного управления МГБ СССР Ляпунову.

Сов. Секретно

УССР

Министерство Государственной Безопасности

7 отделение

ноября 1948 г.

№ 2/1632

Зам. Начальника отдела 2-3

2 Главного Управления МГБ СССР -

Полковнику тов. ЛЯПУНОВУ

г. Москва

Сообщаю, что по записям книг киевских синагог Меерсон Голда Мойшевна, 1898 года рождения - не значится.

По записям указанных книг, относящимся к 1897-99 гг. проходят:

1. Голда, 13 ноября 1898 года рождения, уроженка г. Киева.

Ее отец - ШАПИРО Менахем Ицкович, земледелец Киевской губернии, Васильковского уезда, Веприковской волости, Кадлубицкой колонии, мать - Гудля Гершовна ЗЕЛЬДИЧ.

2. Голда, 1899 года рождения, уроженка г. Киева, родителями которой являются отец КРАСИЛЬЩИК Эля-Моисей Лейзерович, мещанин запасного нижнего чина, Черниговской губернии, г. Кролевца, мать - ЛИПКИНА Рива Давыдовна.

3. Голда, 21 ноября 1899 года рождения, уроженка г. Киева, отец которой мещанин, Киевской губернии и уезда, Бородянского общества ЖУК Мошко - Нута Овсеевич, мать - Ципора.

4. Голда-Сара, 19 ноября 1897 года рождения, уроженка г. Киева.

Ее родителями являются: отец - КЛИГМАН Мойше-Иовель Зейдович, мать Ципра Малка.

Определить, кто из указанных лиц может являться Голдой Меерсон не представляется возможным, поэтому просим дополнительно сообщить нам хотя бы минимум биографических данных последней.

И.о. Нач. 2 Управления МГБ УССР

Подполковник (ХАЕТ)

Документ № 7

*Резидент советской внешней разведки в Италии Гукасов –
начальнику 2 главного управления МГБ СССР Е.П. Питовранову.*

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

МГБ СССР

тов. ПИТОВРАНОВУ Е.П.

Израильская посланница в Москве Гольда Меерсон проездом из Москвы в Тель-Авив 4 января с.г. остановилась в Риме и в тот же день для узкого круга работников «Джойнта» и других еврейских организаций устроила пресс-конференцию, где присутствовало 40 человек.

На этой конференции Меерсон выступила в антисоветском духе о советско-израильских отношениях и о жизни в Советском Союзе.

ГУКАСОВ

24 января 1949 г.

№ ф/222

ОБЗОР

Выступления в Риме посланника Израиля в Москве МЕЕРСОН о советско-израильских отношениях и ополжении евреев в Советском Союзе

Гольда Меерсон, посланник государства Израиль в Москве, 4 января, по пути из Тель-Авива в СССР, была в Риме. Вечером того же дня она встретила в Консульстве государства Израиль в Риме с небольшим числом представителей Израиля в Италии и разговаривала с ними больше часа, главным образом отвечая на поставленные вопросы.

На первый вопрос, заданный ей одним из представителей, членом партии МАПАМ, что нового она привезла из Советского Союза, Меерсон ответила: «я была уверена, что вас скорее будет интересовать вопрос о Палестине». Затем она начала говорить о военном положении в Негеве. Касаясь военных действий, она ничего не сказала нового из того, что уже известно народу из сообщений прессы. Тем не менее, касаясь политического фона войны в Израиле, Меерсон остановилась на нескольких важных моментах. Несмотря на то, что правительство США послало ультиматум правительству государства Израиль, требуя отзыва еврейских войск из Египта и угрожая дипломатическими санкциями в случае, если это будет осуществлено, Меерсон доказывала твердо и с уверенностью, что подобный шаг со стороны США несовместим с нынешней последовательно просионистской политикой Соединенных Штатов Америки. Она сказала, что Великобритания пыталась вовлечь государство Израиль в запутанную игру между арабскими государствами и Англией, но США не захотели поддерживать это начинание англичан. Она добавила: «Только вы не знаете, на что способна Англия для того, чтобы поставить нас в самое тяжелое положение». Затем Меерсон сказала, что между государством Израиль и Абдулой, королем Трансиордании, еще существует связь и что, возможно, что эта связь будет еще теснее. Она оспаривала мнение о том, что Абдула, безусловно, является английским агентом. Она сказала, что Абдула является сейчас орудием в руках англичан, но что никто не может утверждать, что он не смог бы изменить свою политику, если бы он получал такую же помощь от другой державы.

Меерсон указала также, что существует связь с Ливаном и можно надеяться, что Трансиордания будет оказывать влияние на Ирак с тем, чтобы убедить последний в необходимости мирных переговоров. Было очевидно, что Меерсон создает впечатление у своих слушателей, что война в Палестине скоро придет к концу.

На вопрос, что она может сказать в отношении провала государства Израиль, когда вопрос стоял о его включении в состав ООН, Меерсон ответила, что она не может назвать это «провалом», в то время как другим великим государствам, например Италии, также было отказано в этом. Она делала упор на значение Аргентины и Колумбии, голосующих за прием Израиля, и выразила надежду, что рано или поздно Израиль сам обеспечит себе прием в ООН. Затем Меерсон указала на то, что именно Франция не дает возможности добиться благоприятных для Израиля результатов при голосовании. В связи с этим она напомнила, что президент ТРУМЭН пригласил французского посла в Вашингтоне и просил голосовать в Совете за них. Когда позднее делегация Израиля спросила ШУМАНА, почему Франция не согласилась с предложением США, он ответил, что действительно с такой просьбой они обращались, но у французского правительства

создалось впечатление, что этот вопрос не является основным элементом в американской политике.

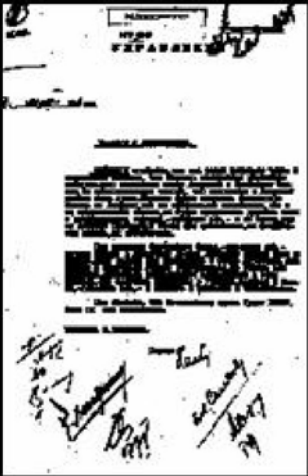
Что касается вопроса эмиграции в Израиль из Восточной Европы, Меерсон сказала, что в Чехословакии положение в этом отношении вполне удовлетворительно. Что же касается Польши, можно сказать то же самое, однако «Палестин оффис» в Варшаве был закрыт. Однако, как сообщил ей в Париже посланник Израиля в Варшаве, этот шаг ничего не имел общего с продолжением эмиграции из этой страны в Израиль. В Югославии и Венгрии положение с эмиграцией было благоприятно. Из Болгарии немногие евреи уехали в Израиль. Что касается Румынии, то Меерсон сказала, что там положение очень серьезное и напряженное, и никто не может сказать, что произойдет там позже.

Она сделала упор, однако, на то, что во всех странах Восточной Европы только евреи, эмигрирующие в Израиль, получают паспорта. В заключение Меерсон отметила, что евреи из этих стран должны быть отправлены в Израиль как можно скорее, ибо в обстановке должны произойти изменения.

Меерсон затем выступила против заявлений печати о том, что эмиграция евреев из Советского Союза была допущена в некоторых размерах. Она отметила, что эти заявления ни на чем не основаны. Она сказала присутствующим, что по поводу ее поведения в Москве мнения могут разделиться, однако она может гордиться тем, что в первую же субботу после прибытия в Москву она пошла в синагогу.

Меерсон показала присутствующим ряд фотографий, сделанных ею лично, на которых видна толпа, идущая по направлению к синагоге. К этим фотографиям Меерсон добавила, что визит в синагогу явился для нее большой сионистской демонстрацией советских евреев. Она сказала: «Это замечательные евреи - возможно наилучшие». Около 40 000 евреев приняли участие в демонстрации. Советские власти послали полицию для наведения порядка среди толпы. Энтузиазм был огромен, и прием, оказанный ей и ее коллегам, был чрезвычайно теплым. Советские евреи очень привязались к Израилю и гордятся тем, что их страна оказывает некоторую помощь евреям Палестины и первая признала Израиль. Меерсон напомнила, что синагога является единственным местом сбора для советских евреев, по крайней мере в Москве. Затем она прочитала письмо, полученное ею от одного московского еврея, подписавшего свою фамилию Бен Давид. Письмо было написано по-еврейски и содержало пожелания первому посланнику Израиля в Москве пожелание процветания еврейскому государству. Автор письма делает упор на то, что только советские евреи, граждане единственной свободной страны в мире, смогут понять что такое свобода и независимость. Автор письма подчеркивает также, что сам факт признания Израиля его правительством не является чем-то случайным, а есть следствие глубоких идеологических принципов, на которых построено Советское государство.

На вопрос, что она может сказать в отношении Биробиджана и еврейской эмиграции в этот район, Меерсон ответила, что она там не была, т.к. из-за дальности расстояния между Западом и Востоком, некоторые авиалинии Советского Союза закрыты для иностранцев. Биробиджан, к несчастью, находится на одной из таких линий, и если она не смогла поехать туда, то это объясняется не тем, что Биробиджан является еврейским районом, а тем, что авиалиния закрыта. В отношении еврейской эмиграции в Биробиджан Меерсон иронически заметила, что ее предположения базируются на сообщениях еврейской печати Советского Союза относительно того, что не слишком много евреев туда едет.

Отвечая на другие вопросы, Меерсон сказала, что Еврейскую миссию в Москве посещает очень мало евреев, в столице нет еврейских школ, но что такие школы имеются в Биробиджане, еврейский язык, как предмет, в школах Советского Союза не изучается, еврейский театр в Москве очень плохой, сионисты до сих пор еще находятся в тюрьмах.

В течение всего разговора Меерсон не упоминала о роли Советского Союза в палестинском вопросе и даже не высказала ни одного учтвого слова по отношению СССР, что обычно характерно для

дипломатов.

Надо полагать, молчание Меерсон было попыткой дать понять слушателям, что если бы она и высказалась, то это было бы, безусловно нелестным (по адресу СССР).

До сих пор много разговоров об этой беседе. Конфиденциальные сообщения, исходящие из кругов МАПАЙ и МАПАМ, указывают на то, что в сионистских кругах вообще предполагают, что миссия г-жи Меерсон в Москву потерпела полный провал. В частности, в этих кругах указывают, что посещение синагоги явилось серьезной тактической ошибкой со стороны Меерсон. Некоторые сионисты вынесли даже заключение, что статья ЭРЕНБУРГА о сионизме и Израиле* явилась как бы ответом на этот неудачный шаг Меерсон.

Один из членов МАПАЙ, заслуживающий доверия, заявил, что Меерсон в узком кругу своих друзей выражала глубокое недовольство своим назначением в качестве посланника в Москве. Говорят, что она якобы заявила о том, что в Москве она абсолютно изолирована и принадлежит к тем дипломатам, за движением которых следят. Тот же источник, близкий к МАПАЙ заявил, что Меерсон в настоящее время возвращается в Москву только на некоторое время и что затем она вернется обратно, оставив вместо себя НАМИРА, нынешнего советника миссии. Из вполне достоверного источника, принадлежащего к МАПАМ, сообщают, что Гольда Меерсон, будучи недавно в Париже, выразила желание сопровождать ШЕРТОКА**, который предполагал дать интервью членам советской делегации в ООН. ШЕРТОК, боясь, что ее присутствие во время интервью может вызвать затруднения, отказался удовлетворить ее просьбу.

* По-видимому, источник имеет в виду статью И. Эренбурга "По поводу одного письма", опубликованную в "Правде" 21.IX.48.

** М. ШЕРТОК (ШАРЕТ) - министр иностранных дел Израиля.

Документ № 8

Сообщение о пресс-конференции Г. Меир.

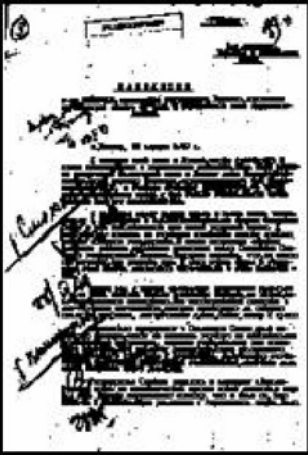
Совершенно секретно

МГБ СССР

УПРАВЛЕНИЕ

29 марта 1949 г.

Перевод с английского

Мейерсон сообщила, что она уедет примерно через 2 недели. Она сказала, что Израиль попытается держаться нейтрального положения между Америкой и Советским Союзом, но обстоятельства таковы, что отношения с Америкой должны быть лучше. Израиль будет получать финансовую помощь от Америки, как из официальных источников, так и от американских евреев, он будет продолжать держать связь с американскими евреями, - говорила она, - в то время как со стороны Советского Союза это невозможно, ни финансовая помощь, ни переселение.

Под влиянием Советского Союза, - говорила она, - другие страны в Восточной Европе начинают менять свою политику. Если раньше они находились в очень дружеских отношениях и разрешали евреям переселиться, то теперь они начинают создавать всевозможные затруднения в этом вопросе. Это особенно относится к Румынии, Венгрии и Польше, - говорила она, - и немного к Болгарии и Чехословакии.

Она считает, что посланником здесь будет НАМИР, если он сам согласится.

Ī ādāāāā Ā. Ōēōīīīāā

Документ № 9

Заявление Г. Меир, сделанное перед ее отъездом из Москвы.

Сов. секретно

Перевод с английского языка

ЗАЯВЛЕНИЕ

Г-жи Мейерсон,

посланника государства Израиль, сделанное накануне своего отъезда

и переданного

āāāī ēīōōāāīīīāāīōāī

ā Ī īīāā, 18 āī dāēy 1949 ā

Я покидаю свой пост в Москве, чтобы приступить к своим обязанностям в израильском кабинете, куда меня недавно назначили. Назначение меня в Москву моим правительством на пост первого Министра, аккредитованного при правительстве СССР, я считала огромной привилегией. За время своего пребывания здесь я еще больше поняла, какую честь оказало мне мое правительство.

В процессе своей работы здесь я имела честь встречаться с министрами и высокопоставленными лицами Советского Союза, и все они оказывали мне самый радушный прием. Я всегда буду помнить их глубокое понимание многих проблем нашего молодого государства. Я самым искренним образом пыталась развить дружеские отношения между Советским Союзом и государством Израиль. Искренне надеюсь, что, до некоторой степени, мне удалось это. Я буду очень горда и счастлива, если смогла достигнуть чего-нибудь в этом направлении.

Много раз я видела прекрасное проявление культуры и духа этой великой страны советских народов, ее выдающееся историческое наследие. Нет необходимости говорить о том глубоком впечатлении, которое производит на каждого галереи искусств, исторические музеи, балет, театр и музыка.

Невозможно находиться в Советском Союзе даже несколько месяцев, чтобы не осознать глубоко те колоссальные строительные достижения, которые воодушевляют все советское общество. Все является доказательством неуклонного экономического прогресса и достижения. Залечивание глубоких ран, нанесенных нацистскими захватчиками, является лишь одной стороной этого развития.

Государство Израиль родилось в середине оборонительной войны за независимость против почти несметных неравных сил. Вполне естественно поэтому, что я была глубоко тронута и преисполнена уважением к героической осаде Ленинграда, следы которой я видела во время визита туда. Разве можно представить большее доказательство решимости, преданности и доблести нации?

Я счастлива воспользоваться возможностью поблагодарить моих коллег дипломатического корпуса в Москве. Я прибыла в Москву в то время, когда большинство их правительств не проявили еще никакой формы признания государства Израиль. Тем не менее, мои коллеги приложили все усилия для проявления наибольшей деликатности, дружественности и помощи. Я глубоко ценю это и благодарю их всех.

Я многому научилась здесь и считаю свое пребывание здесь одним из величайших опытов моей жизни.

Перевела В. Тихонова

Документ № 10

Информация МГБ СССР региональным органам госбезопасности

о выезде Г. Меир из Советского Союза.

Сов. секретно

Нач. 2 отдела МГБ

Узбекской ССР

Подполковнику

Тов. ИЗОТОВУ

марта 1949 г.

г. Ташкент

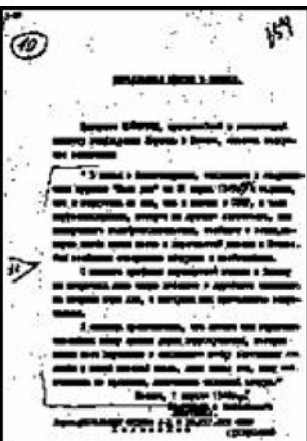
2/3/20813

По имеющимся у нас данным Голда Меерсон 1898 года рождения, уроженка г. Киева, большую часть жизни провела в США, где получила свое образование. Член палестинской лейбористской партии «МАПАЙ» и является одним из ее руководителей.

В 1946 году Меерсон была участницей 22 Всемирного сионистского конгресса в Базеле. На этом конгрессе она была избрана членом исполнительного комитета Всемирного сионистского конгресса и вторым руководителем политического отдела еврейского агентства.

В 1948 году на специальной сессии главного совета по созданию правительственного органа для еврейского государства Меерсон была избрана членом исполнительного еврейского агентства для Палестины.

Перед выездом в СССР - Меерсон имела задание руководства партии «МАПАЙ» установить контакт с националистически настроенными евреями в Советском Союзе. Однако удалось ли ей осуществить задание, нам неизвестно.

Одновременно сообщаем, что в связи с назначением Меерсон министром труда нового правительства государства Израиль, она из СССР выехала.

Зам. нач. Отдела 2 «з» Отдела МГБ СССР

Полковник

(ЛЯПУНОВ)

Начальник 6 отделения

Подполковник

(СМОЛЯКОВ)

ИЗРАИЛЬСКАЯ МИССИЯ

В МОСКВЕ

Мистрисс МЕЙЕРСОН, чрезвычайный и полномочный министр государства Израиль в Москве, сделала следующее заявление:

«В связи с комментариями, сделанными в американском журнале «Ньюс уик» от 21 марта 1949 года я заявляю, что возмущена не тем, что я видела в СССР, а теми корреспондентами, которые по причине невежества, или намеренного недоброжелательства, сообщают о вещах, которые якобы имели место в израильской миссии в Москве. Эти сообщения совершенно абсурдны и необоснованны.

С момента прибытия израильской миссии в Москву мы встречали лишь самое любезное и дружеское отношение со стороны всех лиц, с которыми нам приходилось встречаться.

Я склонна предположить, что именно эти сердечные отношения между нашими двумя государствами, которые нашли свое выражение в отношениях между советскими властями и нашей миссией здесь, дали повод тем, кому это очевидно не нравится, напечатать подобный абсурд.

Москва, 1 апреля 1949 года.

(Перевела с английского Андреева)

Верно: начальник отдела

2-й 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР

полковник Тахчианов

КЛЯТВА ГИППОКРАТА: ИЛИ ОБ ОДНОМ ИЗ ПРОРОКОВ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

А. Евдеев

Привычно нагнув голову, в блиндаж вошел сослуживец. «Володя, у меня для вас дурные вести. Штаб получил московские газеты. В одной – сообщение о смерти вашего отца...» Было это на турецком фронте в 1916 году. Мой будущий отец, не успевший завершить медицинское образование, служил полковым врачом.

Минует почти три десятилетия, и незадолго до финала второй мировой где-то в юго-западной Польше меня тоже настигнет весть: в Москве умер мой отец.

Чем дольше живешь, тем бо́льшую власть над тобой обретает память, сосредотачиваясь на фигурах, высвечивающих прошлое. Высвечивают и – задним числом открывают нечто постигнутое на глубину лишь первого слоя. Задним числом... Минуют годы, и правота отца дойдет до меня. Даже если она не истина в первой инстанции. Он и не претендовал на роль мессии. Но профессия для него была не просто видом деятельности. Теперь отважусь сказать: была основой жизненной позиции, своего рода философией, которую он не стремился кому-либо навязать.

Еще во времена сопливого детства я, боюсь не без подначки, спросил – как же он, офицер старой армии, в гражданскую войну, нарушив присягу, служил в красноармейском лазарете.

Не без сострадания и, пожалуй, без надежды быть понятым он попытался растолковать. Убожество самодержавия для него олицетворялось слабостью российской медицины. В стране с великими целителями, бессребрениками земскими врачами больных лечили, как при царе Горохе. Смертоносными волнами, не встречая преград, прокатывались эпидемии.

Í áðáäÿ ì èðíáäÿ áíéíà

1916 ãä Óðáäéééé óðííò.

Í òáö - ííééíáé áðá-.

Новая власть, виделось отцу, взяла верный более или менее курс в здравоохранении, налаживала разветвленную медицинскую помощь. Достоинства советской медицины, пусть и пораженной номенклатурной заразой, вспоминаются сейчас, когда ее разрушили...

Отец не слишком преувеличивал свои ранние надежды и не таил доли случайности в выборе профессии.

Завершая, достаточно твердо сказал, что признает лишь одну присягу – клятву Гиппократова. И не отступает от нее.

«Ты мог бы лечить белых?» – «Естественно».

Такой взгляд меня озадачил. Тем более что первое знакомство с новыми временами и порядками оставило у отца самую лучезарную память.

По служебно-медицинским надобностям он прибыл в Тифлис и подвергся жестокому избиению на перроне. Солдаты лупили его до тех пор, пока один из них, заметив на погоне чашу со змейкой, не воскликнул: братцы, да то ж доктор!

Вернувшись с фингалом в полк, папа спросил у приятеля, соседа по блиндажу, за что его мордовали нижние чины. Сосед из вольноопределяющихся, то есть людей с высшим или средним образованием, имевших право на офицерскую должность, уверенно разбирался в политике. Один из первых послефевральских декретов отменял офицерские звания. Но большевики, втолковывал приятель, намерены идти дальше. Кто такие большевики и куда дальше они собираются идти, отца не слишком занимало. Хотя собеседник откровенничал: сам он – большевик, но до поры до времени это скрывал и теперь не видит ничего страшного, коль нижние чины расправляются с офицерами.

Отец тогда подумал: в стране всего лишь полвека назад отменили телесные наказания. Пирогов – любимый его герой-медик – не возражал против них.

О Петре Борисовиче Ганнушкине, Григории Антоновиче Захарьине, Николае Ивановиче Пирогове папа рассказывал гораздо охотнее, чем о людях революции, гражданской войны. Великие целители занимали его сильнее.

Не берусь судить, насколько намеренной была линия в разговорах со старшим сыном. Но он явно мечтал увлечь меня своими идеалами. Когда наступит срок мне делать выбор, скажет – без нажима – о медицинском институте и поведет в... анатомический театр. После этой памятной экскурсии я окончательно утвердился: не мое. Обескураженный, огорченный, отец постарается скрыть досаду, а то и боязнь каких-то моих опрометчивых шагов. Вместе с тем, верный себе, не станет таить убеждений. Прежде всего, относительно врачевания.

Завершив медицинское образование, он продолжал чему-то учиться, что-то осваивал, сам вел занятия. Работал в одной больнице, консультировал в другой. Делал операции в клинике института. Трудно сказать, что диктовалось жизненной необходимостью, попросту говоря, нищетой (у него – старая толстовка, заношенный синий костюм), а что – беззаветным служением медицине.

Мама приносила из школы рабочей молодежи кипу тетрадей и, подрабатывая, допоздна корпела, ретушируя какие-то фотографии. Жили мы в коммуналке. На семь комнат пять семей. А еще и беглецы с голодной Украины, устроившиеся на лестничной площадке черного хода. Наш третий этаж – последний в одном из корпусов проходного двора между Новослободской и Сущевкой. Некогда знаменитый своей шпаной Курниковский двор. С продовольственным магазином (сейчас там гастроном) и сберкассой (этот корпус, как и еще некоторые, снесен).

У нас две небольшие комнаты. Просыпаясь ночью, сквозь полумрак я видел отца, склонившегося над тетрадами, блокнотами, книгами. Настольную лампу прикрывала газета. Света хватало лишь отцу. Стараясь не разбудить брата, я подходил к письменному столу с конспектами, анатомическим атласом Spateholz – чудом тогдашней зарубежной полиграфии. Однажды шепотом, остерегаясь потревожить младшего сына, папа рассказал мне, как Пирогов прибыл в Италию: Гарибальди грозила ампутация. Пирогов попросил больного обнажить раненную ногу. Сел рядом. Глядел час, другой. И пальцем ткнул лекаря: пуля застряла вот здесь. Извлечете – ампутация не понадобится. Сел в карету и уехал.

Да, в хирургии случаются эффектные решения. Однако отец, сам будучи хирургом, повторял: скальпель – бессилие медицины. От него я услышал и на всю жизнь запомнил рассказ о великом терапевте Захарьине, скончавшемся в конце XIX века. Однажды Захарьина пригласили к богатой купчихе. Кто только ее ни врачевал, а проку

никакого. Григорий Антонович послушал купеческие легкие, сердце, помял могучий живот, посмотрел горло. Крепко задумался. Вдруг резко встал. Распахнул форточку. Прошел в другую комнату, в третью. И всюду открывал форточки. «Будешь здорова, матушка», – кивнул на прощание. Спустя два дня купчиха поднялась.

Вряд ли это была обдуманная стратегия воздействия на старшего сына. Отец не отличался рациональностью. Но и к простакам-чудакам не относился. Что-то его, видимо, настораживало в моих увлечениях, в безбрежности мальчишеских интересов, так или иначе подвластных злобе дня.

Ему день этот не слишком импонировал, а злоба – в прямом смысле – не ускользала от глаза. Он, словно невзначай, листал книги, которые я проглатывал с ошеломляющей скоростью. Не все, опасаясь, было ему по душе.

Удовлетворенный моим поведением во время операции на носоглотке (ее сделали в Серебряном переулке, в поликлинике, где он подвизался), папа, возвращаясь со мной по Арбату, на одном из развалов выбрал собрание сочинений Чехова, изданное еще до революции в бумажных переплетах. Дома тот или иной томик клал рядом со своими книгами. Остальные писатели его, кажется, не интересовали. Зато приобретал любую новинку по специальности и по истории медицины. Приобретал, виновато снося протесты мамы, возмущенной уроном нашему скудному семейному бюджету. Винился. И покупал снова.

День не слишком сложной моей операции запомнился еще и встречей в коридоре поликлиники с профессором Герценом. Папино уважение к нему было вызвано не столько родословной (внук Александра Ивановича), сколько заслугами в онкологии, сердечной хирургии и – что всего важнее – военной травматологии.

Петр Александрович одно время жил в Греции, по-русски говорил с акцентом, добавляя забавно звучащее «воть ино». Спустя несколько лет профессор Герцен по просьбе отца пощупает мой живот, скажет «аппендицит, надо на стол». И покажет пальцем величину отростка: «воть ино».

Однажды папе вспомнилось: когда я был маленьким, он заглядывал под стол – достаю ли ногами до полу. Не пропустить бы день для начала совместных прогулок. Ноги у меня давно выросли, но гулять нам доводилось редко. Но все же доводилось. Перед выходом отец придиричиво проверял мою экипировку. Осуждающе качал головой, заметив, что ботинки просят каши, туго затягивал шарф на шее. Обычно ни у него, ни у мамы до всего этого не доходили руки.

Но наш вечерний променад – нечто из ряда вон. Определился маршрут: Новослободская, Каляевская (ныне Долгоруковская, как и до революции), через Садовое кольцо. По другую его сторону – пекарня с огромными окнами. На глазах у прохожих раскатывали тесто, резали узкими полосками, лепили бублики, загоняли в печь. В соседнем окне продавались уже горяченькие, с маком. Моя надежда не составляла тайны для отца, и он шуровал по карманам, наскребая мелочь. Кошелек не имел. На работу таскал портфель без ручек.

Да не покажется странным, но именно на таких прогулках я слышал от папы то, что вряд ли услышал бы дома. Это вошло в традицию, и я иной раз копил вопросы для вечернего путешествия, а иногда отец сам касался неподвижных тем.

Однажды, преодолевая брезгливость, заговорил о нашуемейшей статье в «Правде» относительно крупного медика, его учителя. Посвященная профессору Плетневу статья называлась: «Профессор, насильник, садист». Папа произносил непривычные для него бранные слова, недоумевая: зачем, кому это надо?

В начале пятидесят третьего столичные газеты, доставленные в гарнизон среди дальневосточных сопок, где я тогда служил, оповестили о «врачах-убийцах». И мне вспомнился этот, а заодно и другой, далекий уже разговор с отцом. Я взволнованно пересказывал ему кинофильм «Профессор Мамлок» – о фашистских издевательствах над видным берлинским медиком. Что-то мальчишески гневное о черносотенцах и хамах, распоясавшихся в цивилизованной европейской стране. Папа молча слушал. И неожиданно взорвался. Да, фашисты, да, изверги. Но многим ли лучше у нас? Я открыл рот от изумления, услышав о садистах с Лубянки:

«... Загоняют женщинам во влагалище бутылки с кипятком!»

Он оборвал себя на полуслове, почувствовав, что нарушил пределы в общении с сыном. Наверяд ли слишком о том сокрушался.

Еще одна памятная беседа на пути к пекарне. Время от времени таинственно исчезал наш сосед по коммуналке Блинков. Иногда на два-три месяца, а то и дольше. Случалось и так: вечером перебросил через плечо полотенце, чистит зубы, а утром в очереди к кухонному крану его и след простыл. Я учился в одном классе с дочерью Блинкова. Но когда заикался об исчезновении отца, она молча пожимала плечами.

Ясность, конечно, не заставила с

ебя долго ждать. Но неполная. Соседи согласились: Вениамин Семенович периодически отбывает в командировку, и если кто-то посторонний спрашивал о нем, дружно отвечали: «В командировке... Да, опять в командировке. Надо же...». Мужчина компанейский, остряк. Не дурак выпить, но не пьяница, эдакий «душа общества», Блинков вызывал доброжелательность коммуналки и снисходительность моего отца. В те годы кого-либо удивить арестами было трудно. В последний раз Блинкова загребли в Баку во время действительной командировки по снабженческим надобностям и обвинили в попытке отторжения Азербайджана в пользу Турции. Истязали нещадно. Папа мне растолковал, что в анкете Вениамина Семеновича один пункт словно бы провоцировал аресты. Нет, не пятый (он еще не давал себя знать, еще не вызрел), но другой, предосудительный и лишь косвенно связанный с национальностью.

После февральской революции временное правительство сняло запрет евреям поступать в юнкерские военные училища, и шустрый Веня Блинков возмечтал об офицерской карьере. Эта мечта, подобно многим, порожденным Временным правительством, приказала долго жить. Но в анкете совслужащего В.С. Блинкова, обретшего себя на ниве нарпита, красовалось пятно – юнкерское училище. «Органы» периодически упирались в это пятно и ясности ради сажали Блинкова в Бутырки, что стояла метрах в пятистах от Курниковского двора в стороне, противоположной нашему с папой вечернему маршруту.

Нынешнее поветрие (оно возникло не на пустом месте) побуждает в подобных случаях развивать многострадальную еврейскую тему. Мой отец ее не касался, рассказывая о Блинкове. Из пяти семейств нашей общей квартиры два держались на смешанных браках. Украинско-еврейский прононс Берляндов, бежавших от голода с

берегов Днепра, не вызывал насмешек. (Беда преследовала Берляндов. Миша, сверстник моего младшего брата, погибнет на фронте, Сарра, моя сверстница, скончается после войны...)

Опрометчиво думать, будто интернационализм, насаждавшийся после 1917 года (насаждаемый круто, красноармейская памятка гласила: за антисемитизм – расстрел), не оказывал воздействия. Но воздействие это с самого начала было в лучшем случае ограниченным. Национальная неприязнь заменялась социальной, которая не только гнусна сама по себе, но и стимулирует низменные инстинкты. Не последний среди них – национальная вражда.

Декларировать дружбу народов лучше, чем национальную спесь. Но и ею не следовало обольщаться. Она – один из мифов советской эпохи. А мифы частенько подводят. Какая, к черту, дружба, коль в войну депортировали целые народы, на фронте бойцы из среднеазиатских республик не всегда понимали русские приказы, от национальных формирований фактически пришлось отказаться...

Вряд ли отец был свободен от каких-то расхожих иллюзий. Их, разумеется, подрывали годы нежной дружбы с фюрером, однако на свой лад, вопреки реальности, упрочняли военные испытания... Так ли, иначе ли, но он оставался человеком своего времени, принимая его, не отрекаясь от права на собственное отношение к нему.

Его аполитичность я относил к слабостям, не видя ее достоинств, позволяющих человеку оставаться самим собой, избегая стадности в суждениях, сохраняя индивидуальность. Помимо всего прочего он кое-что не договаривал, считая это «кое-что» преждевременным. Хуже того – рискованным. Вдруг да я где-нибудь ляпну.

Страх уже заползал в человеческие души. Папин старший брат Иван настолько ассимилировался, что пил по-черному. Но не за это, а за вполне трезвые суждения о действительности отбывал срок в местах обитания белых медведей. Не исключаю, что отец мог и сожалеть о «бутылках с кипятком», о других словах, брошенных скорее всего под впечатлением исповеди кого-то из пациентов. Под наркозом, вспоминал он, оперируемые иной раз выкрикивали лозунги во славу Сталина и Клима Ворошилова. Но и матерились многоэтажно. По опыту, позже приобретенному мной в медсанбате, госпитале и в реанимации я убедился: градус откровенности больного в горизонтальном положении существенно повышается, зарок о неразглашении теряют силу.

В постинфарктной палате института Склифосовского сосед шепотом доверил великий секрет. На мясокомбинате имени Микояна, где он работал каким-то начальником, в строго засекреченных цехах (даже его туда не пускали) изготавливается «правительственная» колбаса из мяса специально выращенного скота. А в остальных цехах – из несказанной дряни – «городская». Взял с меня слово, что никогда не притронусь к «городской». Я, клятвопреступник, слово нарушил.

Конечная мысль отца не отличалась сложностью. Медицине не дано смягчать нравы общества, воздействовать на отцов государства, обеспечивающих себя врачеванием и лекарствами, о каких не мечтают простые смертные. Но все же ей под силу иной раз ослабить результаты жестокости. После бакинской «командировки» папа положил Блинкова в стационар.

Ему не слишком импонировала моя пионерско-комсомольская юность. Но он надеялся на будущее самостоятельное прозрение. Чуждый проповедничеству, откликнулся

каждому, кто обращался к нему за помощью, советом. В огромном Курниковском доме с плебейским преимущественно населением таких хватало. «Владимир Емельянович, как унять соседку?..», «дядя Володя, чего делать с чирьями?..»

Единственная подружка далекого курниковского детства, с которой мы поныне сберегли связь, Валя (Валентина Николаевна) Семиразуб, когда сейчас встречаемся, не устает вспоминать «дядю Володю». Зорко, но как бы невзначай отец присматривался к моим приятелям. Ему по душе пришелся самый близкий из них, Слава. Плечист, спортивен, находчив, ироничен. Только беда – худо учится. А впереди – вуз. Слава рвался в популярный тогда станкоинструментальный институт (Станкин). Папа напомнил: Слава – безотцовщина, товарищи должны помочь, доказать свою дружбу. Как? Как угодно. Мы с одним из одноклассников умудрились сдать за Славу русский и немецкий. Абитуриент оставил себе математику и – провалился. Славина мама расстроилась пожалуй, меньше, чем мой отец. Поступившись принципами, тот «зачислил» Славку в медицинский. Но нелепый армейский призыв первокурсников осенью 1939 года перебросил Славу из студенческой аудитории в казарму на Западной границе. Вскоре на неделю вернулся в Москву – хоронить маму. Едва началась война, попал в плен. Выдав себя за украинца, сумел освободиться из лагеря под Киевом. Через леса, болота, реки добрал до Москвы. Угодил в комендатуру, потом – в госпиталь. Папа в каждом письме – его перевели в один из приволжских эвакогоспиталей – спрашивал о нем.

Еще в мирное время у нас состоялся разговор о Славе. Простосердечный Славка не мог объяснить свою армянскую фамилию, не ввязавшуюся со славянской внешностью и уверениями в полнейшем отсутствии армянской крови. Когда я попытался выяснить у папы, в чем тут дело, тот вопреки обыкновению вначале пропустил мой вопрос мимо ушей. Потом вдруг: «Никак». И все-таки предположил: это фамилия отчима, который то ли умер, то ли в нетях. У Славинной мамы могло хватать причин укрыть сына под этой фамилией. И привел в пример одного из моих близких приятелей. Выходец из аристократической семьи, он носил простонародную фамилию таинственного отчима. Эту же фамилию позже взяли и его сестры.

Анкетомания послереволюционных лет вынуждала людей что-то скрывать, утаивать, добиваясь права на более или менее рабоче-крестьянское происхождение. В 80-е годы, когда я сдружился с Владимиром Дудинцевым, уже автором романа «Не хлебом единым», а вскоре и романа «Белые одежды», то услышал, что фамилия его подлинного отца – Байков. Но Байкова, офицера белой армии, расстреляли еще до рождения сына, и мать благоразумно дала своему первенцу фамилию отчима.

Так что у пресловутого «пятого пункта» имеется еще и своеобразная предыстория.

В декабре сорок первого, вернувшись с диверсионного задания и услышав, что Слава лежит в одном из московских госпиталей, я взял в комендатуре их список и отправился по адресам. Нашел. Мы стояли, обнявшись, в курилке. Синий застиранный халат не доходил Славе до колен. Прощаясь, он записал адрес моих родителей. Летом сорок второго они получают «похоронку». Слава погиб под Уваровкой...

Я рассказал о нем и ради того, чтобы передать отцовское умение проникнуться чувством к человеку безотносительно степени родства, национальной солидарности, общности интересов. Отец словно ощущал беду, подкарауливавшую моего друга. Слава это чувствовал. И положил его адрес в медальон, именованный «смертным».

Папино подчеркнутое нежелание разбираться в Славиной родословной не означало безразличия к собственной национальности. Он владел немецким, читал по-французски (гимназия умела учить языкам), но не знал идиша. И, москвич в третьем поколении (его дед жил на Швивой горке, которую именовали «Вшивой»), с горечью в этом признавался.

Нежданно-негаданно, когда мы сидели вечером на кушетке с продавленными пружинами, он под настроение запел куплеты, от которых повеяло студенческим весельем давней эпохи.

«Дует на море циклон, да, циклон, да циклон. Налетает на Цейлон, на Цейлон! Да...» «Укрошал бег конский сам Александр Македонский. Назвал коня он Буцефал...» «... А гимназисткам ром не нужен. Они без рома хороши. Им поцелуй горячий нужен для услаждения души». Еще что-то забавно-бессмысленное, а то и фривольное. Завершая, исполнил арию из оффенбаховской «Прекрасной Елены»: «Я – муж Елены! Я – муж Елены! Я. Я, я...» Он был в ударе и не мог остановиться: «... И теоремы должны знать все мы, господа!». С теоремами, насколько мне ведомо, у него обстояло не лучшим образом. Зато слух не подводил. Любительское исполнение не отдавало фальшью.

Так в нем обнаружилось нечто, мной не подозреваемое, следы какой-то неведомой жизни. Да и мама – она присела к нам – похоже, смутно представляла себе подобный дар у собственного мужа. Я томился, ожидая повторения и не умея его приблизить. Такое могло случиться совершенно спонтанно. И, наконец, свершилось. В удачный вечер папа вдруг пропел еще какие-то забавные песенки и, видя благодарную публику (жена плюс сын), безотказно бисировал.

В тот час или в другой я заговорил с ним о его актерском призвании. И получил довольно неожиданный ответ. В нашей многолюдной семье эта вакансия была давно и успешно занята.

Признаться, у меня с детских лет ослаблены родственные чувства. Мне вполне хватало тех, кого знал, и я не любопытствовал касательно более далекого окружения, не вел поиски. Вот и в наши уже дни милейшая молодая женщина из соседнего дома, мать троих детей, доводится мне троюродной племянницей несмотря на фамилию «Кузнецова» и истовую православность...

Но о какой занятой вакансии упомянул некогда отец? Мне и в голову не приходило: популярная актриса в любимом вахтанговском театре, неподражаемая «принцесса Турандот» Цецилия Львовна Мансурова – папина двоюродная или троюродная сестра. Меня поразил и сам этот факт, и отцовское отношение к нему. Рассуждал он примерно так: ему вполне достаточно любоваться ею из зрительного зала; коли же он ей понадобится, за ним дело не станет. Вообще-то каждому желательно заниматься тем, что на роду написано, и не козырять знаменитой родней. Интеллигент в первом поколении, он не принадлежал к специалистам отсель досель. Чего я, возможно, безотчетно побаивался, обескураженный к тому же его аполитичностью. Он не отступал от единожды принятых нравственных заповедей, нерушимых «правил жизни»...

За сценической судьбой Мансуровой я, признаться, начал следить более пристально. Даже и после войны. Она, не подозревая о том, оправдывала мои отдаленно-родственные надежды. Вахтангов не ошибался в своих учениках. Ко дню, когда зашел разговор с отцом о «Принцессе Турандот», я уже кое-что читал о Евгении Багратионовиче, с мальчишеской уверенностью (от уверенности не отказываюсь поныне)

относя его к лучшим московским режиссерам. Где-то вычитал, что он жил в Сокольниках и, смертельно больной, на извозчике отправлялся в центр, где шли репетиции «Принцессы Турандот». К моему удивлению, папа обладал интересными сведениями. Вахтангов одновременно руководил театром «Габима», где ставил пьесы на древнееврейском языке. Одной из них – «Гадибук» – суждено было прогреметь на весь свет. В середине двадцатых годов «Габима» покинул Москву, с триумфом гастролировал по разным странам и позже нашел пристанище в Израиле... Отец надумал повести меня в еврейский театр на Малой Бронной. Составил репертуар: история и классика – мировая и еврейская. Но зрительское восприятие, увы, давало сбой из-за незнания языка. Сын, не понимая происходящее на сцене, досаждал отцу вопросами. Тот и сам далеко не всегда мог внести ясность. Долдон-долдоном, сын наблюдал за борьбой Иудеи с римскими поработителями, не всегда умея разобрать who is who. Однако боясь огорчить отца, сын в меру сил изображал заинтересованность. Покидая театр, отец поучительно заметил: все-таки надо знать язык Шолом-Алейхема. Сын согласился. И тогда последовал культпоход на «Тевье-молочника». Результаты чуть лучше, чем на «Бар-Кохбе» Особенно меня поразило общение Тевье с лошадью, которая понимала собеседника лучше, нежели я.

1924 г.

Спустя много-много лет мой друг Григорий Горин, работая над «Поминальной молитвой», выспрашивал меня о давнем спектакле. Вряд ли его удовлетворило мое открытие: Михоэлс – гений. Мое восхищение упрочилось после «Короля Лира», когда рядом с Михоэлсом я увидел гениального Зускина в роли Шута. Этот спектакль – не только сам по себе потрясение, но и ранняя память, формирующая человека. Об этом, похоже, мы говорили с отцом, взволнованные возвращаясь домой.

Более внятно и гораздо позже я беседовал с Александром Тышлером, познакомившись с ним в Малеевке, в доме творчества. Я не пытался что-либо декларировать или рассыпаться в комплиментах. Но Александру Григорьевичу, вероятно, пришлось по душе чья-то пожизненная память о его высоком искусстве. (А. Тышлер – не просто оформитель, но и фактический сопостановщик классического спектакля, прочно вошедшего в историю театрального искусства). После «Короля Лира» наши с отцом роли словно переменялись. Теперь я с самоуверенностью юного неопита опасался, что некто другой – в данном случае, мой папа – чего-либо недопонял, не оценил в полной мере.

Человек сугубо штатский (настолько штатский, что на лагерных сборах его избавляли от строевой подготовки), с походкой, о которой во дворе говорили: «Владимир Емельянович шагает с прихлопом» (описать ее невозможно, однако насчет «прихлопа» точно), в круг своих интересов включил будущую войну. Однажды он наведлся в нашу школу-десятилетку. Таких однотипных новостроек за год-другой в Москве появилось немало. Прошелся по коридорам, заглянул в классы и удовлетворенно произнес что-то вроде: «Все сделано довольно грамотно». «Причем здесь грамотность?» – удивился я. Притом, что «если завтра война», в таких зданиях развернут госпитали. Предусмотрены палаты, операционные, перевязочные. Вторая лестница – на случай экстренной эвакуации.

Ничего подобного нам, осоавиахимовцам, значкистам ГТО, ПВТО, в голову не приходило. Ему же приходило не только это. Из его отрывочных рассуждений следовало: многочисленность населения страны не только преимущество, но и источник уязвимости. Единица теряется в толпе. В уличной, в заводской, вокзальной. Теряется в «массах».

Что из этого следует? Несказанно многое. Отец загибал пальцы, неправдоподобно белые из-за каждодневного длительного мытья. Руководители всех рангов мыслят в категориях, пренебрегающих единицами. Будь то производство, снабжение, строительство жилья, прокладывание метрополитена и т.д. Медицина ориентирована на «массовый охват». Но ее объект индивидуален. Насколько предусмотрены его нужды?

Армия к концу 30-х годов насчитывала около двух миллионов человек. Запросто сняли ее длительную верхушку. Война с Финляндией выявила всестороннюю неподготовленность войск. Даже о теплом обмундировании не позаботились. Сплошь и рядом обмороженным не оказывалась нужная помощь. Численный перевес над любым вероятным противником избавляет от тревоги о цене победы.

Были еще какие-то пункты. Но я их не помню и боюсь фантазировать. Отец принимал решения, обязательные лишь для него самого. Он всерьез осваивал полевую хирургию, советовался с Петром Александровичем Герценом. Разрабатывал – я видел рисунки, потом образцы – маски, позволяющей раненым в голову давать хлорэтиловый оглушающий наркоз. (Если для специалистов это сегодня звучит архаично, прошу прощения. У меня в памяти, тогда еще мусорной, сохранились такие названия.) Он размышлял, как облегчить страдания раненого. Облегчить, когда плохо обстоит с обезболиванием (в медсанбате мне дважды или трижды будут пытаться извлечь осколок, вместо наркоза накачивая адской смесью спирта с чем-то еще). Вообще, сужу по отрывочным отцовским фразам, обезболивающие средства не слишком беспокоили многих эскулапов. Анестезиологи просто отсутствовали. По крайней мере, в медсанбате и полевом госпитале. Еще отца занимал вопрос, как наладить медпомощь в экстремальных обстоятельствах. (Смысл этого до меня дойдет, когда я сам попаду в подобные обстоятельства.)

Оглядываясь назад, утверждаюсь в выводе: Великая Отечественная война выиграна благодаря медикам. Они возвращали в строй гораздо больше раненых, чем в других армиях. Не полководцам бы памятники воздвигать – талантливых, дальновидных среди них раз-два и обчелся, – а врачам. Хирург, оперировавший меня августовской ночью сорок третьего, вскоре сошел с ума...

Еще года за два или три до войны в выходной день к нам пожаловал человек могучего телосложения, в шинели. С букетом, тортом, шампанским. Известный летчик-рекордсмен Алексеев потерпел аварию. Во врачебную бригаду спасателей включили отца. Теперь вставший на ноги пилот наносил визит одному из своих хирургов. У отца с Алексеевым установились добрые отношения. Хотя отец, насколько было мне дано судить, не терпел постоянной трескотни про рекорды. Конечно, авиационные рекорды более правомерны, нежели шахтерские. Но зачем шуметь, когда речь идет о делах, причастных к военным действиям?

В последний мой вечер, проведенный дома, 16 июля 1941 года, отец учил меня наматывать портянки, перевязывать руки и головы. Наутро мы пошли на трамвайную остановку – угол Суцевки и Палихи. И я отправился на войну.

Вернувшись, отца не застал. Он умер пятидесяти двух лет за полтора месяца до победы. Не берусь доказать, но уверен: последовавшие одно за другим в 1943 году мои тяжелые ранения, а вскоре ранение брата, приблизили его кончину.

Поврежденный локтевой сустав моей правой руки исключал письма домой. Конечно, я диктовал нечто бодрое. Но многого ли стоил этот оптимизм? Тем более, что рана начала гноиться и вскоре мне стало не до диктовок. В конце концов молодой организм все же победил. Не сам, конечно. Врач без году неделя, старший лейтенант медицинской службы Екатерина Николаевна Комышлова не дала оттяпать мне руку при начавшейся гангрене. Наступила ночь, когда, никому ничего не сказав, я пешком отправился обратно в часть. Благо нога заживала лучше руки.

Когда родители уже получили собственноручно написанное письмо от старшего сына, умолк младший. Воевал он недолго, с развороченной грудью сутки пролежал перед вражескими окопами. Пока однополчане-разведчики не вытащили на плащ-палатке. Дела у него обстояли хуже некуда. Из полевого госпиталя едва живым отправили в Москву. Отец его отыскал и перевел к себе, на Волоколамское шоссе. Операции с гадательным исходом следовали одна за другой. Чего это стоило отцу, остается лишь догадываться. Однако брат поднялся на ноги. Даже поступил учиться...

Отец оставался в операционной. Когда случался свободный день, брал неизменный портфель без ручки и отправлялся на станцию Строитель. На неказистой дачке сестры работал, писал. Свалился у себя же в клинике на Волоколамке. Умирал долго, мучительно. Он верил в победу, предвидя ее цену. Не отказываясь от мысли о конечной оправданности несказанных жертв.

А с каким чувством уходил из жизни его отец, подобно сыну считавший эту страну, беременную кровавой смутой, своей? На что надеялся? Чего хотел для сына, уже носившего погоны с медицинской эмблемой? Для будущих внуков?

Триумф очкарика

Áóäë Áëëáí.

Çàí èñèè ã ðíáñéíã í ááðí òèèà

Í áð ñ àí äë - ÑÍ á: Symposium

2002 — 339 ñ

Àëáéñéé Çáððáá

На Каннском кинофестивале этого года Вуди Аллен, показавший свою новую картину «Голливудский финал», получил «Пальмовую ветвь пальмовых ветвей», приз, присужденный до этого события всего один раз. Более престижной награды в кино не существует. Она равнозначна признанию великим классиком уже при жизни. До Аллена такого признания удостоился только Ингмар Бергман – шведский режиссер, чье имя давно вписано золотыми буквами в историю искусства.

Аллен остался верен себе и в этих исключительных обстоятельствах. Правда, вопреки заведенному им обычаю в Канны он на этот раз прилетел, покрасовался в обществе звезд, окруженный толпами репортеров. Как правило, он, домосед и нелюдим, никуда не уезжает из родного города. Даже картины предпочитает снимать исключительно в Нью-Йорке, чтобы надолго не расставаться со своей фешенебельной квартирой на Пятой авеню.

Но неслыханный успех он прокомментировал, сохраняя присущую ему иронию. «Французы, – сказал он одному журналисту, – дважды ошиблись на мой счет. Они думают, что я интеллигент, потому что ношу очки, и принимают меня за художника, полагая, что мои фильмы не приносят больших денег. И то и другое неправда».

Что касается денег – действительно, неправда. Независимо от своих достоинств фильмы Аллена всегда делают громадные сборы. Сказывается магия имени и обаяние личности. Главные роли играет он сам, и стоит появиться на экране этому, как он о себе пишет, «маленькому очкастому еврею» с чуть уловимой улыбкой и острым взглядом из-под линз, чтобы публику охватило предчувствие чего-то абсурдного, смешного, трогательного, незащищенного. Словом, предчувствие, что перед нею пройдет сама жизнь, увиденная писателем и режиссером, которому менее всего свойственны иллюзии насчет реального положения вещей в нашем совсем не солнечном мире. Или насчет реальных мотивов, которые заставляют людей совершать поступки, превращающие в злую шутку известный афоризм, что имя человека звучит гордо.

А вот о том, что Аллен совсем не интеллигент, возможны разные мнения. Конечно, до того как всерьез взяться за литературу и стать Вуди Алленом, кларнетист Аллен Кенигсберг, игравший в ночных клубах, не чувствовал своей причастности к миру больших идей и вечных моральных проблем. Просто время от времени он баловался забавными скетчами, в которых подтрунивал над окружающими, когда те вели себя нелепо и глупо.

Но лет пятьдесят назад, еще не думая о кино, этот обитатель еврейского квартала в Бруклине начал относиться к шалостям собственного пера как к профессии, и тогда многое переменилось. Никуда не ушла способность смешить, сохранять маску простачка, который не может взять в толк самых элементарных вещей. А смех стал другим: чаще всего с оттенком печали, случается, и с привкусом надрыва. Эту перемену хорошо увидит каждый читатель его «Записок городского невротика», первой полной книги Вуди Аллена на русском языке. Ее выпустило петербургское издательство «Simposium», как будто подгадав к каннскому торжеству.

Книга составлена из рассказов и пьес, написанных давно, еще три десятка лет назад. Тем не менее она не выглядит устаревшей. В ней собрано все лучшее: миниатюры, которые теперь входят в любую антологию литературных пародий, новеллы, по праву считающиеся жемчужинами юмора, пьесы, обошедшие сцены всего мира. К тому же Аллен с тех пор не сочиняет почти ничего, кроме сценариев собственных фильмов. Своей итоговой книге он дал подзаголовок, который для него звучит вполне серьезно: это избранные тексты автора, «вовремя бросившего писать».

Почему вовремя – несложно догадаться. Дело не просто в том, что кино – это намного больше славы и денег. Скорее Аллен точно почувствовал момент, когда его сюжеты, сама его манера рассказывать стали превращаться в штамп. Он сделал в литературе все, что ему позволили особенности его таланта.

Говоря, что художником его можно счесть только по ошибке, Аллен, конечно, лукавит. Он настоящий мастер, но это мастерство особого рода. Оно наиболее ярко проявляется в пародии, не щадящей великих, в насмешке над напыщенной серьезностью, в передразнивании условностей, без которых немислимо искусство, подчеркивающее свою изысканность и насущность. Вот хотя бы предложенные им сюжеты для балетных миниатюр – за ними легко узнаются и «Щелкунчик», и «Лебединое озеро», и «Весна священная», балет Стравинского, ставший классикой XX века. Но представим – все это происходит не на театральной сцене, а в обычной жизни, и некая романтически настроенная девица на самом деле влюбилась в куклу, а кукла ответила ей взаимностью. Понятно, что произойдет: сначала они снимут комнату в отеле, назвавшись супругами Доу, а потом действительно станут супругами, только кукловоду из-за этого придется ночевать на раскладушке в прихожей. Полторы странички, но, пожалуй, такой убийственной критики балета не было за всю его историю.

Подобным приемом – он, кстати, идет от Толстого, от описания оперного представления в «Войне и мире», где автор тоже делает вид, будто понятия не имеет о сценической условности, – Аллен расправлялся со многими и со многим. Толстому (как и Достоевскому) от него крепко досталось в фильме «Любовь и смерть», где неистовые духовные терзания героев производили комическое впечатление, потому что были явно неуместны на фоне бытовых дрызг и склок. Ибсена он едва не уничтожил, сочинив рассказ «Размышляя о женщинах Левберга». А героиню Флобера мадам Бовари заставил перенестись на сто лет вперед и, очутившись в Нью-Йорке, требовать от своего любовника слаксы из роскошного универмага и билеты на кинопремьеру с Джеком Николсоном. Причем вся эта история немедленно отражалась в тексте Флобера, и студенты, которые проходят роман по программе, недоумевали, откуда там взялся лысый еврей, который ищет пошлые отговорки, чтобы успокоить встревоженную жену.

Отдавая дань изобретательности Аллена, часто говорили, что все это он придумывает с единственной целью поразвлечь читателя, утомившегося над шедеврами. Но дело обстоит не так просто. Как каждый прирожденный юморист, Аллен создал свою

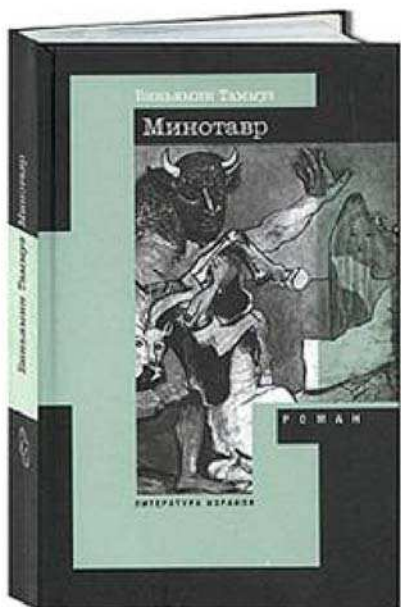
маску, воспринимая все на свете так, как может и даже должен все на свете воспринимать «маленький человек» с глубокими еврейскими корнями – ужасно недоверчивый, всюду ищущий подвоха, признающий только критерии практической жизни, то недалекий и обезоруживающе черствый, то необыкновенно сметливый и проницательный. Этот персонаж задумывается, например, о смысле жизни и возможности существования за гробом, его вроде бы всерьез занимает, уж не иллюзия ли происходящее на земле, – а вдруг «мы находимся в вакууме»? Но если вакуум, да и потом ничего не будет, «зачем тогда было покупать ковер за такие деньги»? На чьих-то похоронах он впервые за пятнадцать лет сталкивается со своим братом, который всегда был и остроумнее, и способнее, и культурнее. Одно непонятно: «почему он до сих пор работает в Макдональдсе»? Его приводят к психоаналитику, и он доверчиво выслушивает рассказ про исцеление насильника, который после десятка сеансов перестал издеваться над дамами, а просто у них на глазах вытаскивал из кармана крупного палтуса, причем им это даже нравилось – обогащает духовно. Но героя Аллена на такой мякине не проведешь: светило психоанализа Гельмгольц, который учился у самого Фрейда, в его записях предстает просто шарлатаном, если не идиотом.

Только по наивности можно считать, что устами персонажа, в общем-то почти не меняющегося из рассказа в рассказ, Аллен выражает собственные представления и оценки. Аллен создал определенный человеческий тип, а не воспользовался им, чтобы говорить доверительно и впрямую. Это тип не бедствующего, но и не то чтобы слишком процветающего ньюйоркца из еврейской среды, несущего на себе ее неизгладимый отпечаток: скепсис во всем, недалекий, но совершенно трезвый ум, подавляемый и все равно о себе напоминающий комплекс неукорененности, потому что в американских условиях он до какой-то степени маргинал, а с еврейскими верованиями и культурой связан лишь очень немногими и непрочными нитями. Оттого, читая хасидские притчи, он тут же обогащает их реалиями из собственного опыта: некий рабби объявил голодовку по принципиальным соображениям, но ученики, опасаясь за его жизнь, отчего-то повели в сукку, где хранилась провизия, не рабби, а женщину, пристававшую к нему с дурацкими вопросами, и женщина принялась есть как ополоумевшая, «пока ей не принесли счет». Правовой толкователь Торы, мудрейший ученый Возрождения, шел в синагогу, и его спросили, почему евреям не дозволяется есть свинину, а святой человек вдруг впал в ярость: «Не дозволяется?»

Ну ничего себе!» И герой Аллена поясняет: толкователь был прав, он ведь знал, что «Тора просто не рекомендует заказывать свинину в определенных ресторанах».

Такие издевки и насмешки не всегда сходили Аллену с рук. При желании его, конечно, легко изобличить в цинизме. Но это означало бы только непонимание законов, по которым создается юмористическая литература. Для нее самое главное – вовсе не дар бичевателя и полемиста, а дар тонкого наблюдателя человеческих слабостей, пристрастий, страхов, хотя бы и безосновательных, радостей, пусть они кажутся убогими, и мнений, которые многим видятся вздорными. В ней все решает способность уловить и выразить черты определенной социальной психологии, которая заставляет именно так, а не по-другому смотреть на мир и выбирать ценности, которыми будет определен весь ход жизни. И вот этим даром Аллен наделен с редкой щедростью. Оттого и триумфы.

Последний, в Каннах, вероятно, тоже будет встречен не только восторгом бесчисленных почитателей. Впрочем, Аллену это вряд ли испортит победу. Цену себе, высокую цену, он знает лучше всех. И не ошибается.

Змея вместо посоха.

Да святится имя твое!

Аֵלֵינוּ יְיָ וְאֵלֵי יְיָ יְיָ וְאֵלֵינוּ יְיָ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ

עֲבָדֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ, 2001. – 286 ע

אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ

Никто не знает лабиринтов собственной души. И потому потерять спасительную нить может любой, доверившийся страстному чувству человек, будь он даже самым решительным и отважным. Такова, как мне кажется, идея романа, изобилующего отсылками к античной и русской литературе, видного израильского прозаика Биньямина Таммуза «Минотавр», до последнего времени не утратившего в том числе и свою политическую актуальность. Пусть сегодня кому-то из проживающих в поселках израильских евреев – дай-то Б-г! – не грозит осада. Тем не менее, каждый следующий день дает нам возможность убедиться, насколько далеко зашел давний конфликт, вызванный борьбой за одну и ту же землю и усугубленный различием ментальностей и культур. И все же в романе встречаются – и не раз – размышления по поводу общих черт средиземноморской цивилизации, что во многом напоминают оскомину от рассуждений проповедников утопической теории «особого пути нового Ближнего Востока».

В своем романе Б. Таммуз по сути пересматривает идеологию возникшей на рубеже 1940-х годов группы интеллектуалов, поэтов и писателей, считавших, что на Ближнем Востоке формируется новая нация, состоящая из евреев, мусульман и христиан, живущих на протянувшейся от Средиземного моря до бассейна реки Евфрат страны, претенциозно названной Эрец-Эвер. Так же, как и в самом дерзком своем романе «Яков», несмотря на внутреннюю симпатию к арабам, автор все же готов в них увидеть скорее непредсказуемых противников, диких и опасных детей пустыни, чем каких бы то ни было братьев. «Прыгнув вперед, он ударил его головой в живот и упал на него. Араб ухватил Александра за волосы, стараясь оторвать от себя... и они покатались по склону, нанося друг другу беспорядочные удары. В какой-то момент араб ослабил хватку и сунул руку за пояс, где блеснул нож. В ту же секунду изо всех сил Александр ударил его между ног и тут же нанес второй удар – в горло...».

В романе Биньямина Таммуза (не только замечательного писателя – еще и скульптора, и искусствоведа) нельзя не обратить внимания на рельефную деталь – пластичное описание старинной гравюры, присланной из Парижа, которую каждую ночь перед сном рассматривает маленький герой, и она оживает перед его глазами. «Минотавр стоял на коленях... покорно склонив свою невообразимую голову, словно бык перед последним ударом тореадора. Какая-то женщина с трибуны протягивала к нему руку, будто хотела прикоснуться к нему за секунду до смерти. Между протянутой женской

рукой и огромной склоненной головой Минотавра почти не было расстояния, и Александр знал и верил, что, если пальцы этой женщины дотянутся и коснутся головы человека с бычьей головой, тот будет спасен и не умрет».

Другая же деталь, выписываемая вроде бы рельефной, будучи трижды повторенной (в интерпретации трех мужчин), – а речь идет об истории любовных отношений Теи (сначала студентки, а затем преподавательницы одного из британских университетов) – ничуть не добавляет интереса сюжету, напротив: циклически построенные новеллы в конце концов затрудняют восприятие обстоятельного и далеко не безынтересного рассказа о судьбе богатого репатрианта из России, тайного израильского агента в Европе Александра Абрамова. И здесь невольно думается, что, возможно, сама идея этого романа (большая часть действия которого протекает в Европе) все же лучше ее воплощения. Хотя...

Крайне бережно относясь к своим героям, Таммуз и очень к ним щедр: он наделяет их завидным благосостоянием, отдает в их распоряжение машины лучших европейских марок, предоставляет им возможность слушать замечательную музыку или даже выступать в роли ее исполнителей... Тем не менее как-то вдруг они незаметно подходят к жизненному фиаско: исполнить свое предназначение (так, как они его понимают) герои Таммуза оказываются не в состоянии. Слишком упорно стремятся они воплотить свои абстрактные представления в неподдающуюся долгосрочному прогнозу реальную жизнь. Нет, она не «прогибается» под них! И вот, вместо благополучия и безмятежного счастья едва переступивший порог зрелости герой обретает безвременный конец, а жизнь, построенную на незыблемых разумных основаниях, разрушает безумие...

Роман Таммуза написан в эпистолярном жанре, столь характерном для литературы XVIII столетия. Вполне понятно, что тогда, скованные в обыденности религиозными и строгими морально-этическими нормами люди давали выход своему чувству в располагающей к откровенной беседе форме писем. Но готовому до последнего мгновения бороться за свое личное счастье человеку XX столетия оставаться до конца в рамках этого жанра оказывается не под силу. Поначалу любовь к идеально-прекрасной и в то же время довольно страстной Тее, которую, как кажется Александру Абрамову, он ждал всю жизнь, придает герою второе дыхание. И все же, день за днем посылая ей откровенно интимные письма, музыкальные пластинки и корзины цветов, он остается осторожен, скрытен и неуловим... «Когда настанет мой последний час, я буду далеко от тебя, – убеждает он в одном из писем любимую, – но в самый решающий миг я буду к тебе так близок, как никогда раньше».

Как же реагирует Тея на эту странную любовь? Ставшая предметом поклонения, она оказывается в плену этого совершенно незнакомого ей корреспондента. Даже готовый отдать за нее жизнь ученый-лавантиец Никос понимает, что «никто и никогда не займет в ее сердце того места, которое было оккупировано там привидением... Ибо человек, пока он жив, всегда сохраняет за собой шанс победить другого человека. Но кто может победить фантом, образ, сотканный из слов и времени...».

Однако Александр не призрак, не фантом – это реальный человек, в своем стремлении к любимой готовый сжечь за собой все мосты... Но когда спустя много лет после знакомства с Теей он, оставив любимую страну, горячо преданную ему жену и больного ребенка, наконец порывает со своим прошлым, является тот, кто готов совершить над ним вечный суд.

Увы, отсюда следует весьма малоутешительный вывод. Конечно, только стремление к идеальному преобразует наш внутренний мир, без него невозможно терпеливо и мужественно переносить жизненные невзгоды. Но стоит ради вождельного мира грез, ради недостигаемого совершенства махнуть рукой на реальные обстоятельства своей жизни, закрыть глаза на первейшие обязанности и долги, как вместо спасительного посоха или волшебного ковра-самолета, парящего в приятно прохладных воздушных потоках, то ли в змея руке и под ногами то ли твердь, то ли пропасть и прах...

ГАЛИФЕ

Аади ади І аеаи аа

После ужина, – жареные почки и мозги, – от мяса его воротило, – Герм быстро убрал со стола и сложил грязные тарелки вместе с жирными сковородками в металлическую раковину. Он собирался побыстрее смыться, но, обдумывая, как это сделать, замешкался, и отец взялся за свое.

– Герм, – сказал мясник усталым, но раздраженным тоном, поглаживая кошку, раскормленную говяжьей печенкой так, что того и гляди лопнет, – снял бы ты свои пижонские брючки да помог мне. Слыханное ли дело, парню шестнадцать лет, а он целыми днями расхаживает в галифе вместо того, чтоб думать, чем в жизни заниматься.

Он сидел с котом на коленях в кресле-качалке на тускло освещенной кухне позади мясной лавки, где они и ели с тех пор, как жена мясника умерла. На нем были его вечная белая куртка с измазанными кровью рукавами, обтягивающий обширный живот фартук, тоже заляпанный кровью, и идиотская соломенная шляпа блином, которую он носил и в дождь, и в холод, и в зимнюю стужу. У него были седые усы и тонкие губы, а глаза, когда-то льдисто-голубые, потемнели от усталости.

– Пап, только не в лавке, – сказал Герм.

– А что так? – спросил мясник, приподнявшись в кресле и с наигранным удивлением озираясь кругом.

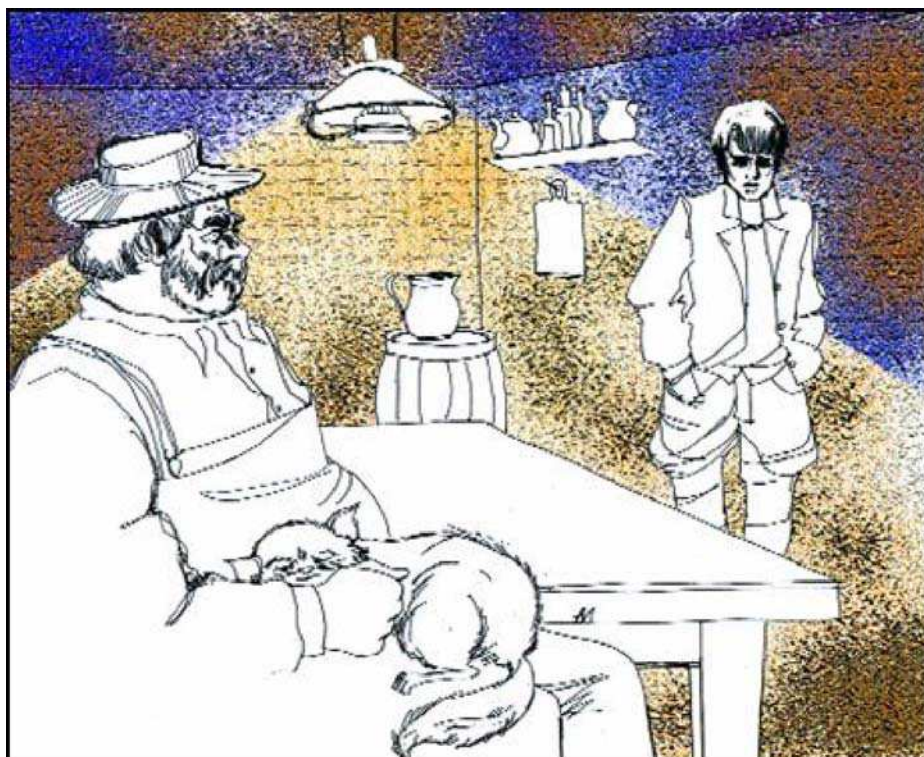
Герм отвернулся.

– Кровь там, – сказал он, глядя в сторону.
– И птичьи перья.

Мясник снова откинулся на спинку кресла.

- Некоторых тварей Г-сподь создал

специально для того, чтобы человек удовлетворял свою потребность в пище. В говядине и курятине полно белка и витаминов. Кому-то же надо забивать живность и снимать мясо с костей. В таком занятии ничего постыдного нет. Я этим всю свою жизнь занимался и никогда ни у кого ни цента не украл.

Герм подумал, уж не решил ли отец его поддеть, но понял, что все-таки нет. Он ничего не крал с тринадцати лет, а мясник не был злопамятным.

– Может, в мясе ничего плохого нет, но я-то почему должен его любить?

– А что ты любишь, Герм?

Герм подумал про свои галифе и кожаные ботинки, на которые копил. Он, однако, понимал, о чем отец ведет речь, – о том, что он ни на какой работе не задерживается. Бросив школу, он разносил газеты, но платили там сущие гроши, и он стал стричь газоны и чистить подвалы, но и эта работа больших денег не приносила, поэтому он и ее бросил, сначала, впрочем, накопив денег на галифе.

Он не мог придумать, что бы ответить, и хотел просто уйти, но отец его окликнул.

– С тех пор как твоя мать умерла, я так сильно устаю, Герм. Времени нет передохнуть, а отдых требуется. Денег нанять помощника у меня нет – дела-то идут не так уж хорошо. Честно говоря, просто плохо. Я каждый день теряю покупателей, потому что не могу обслуживать их как положено. Я знаю, ты предпочитаешь разносить заказы, но мне твоя помощь нужна и в другом. В средней школе тебе не понравилось, ты попросил, чтобы тебя оттуда забрали. Я на это пошел, только ты последние два месяца толком ничем не занимался, вот я и решил, лучше ты уж здесь мне помогай. Что ты на это скажешь?

– А что я должен сказать?

– Да или нет, черт подери!

– Тогда – нет, черт подери! – ответил Герм. Лицо его пылало. – Я ненавижу мясные лавки. Я ненавижу кишки и куриные перья, а еще я хочу жить своей жизнью, а не твоей.

Мясник долго кричал ему вслед, но он убежал.

Той ночью, когда Герм спал, мясник забрал его галифе и запер в шкаф в своей комнате, но Герм сразу понял, где они, и на следующий день пошел в скобяную лавку неподалеку, купил за десять центов отмычку и выкрал галифе у отца из шкафа.

Когда Герм только научился ездить верхом, он часто этим занимался, хотя удовольствие получал далеко не всегда. Поначалу он только и думал, что о самой лошади, о ее могучем крупе, верхом на котором он сидит, о ее упругих мышцах, и опасался, что свались он с нее, громадные копыта разmozжат ему голову. Но хуже всего было то, что порой, сидя на лошади верхом, он начинал представлять себе ее изнутри – крестец, ребра, огузок – как на плакате с коровьей тушей, висевшем в лавке на стене. Он думал об этом и в тот вечер, когда сел на Девочку, чалую кобылу, про которую Герму сказали, что с ней ему пока не сладить, а она вырвала поводья, развернулась и помчалась, куда хотела; он попытался ее обуздать, но кобыла едва не сбросила его с седла и когда прискакала в конюшню, он лежал поперек седла, как мешок с овсом, а все кругом хохотали. Тогда он решил, что верховой ездой больше заниматься не будет, и бросил ходить в манеж, но однажды весенним вечером вернулся и снова выбрал Девочку, а она, хоть и резвилась, но слушалась каждого его движения, скакала туда, куда он хотел, и выполняла все его приказы; наутро он снял со счета последние двадцать пять долларов и купил галифе;

ночью ему приснилось, как он скачет на лошади, не чувствуя ее под собой, и он в своих галифе несется прямо по воздуху.

Герм проснулся, услышав, как внизу, в лавке, стучит по деревянной колоде мясницкий нож. Была глубокая ночь, и он, перепугавшись, вскочил и бросился искать свои галифе. В нижнем ящике комода, где он спрятал их под стопкой белья матери, галифе не было, поэтому он кинулся к отцовскому шкафу и увидел, что он открыт, а самого мясника в постели нет. Герм в пижаме помчался вниз, но вход в лавку был заперт, он стоял под дверью и рыдал, а отец резал скатанные в трубочку галифе, словно копченую колбасу, лоскуты валялись из-под ножа на пол, и кот удивленно их обнюхивал.

Он проснулся, когда на его кровать упал свет луны, встал и босиком, на цыпочках пробрался в комнату отца, которая теперь, без матери, выглядела совсем иначе. Отцовские брюки он нашел сразу – они висели на спинке стула, но в карманах не было ни ключей от магазина, ни бумажника, и поняв это, Герм густо покраснел. Звякнули монеты, отец заворочался, кровать под ним закрипела. Герм замер, а когда отец наконец затих, повесил брюки на место и на цыпочках вернулся к себе. Он тихо отворил окно и решил по телефонным проводам съехать вниз, во двор и зайти снаружи. В лавке он найдет нож, поймает кошку и расчленит, пусть отец ее утром обнаружит, а сына здесь уже не будет.

Он подергал водосточную трубу, но она оказалась слишком хлипкой, однако провода его вес выдержали, и он осторожно спустился на землю. Взобравшись на подоконник, он попытался открыть окно. Мясник запер его на задвижку, но о том, что Герм развинтил шурупы, не догадался; окно поддалось, и он забрался внутрь. Когда он спрыгнул на пол, ему показалось, что какой-то зверек юркнул в сторону. Побоявшись зажечь свет – полицейские в это время обычно как раз обходили их квартал, – он тихо сказал в темноту: «Кис-кис-кис, котик, иди сюда!» и пошарил рукой по кипе мешков, где обычно спал кот, но там его не оказалось.

Он наощупь пробрался в лавку, взглянул на подоконники, но там не было ничего кроме лужиц свежей крови, натекшей с куриных тушек, которые подвешивали здесь на крючках. Он поискал кота на стопке бумажных пакетов под прилавком, но его не было и там, поэтому он снова позвал: «Котик, сюда! Кис-кис-кис!», однако найти его не смог. Тут он заметил, что дверь в ледник приоткрыта и очень удивился: всякий раз, когда ее открывали дольше, чем на минуту, мясник поднимал дикий крик. Он заглянул туда, подумав про себя, что этот чертов кот наверняка уже сидит и жадно пожирает подтухшую куриную печенку из миски, которую мясник так кстати держит на нижней полке.

– Киса! – шепнул он, зайдя внутрь, и дверь неожиданно захлопнулась. Ну и что, подумал он, можно и изнутри ее открыть, но вдруг вспомнил, как мясник говорил про то, что ручка плохо открывается и слесарь заберет ее до завтра. Тогда он подумал: Г-споди, мне отсюда не выбраться, я замерзну до смерти, и его заколотило от ужаса. Он пробрался к двери и стал судорожно дергать замок помертвевшими пальцами, жалея о том, что не зажег свет, – ведь выключатель остался снаружи; он нащупал дыру на месте ручки, пытался засунуть туда расческу и ключ, чтобы повернуть замок, но ничего не получалось. Была бы отвертка, подумал он, может, тогда вышло бы или можно было бы свинтить металлическую пластину и разобрать замок, на мгновение мелькнула надежда – вдруг он взял с собой нож, но – увы.

Пригнув голову, чтобы не удариться о свисавшие с потолка крюки, он пошарил рукой сначала по боковым полкам, потом дотянулся до верхней – проверял, не оставил ли здесь мясник какого-нибудь инструмента. Он сунул руку поглубже и замер: лишь минуту

спустя понял, что дальше рука не лезет: пальцы застряли в какой-то осклизлой костистой пещере; его передернуло – ощущение было такое, будто он попал пальцем в розетку, но это оказалось отверстие в свиной голове – там, где раньше был глаз. Он шагнул назад и наступил на что-то, подумал, что это кот, но наощупь понял, что это мешок, набитый требухой. Он отшвырнул его в сторону, потерял равновесие и уткнулся лицом в липкую от крови баранью тушу. Кусая от досады руки, он уселся на посыпанный опилками пол.

Но страх оказался сильнее отвращения. Он пробовал придумать, что делать дальше, но в голову ничего не шло, и он только прикидывал, сколько сейчас времени и доживет ли он до утра, когда отец спустится вниз открывать лавку. Он слышал про людей, которым удалось выжить, – они согревали себя руками и ходили взад-вперед, пока не подоспела помощь, он попробовал, но устал от этого еще больше, его стало клонить в сон, и он, зная, что делать этого не следует, все-таки снова сел. Он бы расплакался, но слезы вмерзли в глаза, и он подумал, отстраненно, как будто не о себе, а нет ли способа умереть побыстрее. Ледник уже наполнился белым туманом, и издалека, из дымки двинулась ему навстречу черная крылатая лошадь. Вот оно, подумал он, и встал, чтобы ее оседлать, но нога соскользнула со стремени, он упал, врезавшись головой в дверь, и она распахнулась.

Утром он проснулся, голова раскалывалась, он бы не вставал, но ужасно хотелось есть, поэтому он оделся и спустился вниз. В кармане у него лежало шесть долларов – все его состояние; он собирался позавтракать, а потом выйти будто бы за газетой и уйти навсегда.

Мясник сидел в качалке и сонно гладил кота. Ни он, ни Герм не сказали ни слова. На столе на тарелке лежало несколько ломтиков копченой грудинки, в картонной коробке – пара яиц, но он даже смотреть на них не мог. Он налил себе чашку кофе, съел булочку без масла.

В лавку зашла покупательница, мясник со вздохом поднялся и пошел ее обслуживать. Кот спрыгнул с его колен и пошел следом. Они смотрелись как два брата. Герм отвернулся. Он видит их обоих в последний раз.

Он слышал, как женщина громким голосом просит говяжьего филея и кусок свежей телячьей печени, посочнее и посвежее, для собак, и понял, что это миссис Гиббс, жена доктора, с которой все лавочники носятся как с японской императрицей и только что задницу ей не лижут, а его отец усердствует больше других и хочет, чтобы и сын вел себя так же. Потом он услышал, как мясник пошел в ледник, и вздрогнул. Мясник вышел, отрезал что-то ножом, и Герм снова вздрогнул. Дама что-то громко вещала, мясник со всем соглашался, но наконец ее обслужили. Дверь за ней закрылась, и в лавке снова стало тихо. Мясник вернулся, сел в кресло, обмахиваясь соломенной шляпой, лицо у него покраснелось, на лысине блестели капли пота. Каждый раз после ее посещения он полчаса приходил в себя.

Когда через несколько минут дверь в лавку снова открылась, вид у мясника был такой, словно сил подняться у него уже не будет, но, услышав зычный зов миссис Гиббс, он тут же вскочил на ноги.

– Иду! – крикнул он сдавленным голосом и поспешил в лавку. Герм услышал ее вопли, такие громкие, что слов было не разобрать. Он встал и подошел к двери.

Да, это была она, громадина в необъятной шляпе с мясистым лицом и жирным крупом, в норковой шубе.

– Кретин! Остолоп! – орала она на мясника. – Да ты даже мясо толком завернуть не умеешь. Из-за тебя у меня весь мех теперь в крови. Шуба погибла!

Бедный мясник предпринял попытку извиниться, но раскаты ее голоса заглушали его слова. Он пытался извиниться жестами – всплескивал руками, закатывал глаза, махал соломенной шляпой, но ее было не унять. Он шагнул к ней с чистой тряпочкой – хотел вытереть мех, но она грозным окриком его осадила. Дверь с грохотом захлопнулась. На прилавке стояла ее промокшая сумка. Герм понял, что отец опять хотел сэкономить бумагу.

Он вернулся к столу. Прошло с полчаса, и в комнату зашел мясник. Он был смертельно бледен и в своей соломенной шляпе походил на огородное пугало. Он сел в качалку и замер. Кот хотел было запрыгнуть ему на колени, но он его не пустил, и сидел, глядя куда-то во двор, в пустоту.

Герм тоже смотрел на двор. Он думал о всех тех местах, где есть лошади и куда мог бы отправиться и он. Он хотел оказаться там, где лошадей много и где он сможет ездить верхом на всех них.

Однако он встал и снял с крюка заляпанный кровью фартук, надел его, завязал тесемки. Узел оказался на том месте, где раньше был пояс галифе, но ему казалось, что они все еще на нем.

Ī ādāā ā n āī āēēēēī ā

Ā. Ī dī dī ēī ā ē

покрытой каким-то зеленоватым слоем, грязи.

Но ни эта грязь, ни это зловоние не отравляли существования друзей. Как истые философы, они даже не замечали ее, как не замечали такой же грязи ни в своих квартирах, ни на своих ногах, как не замечали того пуху, который в изобилии покрывал их грязную одежду, бороду, волосы, шапки...

Ицка был мужской портной, Давыдка – дамский.

Их квартиры были одна против другой. В каждой, состоявшей из двух комнат, всякого населения, начиная с коростой покрытых детей и кончая подслеповатыми, с загнившими глазами, старухами, было битком набито.

В передней комнате каждого из друзей была мастерская, т. е. стол, стул, на котором сидели Ицка сам, а за Давыдку – наемный подмастерье. Сам Давыдка хотя и держал в руках все нужное для работы, а именно материал, нитку и иголку, хотя и сдвигал самым энергичным образом свою шапку на затылок, но в сущности ничего не делал, и его звонкий голос ни на мгновение не уступал всему остальному хору голосов обитателей его квартиры.

Со стороны можно было бы подумать, по соединенному гвалту, что идет ссора на смерть, но благодушные, удовлетворенные лица обитателей свидетельствовали, что это только свойственная этой расе манера говорить.

В квартире Ицки, напротив, царил какая-то гнетущая тишина. Ицка был нем как рыба, и с утра до вечера, не разгибая спины, корпел над работой: только и видно было, как мелькала усердная иголка, то пришивая новую яркую латку на затасканное сукно, то восстанавливая согласие между двумя половинками рассорившихся штанов.

В сущности и Ицка и Давыдка ничего не имели, кроме избыточного количества грязных, гнилых подушек и пуховиков, из которых, при малейшем прикосновении, пух разлетался во все стороны. Тем не менее, Давыдка считал себя в сравнении с Ицкой богачом. И Ицка признавал это, благоговел перед могуществом Давыдки и был твердо убежден, что без Давыдки он бы совсем пропал, хотя из страха возможного злоупотребления и скрывал тщательно это свое убеждение от друга под непроницаемым покровом своего молчания. Но Давыдка и без Ицки понимал значение своей дружбы с Ицкой и нередко запускал бесцеремонную руку то в Ицкину табакерку, то в Ицкин карман за 2 к. на свечку, без которой вечером работа совсем стала бы. Ицка кричал, но терпел, как терпел он все, что только кому-нибудь угодно было, чтобы он терпел.

Однажды, когда Давыдка, по обыкновению, все собирался приняться наконец за работу, а Ицка без устали работал, пришел от пристава вестовой – он же кучер и дворник, угрюмый, неповоротливый хохол Андрий.

Андрий сперва заглянул к Давыдке, осторожно кашлянул и тогда уже вошел в комнату.

Кивнув дважды головой, Андрий проговорил: «Здоровеньки булы», пожал руку Давыдки и сел на скамью.

– Здравствуй, Андрий, – сказал не без достоинства Давыдка, и хотя его очень подмывало поскорее узнать, зачем пришел Андрий к нему, но зная, что от Андрия все

равно раньше, чем его час придет, ни одного слова не выудишь, решил пополнить этот мертвый промежуток чем-нибудь таким, что помогло бы, как колесам деготь, легче шевелиться языку Андрия.

– Горилки хочешь?

Андрий подумал, заглянул в дальний угол, вскинул глазами на Давыдку и решив, что нет ему основания не выпить, ответил нерешительно:

– Та хйба ж що выпить?

Давыдка достал темный от грязи графин, такую же рюмку и, поместившись перед Андрием так, чтобы аромат горилки попадал ему прямо в нос, стал осторожно цедить, придерживая пальцем какой-то выбивавшийся из графина мусор.

Андрию никакого дела не было ни до грязной рюмки, ни до пальца Давыдки, зато аромат горилки Андрий с удовольствием вдыхал в себя, смакуя заблаговременно предстоящее удовольствие.

То, что Давыдка наливал тихо, не спеша, с толком, чувством и расстановкой, не только не раздражало Андрия, но напротив убеждало его, что Давыдка хороший и толковый жид, который знает обхождение с людьми, с которым можно приятно и не спеша помолчать, подумать, а то даже и обмолвиться каким-нибудь словом.

Все эти мысли черепашым шагом ползли в голове Андрия, пока Давыдка цедил, а Андрий водил глазами вокруг, причем начальной точкой окружности были глаза Андрия, а противоположной – губы Давыдки, которые он так аппетитно подбирал в себя, что у Андрия от предстоящего удовольствия уже начинало печь в середине.

Когда Давыдка наконец налил, он и тут еще не сразу подал, а проговорив: «почикай трошке, я оботру рюмку», начал вытирать подозрительное место краем фалды своего не менее подозрительного сюртука.

Это вниманье очень польстило и тронуло Андрия, и он уже заерзал и прокашлялся, чтоб попросить Давыдку не утруждать себя излишними беспокойствами, и даже начало фразы уже стало сползать с его языка:

– Та вже...

Но Андрий вовремя сообразил, что, во-первых, Давыдку он все равно не остановит от желания оказать ему любезность, а, во-вторых, всем и без того было совершенно ясно, что в таких случаях должно говориться.

Одной рюмки оказалось недостаточно впрочем, чтоб раскатать Андрия, и Давыдка терпеливо повторил прием.

После этого Андрий сообщил, что Давыдку и Ицку требует пристав и, посидев «еще трохи», поднялся наконец нехотя с насиженного уже места, на котором он заседал таким «чиловиком», каким сам себя считал.

Выйдя от Давыдки, Андрий прежде всего вспомнил, что «заборився»*, что пристав «як скаженный» напустится на него за это.

«Не покладая рук роблю, – размышлял разогретый водкой Андрий, идя по улице, хоть ты що... Як тый скаженный лае, лае... ниначи ни чировик, а собака... Тьфу! Бодай тобі гадюка съила!»

И Андрий, плюнув, так энергично зачесал свой затылок, что шапка его совсем съехала ему на глаза.

– Дядьку Андрий! – весело взвизгнула у кабака краснощекая Оксана с подобранным подолом.

И Оксана, хлопнув ладонями, взявшись в боки, заступая нога за ногу, припевая с повернутой к Андрию головой:

- Напилася горилочки, наелася маку, –ловко прошлась пред Андрием.

– О-тож бисова баба, – проговорил Андрий, в приятном недоумении продолжая почесывать затылок и соображая, что из всего этого может выйти.

Оксана не долго держала его в неизвестности.

– Ходыжь мо! – энергично заворотила она и, толкнув Андрия в двери кабака, сама скрылась за ними.

II

Давыдка, выпроводив Андрия, накинул пальто и юркнул в квартиру Ицки.

Друзья горячо заговорили на своем жаргоне. Собственно говорил Давыдка, а Ицка только вставлял слова, не переставая шить.

Когда Давыдка, наконец, смолк, Ицка, положив свою работу на стол, всунул иголку в борт своего сюртука и встал.

У Ицки была длинная талия, и были очень короткие ноги, так что, пока он сидел, он производил впечатление высокого человека, когда же встал, то превратился в такого же маленького человека, как и Давыдка, но с тою существенною разницею, что Ицка был мешковат и неуклюж, а Давыдка был проворен и сложен безукоризненно. Лицом друзья тоже не были похожи. Ицка был грязный брюнет с седеющими прямыми волосами. Давыдка был кучерявый, с массою русых нечесаных волос, блондин неопределенных лет. У Ицки была черная густая борода лопатой, у Давыдки – рыжая, жидкая, торчавшая клином. Глаза Ицки черные мрачно и безжизненно смотрели в себя; глаза Давыдки голубые, какие-то бесцветные, мало занимались собою, сверкали жизнью, практической сметкой, хотя, в то же время, и не лишены были некоторой мечтательности и доброты.

Ицка натянул свое продырявленное пальто, и друзья вышли.

Мимоходом Давыдка еще раз юркнул к себе, причем сразу вызвал целый гвалт, который только тогда затих ему вслед, когда он исчез за калиткой.

На улице Давыдка весело шел, беспечно предаваясь наблюдениям праздного туриста. До всего ему было дело. Он заглядывал в каждую встречную телегу, останавливал каждого еврея, и громкое «гир-гир» неустанно несло по улице.

Ицка шел сосредоточенно, молчал и все думал, думал и думал.

О чем?

Вероятно о чем-нибудь таком, что не поддавалось никакому ясному определению, но что не радовало, а угнетало, и что тоскливо и неясно замирало в его удрученном взгляде.

– Ширлатан ты, сволочь!

Так разразился Давыдка, получив увесистый толчок от пробежавшего мимо подростка.

– Ах ты, жидюга проклятая!

И подросток, уже отбежавший было, повернул опять назад с самыми решительными намерениями.

– Гвулт! – закричал Давыдка и, распустив фалды своего пальто, с поднятыми руками, пустился от подростка наутек.

Подросток давно уже прекратил преследование и исчез, продолжая свою дорогу, а Давыдка все еще не мог прийти в себя от нервного возбуждения и все оглядывался, все говорил:

– Ширлатан... сволочь...

Пустив наконец еще одно звонкое ругательство, Давыдка сразу предал все дело забвению и, успокоившись, опять «загиргиркал» с Ицкой.

Друзья повернули в большую чистую улицу и скоро подошли к красивому дому.

Они вошли чрез калитку в чистый двор, где сейчас же на них бросилась цепная собака, и хотя она была на крепкой цепи, но у нее были такие белые длинные зубы, такой красный язык, она так прямо в голову лаяла «гав-гав»; что друзья невольно вздрогнули, а Ицка поспешно, на всякий случай, стал за Давыдку.

В таком виде друзья, не сводя глаз с собаки, пробрались осторожно к черному ходу, где и скрылись, поспешно захлопнув за собою дверь.

В большой столовой, куда ввели Ицку и Давыдку, благодушно сидели после обеда толстый пристав, его толстая жена и двое подростков детей: гимназист и гимназистка.

На соседнем столе лежали материи: трико стального цвета и шерстяная, светло-желтого.

– Послушай, Давыдка, и ты, Ицка, – проговорил пристав и остановился, чтобы выпустить со свистом сквозь зубы приятную отрыжку от гуся с кислой капустой, – вот это и это, – при чем пристав небрежно ткнул пальцем, – на платье к пасхе сыну и дочке.

– К пасхе-е? – озабоченно спросил Давыдка и стал что-то тихо соображать.

Ицка покосился на Давыдку и тоже, подняв голову, вперив глаза в потолок, стал шевелить губами.

– Мало времени, – проговорил Давыдка.

– Мало времени, – повторил Ицка.

– Как мало? Две недели?

И пристав, нагнув немного голову, опять с легким свистом пропустил сквозь зубы новую отрыжку.

Давыдка, не отвечая, обратился на родном наречии к Ицке.

– Ну только, пожалуйста, вы уж свои разговоры оставьте. Меня ведь не проведешь.

Брови пристава внушительно чуть-чуть сдвинулись.

– Хорошо, можно... – поспешил Давыдка.

– Можно, – кивнул головой Ицка.

Начался торг.

Мать с дочерью атаковали Давыдку, а отец с сыном – Ицку.

Давыдка стойко выдерживал натиск. Прежде всего, он начал с видимым удовольствием с того, какое это должно быть платье.

– Из этой материи можно сделать такое платье-е...

Давыдка от умиления нежно поднял руки и показал слушавшим его дамам свои ладони. И хотя на маленьких грязных руках Давыдки, ладонями вперед, ничего особенного кроме скромно выглядывавших длинных грязных ногтей не было, тем не менее сладкие приятные перспективы охватили 14-летнюю кокетку.

– Такое платье-е... У губернаторской дочки такого не будет...

Так как чего-то вроде этого именно и желалось засверкавшим глазкам кокетки, то Давыдка и хотел продолжать в том же роде и уже открыл было рот, но приставша бесцеремонно перебила его:

– Ну, там какое будет, еще увидим... говори цену!

– Цену? – быстро спросил Давыдка и задумался.

– Вам как, барышня? Гладко, чи может складки тут?

Давыдка целомудренно потряс рукой около своей груди.

– Складки дороже... – убежденно кивнул головой Давыдка. – Тце! Что я вам скажу-у? Сделаем мы самую последнюю моду... Вы думаете Давыдка не знает последнюю моду? Давыдка все знает...

– Все? А где Сандвичевы острова? – весело рассмеялась гимназистка.

Давыдка смотрел на барышню лукавыми глазами.

– Барышня ученая... умная... Дай Б-г ей ученье хорошо кончить... хорошего мужа найти...

– Не все, значит, знаете?

– Что Давыдка? У Давыдки свет закрытый... Давыдка знает свое дело, покамест его за ноги не потащат на кладбище...

В то время, как так легко и весело искусный Давыдка достигал цели и успел настоять, почти ничего не спустив с назначенной цены, и оставить дам в приятном убеждении, что хоть дорого да хорошо будет, Ицка совершенно не сумел удержать своей позиции.

Он решительно не мог противиться натиску грозно собиравшихся бровей пристава. Он соображал, что если помириться на цене, предложенной приставом, то за вычетом приклада и подкладки ему почти ничего не остается за труд. Собравшись с духом, он уже собирался развести руками и сказать убежденно: «Никак невозможно», – как вдруг гимназист, глядя на его растерянную фигуру и вспоминая постоянные неудачи Ицки фасонисто сшить, тоскливо проговорил:

– Опять испортит все.

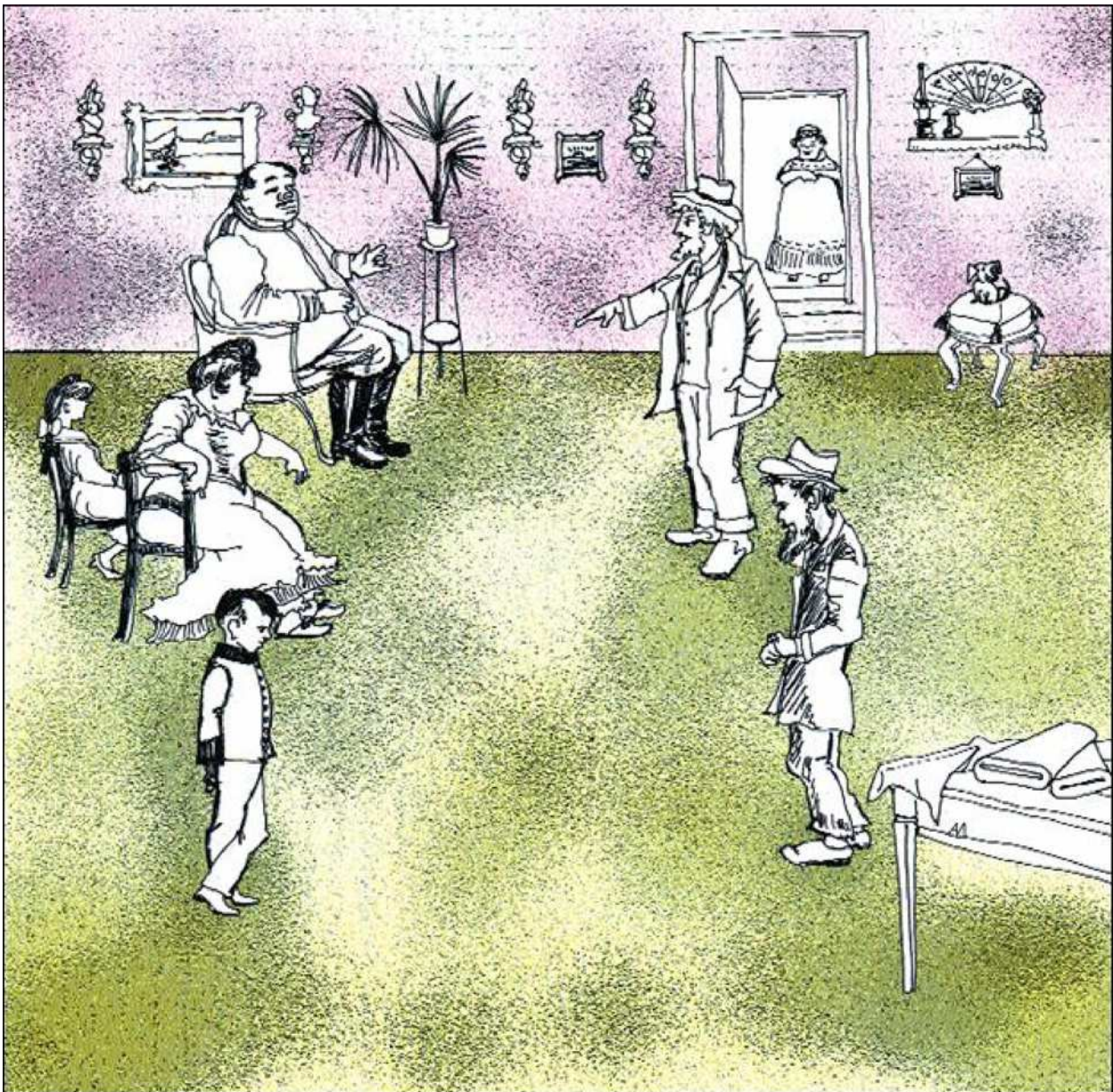
Это замечание повергло Ицку в такой страх, что отберут уже находившуюся в руках работу, что он, забыв все расчеты, тоскливо проговорил: «Ей Б-гу же, панычику, не испорчу», и поспешно согласился на цену пристава.

Но даже и эта бледная попытка успокоить возымела свое действие: мечты гимназиста окрылились, и пред ним весело засверкал предстоящий праздник, а на нем он в своем нарядном костюме.

Когда портные ушли, напутствуемые строжайшим внушением не опоздать к назначенному сроку, пристав, барабая пальцами по столу, проговорил, обращаясь к жене:

– Черт их знает! Только жид может так дешево работать! Как они умудряются...

Пристав поднял плечи, опустил их назад, встал и, вздохнув, отправился к себе.

Приставша не могла похвалиться, что скрутила Давыдку, и в душе была недовольна и собой и Давыдкой и утешалась только тем, что на будущее время подыщет более дешевого портного.

Дома Ицку ждало неприятное осложнение.

Маленькому Гершке, его старшему от второй жены сыну (с первой Ицка был в разводе) вlepил в самый глаз камень какой-то мимо бежавший сорванец.

Теперь вместо глаза у Гершки торчал уродливо вздутый волдырь, за которым самый глаз так спрятался, как будто его никогда и не бывало.

На Ицку грустно смотрел единственный глаз лежавшего почти в беспамятстве Гершки.

Сердце Ицки тоскливо сжалось.

– Что делает ширлатан?! – только и проговорил он, мрачными глазами уставившись в сына.

Он осторожно попробовал раздвинуть опухоль, чтобы убедиться, цел ли глаз, но Гершка запищал так жалобно, что Ицка оставил свой осмотр, ничего не выяснив.

Покачав еще раз головой, вздохнув от глубины души, Ицка молча принялся за работу.

Добрую половину ночи Ицка шил, постоянно прислушиваясь к Гершке, который все метался и стонал в лихорадочном сне. И каждый раз Ицка отрывался от работы, мрачно нисколько мгновений смотрел пред собой, качал головой и тяжело вздыхал.

– Ширлатан, – тоскливо шептали его губы.

Наконец усталость взяла верх, и Ицка, потушив свечку, не раздеваясь, прилег возле своей Хайки на свободный клочок грязного пуховика. Он долго еще ворочался, – его кусали несносные блохи, клопы и еще какие-то потайные зверьки. Руки, не успевая, проворно перебегали с одного места тела к другому. Наконец он уснул так же, как и Давыдка, который давным-давно видел третий сон, застыв над ним с блаженной беспечной физиономией, с широко раскрытым ртом.

III

Друзья неделю провозились над заказом и, опоздав ровно вдвое против обещанного, понесли наконец свои образцы искусства к приставу. Оба шли далеко не с спокойным духом. Так же почтительно, как и всегда, пробрались они мимо собаки и вошли в дом.

Началась примерка. Платье Давыдки оказалось далеко не тем, что наобещал тороватый мастер. В первый момент разочарование было полное. Но, смущенный до этого, Давыдка быстро воспрял духом и начал энергично отстаивать дело своих рук. Природное красноречие выручило его. Раздражение понемногу улеглось в конце концов, разочарование сменилось даже самодовольным скрытым убеждением, что в сущности платье хорошо сидит. Когда Давыдка высыпал целый ворох остатков, то это окончательно успокоило и мать и дочь и вызвало даже некоторый эффект.

– Единственное, за что я тебя терплю, – проговорила жена пристава, – это за то, что ты честный человек.

Честь – это была тщеславная гордость Давыдки.

– Давыдке чужого не надо, – ответил он удовлетворенно. – Положите золотую гору червонцев и скажите: Давыдка, стереги – Давыдка червонца не тронет, жид-Давыдка... – прибавил он, тыкая в себя пальцем, и в голосе его зазвучала не то горечь, не то другая какая-то нотка, которая еще больше повортила к нему сердце барыни.

– И знаете, что я вам скажу? – протянул Давыдка своим характерным акцентом. – Не надо Давыдке червонцев. Господин бога-атый смотрит на Давыдку и не считает Давыдку за человека, потому что Давыдка бедный, а он богатый. А не знает господин

богатый, что и у Давыдки и у богатого только и своего, что последний перед смертью обед, который в нашем животе понесут с нами в могилу!

– Ну, только без подробностей.

– Глупый не понимает это, а как смерть придет и глупый догадается, что Давыдка умней его был.

Кончилось тем, что Давыдка не только получил сполна за работу, не только получил разрешение взять и закурить папироску, но выпросил еще и 3 рубля аванса в счет будущих работ.

У Ицки дело обошлось совсем иначе. Он так упал духом от первого же замечания, что совершенно растерялся и смолк под искренним убеждением, что хуже того, что он сделал, ничего в мире не могло быть. Ясно, как это отношение портного к своему произведению действовало на молодого заказчика: костюм показался ему еще отвратительнее, и все мечты о блеске праздника в новом костюме разлетелись и заменились унынием и раздражением. Раздражение это передалось и приставу, и он, сначала спокойно, но потом все сильнее и сильнее кипятясь, разразился следующей энергичной тирадой:

– Э, да что с тобой говорить! Я на твой счет, каналья, отдам переделать! Давай остатки!

Это было самое ужасное. Ицка полез в карман и вытащил два жиденьких обрезка.

– Все?!

Ицка растерянными, даже как будто повеселевшими вдруг глазами смотрел в лицо пристава.

– Украл, мерзавец?!

У Ицки духу не хватило отпираться, так было очевидно, что он украл.

Один, два, три, и удары посыпались по обеим щекам Ицки.

«Бьет», тоскливо промелькнуло в голове Ицки. А в то же время лицо его под ударами пристава, точно по команде, послушно поворачивалось то в ту, то в другую сторону.

– Вон!! – Ицка не стал ждать приглашения и вылетел в дверь.

Давыдка съежился и точно не замечал, что происходит с его другом. Когда пристав, наругавшись досыта и проклиная всю жидовскую нацию, ушел к себе в кабинет, жена его проговорила укоризненно Давыдке:

– Как же, Давыдка, ты честный человек, а дружишь с вором?

Давыдка только вздохнул и с непривычным угрюмым видом начал складывать свою простыню.

Ицка, выйдя на улицу, остановился под аркой запертых ворот и уныло смотрел перед собою. Обрывки мыслей вертелись в голове.

«Нет денег... праздники... что сказать ожидавшей семье?»

И все это, как огнем кипящий горшок, ожигалось горьким чувством обиды от ощущения битого лица...

В калитке
показался Давыдка.

«Гир-гир, гир-гир»,
и друзья оживленно
обменялись мыслями.

Давыдка еще
подумал и медленно пошел
назад в дом, а Ицка, по-
прежнему, остался ждать.

Давыдка,
нерешительно войдя в дом,
осторожно, с таинственной
физиономией подкрался к
жене пристава.

– Г-споди, как ты
меня испугал! Чего тебе
надо?!

Давыдка лукаво
подмигнул в сторону
кабинета пристава.

– Да говори
толком!

Давыдка на этот
раз далеко не красноречиво попросил приставшу похлопотать у пристава за Ицку.

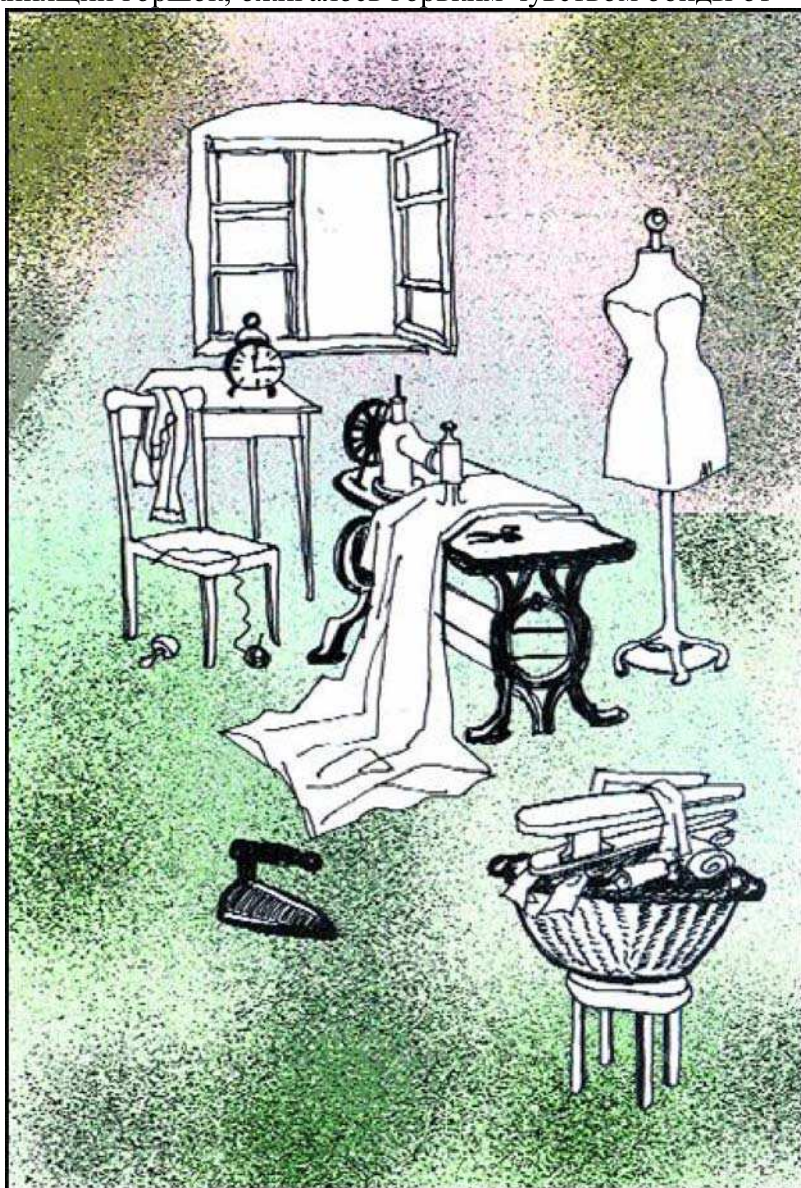
– Я тебя совсем не понимаю, Давыдка... какой же ты честный, когда ты сам видишь, что человек украл...

– Тце!..

Но Давыдка за этим, так энергично сорвавшимся восклицанием, перебившим речь приставши, напрасно собирал свои слова для нового приступа.

– Нет, нет, Давыдка, и не проси... Я не пойду к мужу... Да он меня и не послушает... ты не знаешь еще, какой он, когда рассердится...

– Тце!

– Да что, тце да тце – я не пойду!

Давыдка вздохнул.

– Что за нахальство, право? уж кажется все дали: и деньги и вперед, – нет, еще лезет... Да еще за кого просит...

– Эх...

– Ну уходи, – вспыхнула окончательно приставша.

– Сударыня... Вы добрый человек... Слушайте, что я вам скажу...

– Ничего не хочу слушать.

Глаза Давыдки напряженно перебежали с лица приставши в пространство.

Приставша случайно взглянула на Давыдку и вдруг проговорила:

– Иди сам к мужу.

Давыдка нерешительно посмотрел, быстро взвесил риск быть битым и проговорил с отчаянной огорченной решимостью:

– Хорошо...

Пристав только было собирался прилечь после обеда.

– Тебе чего?! – резко остановил он вошедшего Давыдку.

Душа Давыдки ушла в пятки.

– Ваше высокоблагородие... вы важный барин... Давыдка, может, не смеет смотреть на такого господина, как вы... Другой, может, сказал бы: пошел вон, Давыдка, ты вонючий пархатый жид, – а ваше высокоблагородие жалеете бедного человека, потому что вы знаете, что Давыдка бедный, но честный человек...

Пристав сдвинул брови.

– Ты это адвокатом за Ицку?!

– Ваше высокоблагородие... – затоптался он на месте, – позвольте мне, глупому человеку, сказать два слова... Вы помните, и я и Ицка пришли торговаться... Вы знаете... что грех тут прятать... я прямо настоящую цену назначил. Вы сами ученый человек... Ицке против меня надо вдвое взять бы... Ну, считайте сами: подкладка...

– Да мне какое дело, что он дурак... – проговорил пристав, все ближе надвигаясь на Давыдку.

– Он дурак, он совсем глупый... он глупей свиньи, – быстро проговорил Давыдка и еще быстрее, не смотря, продолжал:

– Ваше высокоблагородие, пошлите сына узнать, чи правду я говорю... Он в лавку занес остаток, а взял подкладки... Ваше высокоблагородие, вы человек справедливый... Вас царь отличает перед всеми... Ицка бедный жидок... ваши праздники и наши праздники... Вам все Г-сподь дал... на столе у вас много будет... – Давыдка вспомнил окорок, и в его голове пронеслась брезгливая мысль: «хай тебе с твоим столом», – кругом вас ваша жена, дети ваши будут... У Ицки куска мацы не будет без тех денег... У Ицки девять человек голодных сядет за пустой стол... Его жена, его маленькие дети ругать и смеяться станут над ним, что он к такому празднику ничего не припас им... Вам все дал Г-сподь, еще даст... Пожалейте бедного человека...

Пристав слушал, чувствуя пустоту в том месте, где уже был приготовлен отпор нахальному жидку. Вошедшая жена пристава присела на стул и, не глядя на мужа, угрюмо проговорила:

– Да отдай уж ему...

Приходилось сдаваться.

– Будь я собака и прохвост, если я еще когда-нибудь его позову! – взбешенно проговорил в утешение себе пристав, вытаскивая бумажник.

«Позовешь!» – промелькнуло в голове Давыдки.

– Хай ему мама мордовала, – я и сам с ним не пойду больше... – ответил Давыдка, ловя брошенные деньги.

– И только потому даю, что ты честный человек...

Давыдка вспыхнул и кивнул головой от удовольствия иметь право быть честным человеком. Как упругая поверхность отражает ударяющиеся об нее тела, так живое воображение Давыдки быстро отразило брошенное ему крылатое слово.

– Вы большой барин... Давыдка паршивый маленький жидок, а Давыдка стоит рядом с таким большим барином на одной доске, и вам не стыдно с ним стоять. А почему вам не стыдно с ним сто-я-ять? Потому, что вы знаете, что Давыдка честный человек... Пра-а-вда?

Пристав кивнул головой.

Но фантазия Давыдки разыгралась. Его вдруг охватило непреодолимое желание еще нагляднее почувствовать свое право честного человека.

– Ваше высокоблагородие... – Давыдка протянул свою грязную маленькую руку и замер на мгновение от страха. – Ваше высокоблагородие... Никогда чужого эта рука не взяла... Никогда мне такой важный барин...

Давыдка остановился, собрал все силы и, решительно, чуть-чуть даже нахально кивнув головой, проговорил:

– Пожмите мне эту руку!

Растрепанный, с грязной помятой манишкой, весь в пуху, распространяя вокруг себя тонкий аромат чеснока, с двумя когда-то белыми кисточками, живописно торчавшими из-под жилетки, Давыдка держал в воздухе протянутую руку и вдохновенно смотрел на пристава.

– Что ж, – растерялся пристав, – я пожму. И он действительно как-то быстро-сконфуженно пожал руку Давыдки.

Давыдка побагровел, и на лице его от напряжения надулись жилы. Он важно, подавленным от избытка чувств голосом решительно проговорил, отчаянно махнув рукой:

– Сына в солдаты отдам, – нехай царю служит!

И, принеся эту высшую жертву на алтарь отечества, Давыдка, уже с полным апломбом протянув руку пристава и двум подросткам, которым подал свою маленькую грязную руку даже с каким-то покровительственным снисхождением, – вышел из кабинета.

Отец будущего солдата даже и пред собакой почувствовал свое достоинство и, почти не поворачиваясь к ней, гордо прошел мимо. Только у самой калитки он как-то совершенно бессознательно ускорил последний шаг и, выпрыгнув, неожиданно очутился перед Ицкой.

Ицка все в той же позе тревожно впился глазами в Давыдку.

Давыдка молча вынул деньги и передал их Ицке.

Ицка облегченно вздохнул, пересчитал деньги и быстро спрятал их в карман.

Друзья пошли домой.

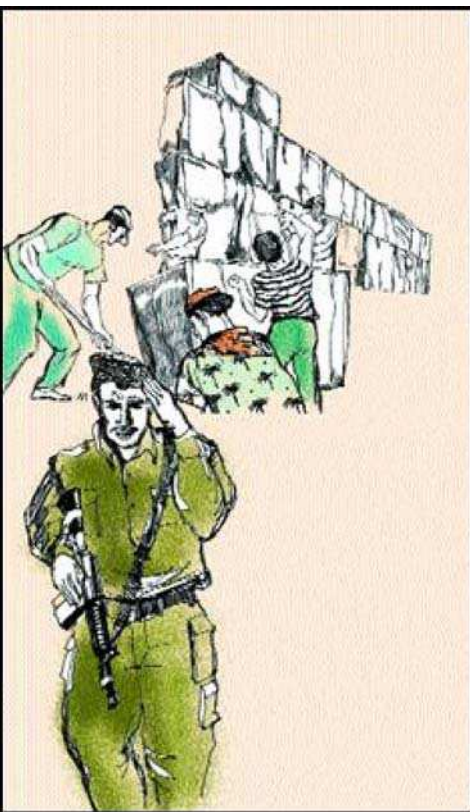
Давыдка, сдвинув совсем на затылок свою шапку, не спеша выступал по улице с заложенными в карманы штанов руками, весь погруженный в приятные ощущения всего происшедшего.

Проходя мимо старой еврейки, разложившей маковники, Давыдка пренебрежительно остановился и, перебрав почти весь товар, выбрал, по числу детей, семь самых лучших тяжелых маковников. Так как следовало за них 31/2 коп., а из данных Давыдкой 4 коп. полкопейки сдачи не оказалось, то Ицка, переговорив с другом, взял тоже один маковник для Гершки.

Через несколько минут, тихо отворив дверь, Ицка осторожно вошел в свою квартиру и, окинув всех своими потухшими глазами, остановился на поправлявшемся и уже сидевшем Гершке. Осторожно шагая через детей, он подошел к его кровати и, присев на корточки, внимательно осмотрел поврежденный глаз сына.

Лицо Ицки осветилось тихой, ясной радостью: далеко, далеко, в разделе двух опухолей, целый и невредимый глаз Гершки уже сверкал привычным выражением отца.

Ицка облегченно вздохнул и подумал: «будет портным».

В полукилометре от Стены дорога была перегорожена переносными заграждениями пограничной стражи^[4]. Солдат-друг наклонился к окну моего автомобиля:

– Господин, нет проезда. Стена на ремонте.

– Что?

– Ремонт. Чистят, убирают. Готовятся к специальной церемонии памяти Рабина.

– А, понятно.

Солдат смотрел на меня и ждал. Я почесал в затылке и сказал:

– Послушай, мне нужно проехать. Я из группы консультантов.

– Как вас зовут? – спросил солдат и вытащил из кармана брюк мятый список.

– Узи Вайль.

– Вы знаменитый Узи Вайль?

– Знаменитый? – удивился я. – Чем же я знаменит?

– Что же вы сразу не сказали, – солдат хлопнул меня по плечу. – Подрядчик предупредил, чтобы вас пропустили. Послушай, я с вами на сто процентов. Мы, друзья, у нас ведь союз с народом Израиля.

– Понятно, – ответил я осторожно.

Он крикнул своему товарищу, чтобы тот отодвинул заграждение и дал мне проехать. Потом опять обратился ко мне:

– Вот поэтому-то, хоть я и друг, я полностью за твоего отца.

– Моего отца? – растерялся я.

– Великий человек, – продолжал солдат. – Жаль, что таких больше нет. Вечная ему память.

– Но мой отец жив.

Друз застыл на месте:

– Правда? Бегин^[5] не умер?

Я не знал, что сказать, и вежливо улыбнулся ему.

– Да что ты говоришь, – все более удивлялся солдат, качая головой из стороны в сторону. – Вот это да, Бегин жив, а? Тогда что же – он скрывается?

Я уклончиво пожал плечами.

– Вот молодец, – продолжал друг, – это ведь он тогда научился – в подполье. Когда же он возвращается?

– Ну, еще год-два, – я был должен что-то

ответить.

– Передай ему – мы ждем, – сказал солдат. – Даже я, хоть и друг, я жду. Знаешь почему?

– Из-за союза с еврейским народом? – припомнил я.

Он посмотрел на меня с явным одобрением:

– А ты молодец. Я вижу, что отец воспитал тебя хорошо. Вы молодцы, толковая семья.

– Да, – начал было я, – вот мой сын, он немного...

– Тоже серьезный?

– Ну..., – неопределенно пожал я плечами.

– Не важно. Бегин – это Бегин. Вы правильная семья.

– Я передам отцу, – пообещал я.

Солдат отошел от моего автомобиля, и я проехал к Стене. Площадь перед ней была ярко освещена, и десятки рабочих занимались демонтажом. Оставались уже только два нижних ряда камней. Каждым камнем занимались двое рабочих. Отделив камень от Стены, они транспортировали его к огромному грузовику, стоявшему у выезда с площади. Двадцать девять таких грузовиков, уже загруженных камнями, выстроились в колонну на дороге, ведущей от Стены.

Я застыл на месте, пораженный увиденным.

На кабине последнего загружавшегося грузовика сидели Лугаси и водитель; они пили кофе из большого термоса. Заметив меня, Давид привстал и крикнул:

– Братан! Давай, забирайся, выпей с нами чего-нибудь.

Я ухватился за дверцу грузовика, водитель протянул мне руку, и я очутился наверху. Посмотрев вниз, я увидел, как рабочие приступили к разборке последнего ряда

каменной Стены. Картина была ошеломляющая: Стена выглядела всего лишь как ряд камней. Я сидел на крыше кабины и молчал.

– Ну что, впечатляет, а? – спросил Лугаси спустя несколько минут.

– Скажи..., – начал было я, но не смог продолжить.

– Сейчас я тебе все объясню, – сказал Давид, а сам почти незаметно кивнул в сторону водителя. Я понял, что он не хочет посвящать посторонних в свои планы.

– Ну что, – спросил он шофера, – кофе был хорош, а?

– Классный.

– Вот и ладно. Послушай, если ты не против, мы бы хотели обсудить несколько профессиональных вопросов.

Водила подозрительно взглянул на меня. Затем выплеснул остатки кофе из своей чашки на землю и спустился вниз.

Лугаси дождался, пока тот отойдет, а потом заговорил:

– Ну, что скажешь?

– Да что я могу сказать, – развел я руками. – Это...

– Круто, а?

– Да уж, – подтвердил я. – Действительно круто, ничего не скажешь. Но зачем?

– А они не заслуживают, эти иерусалимцы. Они не заслуживают, чтобы у них была Стена.

– Н-да... – неопределенно протянул я и посмотрел вокруг: рабочие приступили к разборке последнего ряда камней.

– Вот скажи сам, – Давид приложил руку к сердцу. – Скажи, если я не прав: на прошлой неделе, два дня спустя после убийства Рабина, да будет память его благословенна, я поехал к Стене помолиться. И за Рабина, и за страну, и за... Ну, не знаю. На сердце от большой тоски сделалось так... особенно после его похорон. Ты видел, как плакала его внучка?

– Видел.

– Ну, тогда ты понимаешь. Было тяжело. Я надел кипу своего покойного отца и отправился к Стене и представь себе: по меньшей мере человек пять остановили меня и сказали, что это так здорово, что Рабин умер.

Я понимающе кивнул. Лугаси глубоко вздохнул и сокрушенно покачал головой:

– Я кончил молиться и снял кипу. По дороге домой ко мне подошли еще трое и позвали на демонстрацию против религиозных: они ведь все убийцы, так эти сказали. И вот я решил – все, хватит, не желаю больше приезжать в этот город. И еще я понял, что я, Давид Лугаси, должен перевезти отсюда Стену.

– Перевезти куда?

– В Тель-Авив.

Я не знал, что сказать. Рабочие заканчивали разборку, действовали они споро. Еще двадцать камней – и Стены как не бывало.

– Классно работают, а? – гордо улыбнулся Давид. – Сто двадцать рабочих как один.

– А где ты ее поставишь в Тель-Авиве?

– Вот за этим-то я тебя и позвал. Посоветуй, где лучше всего: чтобы место было красивое, не вызывало споров, никакой политики, чтобы люди приходили помолиться со спокойным сердцем. Чтобы подходило

для всех.

– Может, на берегу моря? – предложил я. Лугаси удовлетворенно улыбнулся.

Так и сделали.

По прошествии получаса колонна грузовиков, кузова которых были накрыты брезентом, тронулась от места, где еще недавно стояла Стена плача, а сейчас оставался просто голый холм. Лугаси и я в джипе обогнали колонну и автобус с рабочими и подъехали к пропускному пункту пограничной стражи. Давид вышел из машины и, подойдя к знакомому солдату, хлопнул его по плечу.

– Закончили? – спросил тот.

– Да, – ответил Лугаси. – Можно убирать заграждения. Разрешение от муниципалитета у тебя?

– У меня, – солдат похлопал себя по карману гимнастерки. – Хочешь забрать?

– Оставь у себя. Мало ли, начнутся вопросы...

Лугаси сел в автомобиль и захлопнул дверцу.

– Разрешение настоящее, – пояснил он мне. – Действительно выдано муниципалитетом. Оно осталось у меня с того времени, когда я проводил канализацию в Биньяней а-Ума^[6]. В документе написано: «Следует выполнять указания подрядчика».

Солдат-друг тем временем наклонился и постучал в мое стекло: он приложил к губам указательный палец, призывая меня держать в секрете наш с ним разговор. В знак согласия и приветствия я поднял вверх большой палец.

Колонна тронулась.

– Скажи, – обратился я к Давиду. – Я не слишком молод, чтобы сойти за сына Бегина?

– Солдат, что с него взять..., – пожал он плечами, сразу все поняв.

И вот так, безмятежно улы

баясь, продолжал Лугаси вести колонну грузовиков по пустынному шоссе. В три часа утра мы прибыли в Тель-Авив на набережную у гостиницы «Шератон». Давид и я вышли осмотреться, рабочие ждали в автобусе.

– Ну, что скажешь? – спросил Лугаси. Он стоял, по-хозяйски уперев руки в бока и оглядывая территорию. – Может, между «Шератоном» и «Мариной»^[7]?

– Нет, мне не нравится, – я напрягал фантазию, пытаюсь представить, как это будет выглядеть. – Прибрежная полоса слишком узкая, а нам ведь нужно место и для молящихся, и для тех, кто будет лежать на пляже.

– Ты прав, – сказал Давид. – Еще нужно, чтобы было достаточно далеко от моря, иначе зимой волны будут набегать на Стену.

Мы опять осмотрелись, и тут наши взгляды одновременно остановились на склоне возле «Хилтона», чуть ниже Сада Независимости. Мы пожали друг другу руки, и Лугаси направился к автобусу с рабочими:

– Давайте, ребята, выходите.

Те стали переговариваться между собой по-румынски^[8], один из них, немного знавший иврит, встал и начал переводить слова бригадира:

– Мистер Лугаси, все очень устали. All night work, work^[9].

– Скажи им, – распорядился Давид, – все получают еще по двести долларов. Но к утру нужно закончить.

Через минуту все румыны уже высыпали из автобуса и начали разгружать грузовики, другие возводили строительные леса на площади перед Садам Независимости. Они действовали поразительно быстро, собирая камни в Стену в том же порядке, в котором демонтировали ее. Однако несмотря на энергичную работу к рассвету удалось собрать только треть Стены. Лугаси, который все заранее предусмотрел, отправил рабочих спать. В шесть утра прибыла вторая смена. На этот раз это были арабы, и Давид объяснился с ними без переводчика.

В семь, разбитые, мы уселись в кабине джипа. Лугаси включил радио. Быстро проскочил выпуски новостей четырех разных станций – ни в одном не упоминалось о факте кражи Стены в прошедшую ночь.

– Может, в интересах следствия запретили разглашать? – предположил я. –
Цензура.

– Что, и «Голосу Каира»?

И Би-Би-Си?

Я пожал плечами.

– Ладно, – продолжил Давид. – Мой покойный отец всегда говорил: Мужчина должен быть уверен в себе и никогда не тревожиться, кроме того случая, когда слышит сирену приближающейся полицейской машины. Теперь и мы поспим.

Мы задремали друг у друга на плече и три часа проспали беспокойным сном. В 10:30 утра нас разбудил стук в стекло кабины. Это был служащий муниципалитета. Лугаси опустил стекло.

– Вы подрядчик? – служащий неуверенно почесал в затылке.

– Я.

– Что это здесь такое?

– Стена Мира. В память о Ицхаке Рабине.

– А-а, – протянул чиновник. – Что-то знакомое, эта стена.

– Такая же есть в Иерусалиме.

– А, то-то я смотрю... Моя жена из Иерусалима.

Давид подозвал одного из рабочих и попросил принести кофе. Служащий уселся с нами, пил кофе и рассказывал, сколько он зарабатывает. Когда он ушел, мы снова включили радио: по-прежнему ни слова о том, что Стена плача исчезла со своего места.

Лугаси вышел из машины и потянулся. Потом сказал:

– Странно, да?

– Поедем посмотрим, –

предложил я.

Он взглянул на хлопотавших

рабочих:

– Ладно, давай умоемся и покатим.

Мы приехали в Иерусалим в 12 часов дня. Припарковали автомобиль недалеко от того места, где когда-то стояла Стена, и осторожно приблизились. У нас в головах проносились десятки разных вариантов развития событий, но ни один из них даже не приблизился к тому, что мы увидели: все шло как обычно.

Молящиеся молились – мужчины слева, женщины справа.

Полицейские как обычно патрулировали по площади.

Туристы с картонными кипами на головах как всегда фотографировались.

Единственно странно было то, что Стена отсутствовала. Мы подошли. На своем постоянном месте стоял полицейский, который предложил нам надеть черные кипы.

– Скажите, – обратился к нему Давид, – а где же Стена?

– На реставрации.

– А где на реставрации? Где ее реставрируют?

Полицейский пожал плечами:

– Спросите главного раввина Стены. Это он сказал. Так вы проходите или нет?

Мы прошли.

Большая группа хасидов молилась с тщательным усердием, но их попытки засунуть записки в сухую землю холма не имели успеха. Они то и дело бросали по сторонам растерянные взгляды, но в целом было видно, что то объяснение, которое дал им главный раввин Стены, устраивает их. Мы оставили площадь перед бывшей Стеной и отправились поесть в близлежащий маленький ресторанчик, известный Лугаси.

Давид занимался хумусом и пил кофе. Его лицо было задумчиво. Закончив есть, он достал свой мобильный телефон.

– Здравствуйте, – начал он, когда ему ответили. – Это контора главного раввина Стены? Я хочу кое-что спросить. Я сейчас был у Стены, но там пусто.

– Не может быть, – отвечала секретарша. – Раввин находится на месте с самого утра.

– Да не раввин, – продолжал Лугаси. – Стены нет.

– А, так она в ремонте.

– Да что вы говорите, и кто же ремонтирует?

– Муниципалитет, – отвечала девушка. – Я не знаю точно, но утром раввин разговаривал с солдатами пограничной стражи. Они рассказали, что камни увезли для реставрации, особый проект.

– Пограничная стража? Это что, тот парень-друг на пропускном пункте, с ним разговаривали?

– Да, да, – ответила служащая. Она начинала терять терпение. – Это специальный проект мэрии в честь трехтысячелетия Иерусалима.

– Спасибо, – сказал Лугаси и закрыл телефон. Мы взглянули друг на друга.

– Оп-па, мы их сделали, – сказал он. – Похоже, что на следующей неделе я смогу увести и сейфы Национального банка.

Весь тот день и следующую ночь мы работали как сумасшедшие вместе со строителями и перед рассветом, в конце второй смены румын, все было закончено. Мы стояли на мелководье, подвернув до колен брюки, и смотрели на новую Стену. Она была великолепна.

– Самое священное место для еврейского народа, – произнес Лугаси. В его глазах стояли слезы.

– Сад Независимости?

– Не шути так.

Он рассчитался с рабочими, которые загрузились в автобус и уехали. А мы продолжали стоять в воде, любуясь делом рук своих. Спустя несколько минут мы почувствовали голод, и только тут вспомнили, что почти сутки ничего не ели после того хумуса в Иерусалиме. Мы пошли в кафе «Регата», заняли столик у окна и сидели молча, глядя наружу.

– Храмовая гора в наших руках^[10], – сказал Лугаси.

Сначала все шло гладко. Публика на пляже, хотя и выражала некоторое удивление, но никакая стена на свете не могла помешать ей купаться и загорать. А вот туристы, наоборот, дико возбудились. Более всех учудил один богатый американец из Чикаго, Джо Ривлин, председатель совета директоров и владелец компании «Ривлин и Ривлин, пуговицы и застежки», который прямо из гостиницы послал мэру приветственную телеграмму и приложил чек на сто тысяч долларов. Текст был таков: «Блестящая идея для развития туризма в Тель-Авиве и Израиле в целом. Если бы правительство США обладало Вашим мужеством, нам бы не нужно было ездить до парковки у Великого каньона, чтобы увидеть Великий каньон».

Религиозные в Тель-Авиве приняли новую стену со смешанным чувством, но вскоре привыкли. Во-первых, никто открыто не признал, что это та самая Стена, ведь главный раввин Стены до сих пор был уверен, что оригинал на реставрации. Во-вторых, даже если это действительно та самая Стена, то ничего страшного в том, что она несколько лет побудет в Тель-Авиве. Со всех концов Израиля начали прибывать верующие, которые заявляли, что новое местоположение Стены не только более удобное, но и гораздо более безопасное, если принять во внимание напряженную обстановку в Старом городе Иерусалима, сохраняющуюся вот уже несколько лет.

Но самое удивительное, что не изменилась атмосфера святости возле Стены несмотря на опасное соседство между молящимися ортодоксами и загорающими красотками на пляже. Первые стояли лицом к Стене, а вторые лежали лицом к морю, но все встречались в автобусах пятого маршрута, который был усилен пятьюдесятью новыми машинами. Даже гомосексуалисты, собиравшиеся в Саду Независимости, в конце концов привыкли к соседству со Стеной. Многие из них, как сообщил представитель партии «Мэрэц»^[11] в городском совете, происходили из семей, где соблюдали традицию, и нынешняя близость Стены плача на удивление положительно повлияла на сексуальную ориентацию этих неформалов.

Трудности начались, когда мэр понял, что попало ему в руки. Первые дни он пребывал в шоке, выбрасывая в корзину для бумаг все приходившие по факсу сообщения на эту тему и увольняя любого, кто осмеливался сказать, что Стена плача теперь находится под его юрисдикцией. По прошествии недели глава города решил, наконец, приехать на место и посмотреть, что же там происходит. И когда убедился, что народ – черт бы его побрал! – как всегда прав, начались проблемы.

Прежде всего мэр провозгласил, что отныне Стена плача будет называться Стеной царей Израилевых – это должно было компенсировать переименование Площади царей Израилевых в Площадь Рабина. Второе, что он сделал, это пригласил Якова Агама^[12] раскрасить Стену фосфоресцирующими красками с изменяющимся цветом.

– Яков Агам, – заявил отец города на пресс-конференции, которая состоялась на берегу моря и передавалась в прямом эфире на всю страну, – это художник международного уровня, который в своем искусстве сочетает кинетику и еврейство, и сделает Стену явлением следующего тысячелетия!

Затем прибыла команда техников со специальной звукоусиливающей аппаратурой, которая была установлена с двух сторон Стены, и непрерывно, 24 часа в сутки начали передавать объявления от имени мэрии и исполнять израильскую музыку.

Не прошло и дня, как 2-й канал телевидения объявил о предстоящем начале серии выступлений певцов и музыкальных групп, которые будут идти в прямом эфире под общим названием «Стенорок». Концерты будут проходить на новейшей вращающейся сцене, которую срочно приобрели в Германии и установили у Стены. Ведущим будет Дуду Топаз^[13], а Дуду Дотан^[14] будет рассказывать анекдоты. А Дуду Шмулевич – председатель профсоюза электриков – заявил, что, если до начала проекта с ними не будет достигнуто трудовое соглашение, то они оставят все побережье без света.

В те дни Лугаси мне не звонил. Он не выдержал, когда у Стены было проведено первенство Цахал по скалолазанию, и десятки пехотинцев карабкались по ней на веревках. Давид позвонил в тот день в четыре после обеда.

– Слышал? – спросил он убитым голосом.

– Это еще что, – ответил я. – Газета «Тель-Авив» готовит чемпионат по сквошу на пляже, догадываешься, в какую стену они будут колотить?

– Через час – перед «Хилтоном», – не отвечая приказал Лугаси и положил трубку.

Я предполагал, что он придет в удрученном настроении, но чтобы настолько... Подходя, я увидел Давида издали – понурившись он стоял рядом с киоском на пляже и курил. Впервые с того дня как Стена была перевезена из Иерусалима, мы с Лугаси приближались к ней. И то, что предстало перед нашими взорами, было очень нехорошо.

Поверху по всей ширине Стены было установлено мерцающее электронное табло со словами «Стена плача при поддержке “Едиот ахронот” и “Исракарт”»^[15].

Немного ниже в стиле граффити большими буквами было написано «Авив Гэфен^[16], Господь Бог».

Давид выглядел ничем не лучше своей Стены: у него были воспаленные красные глаза, он судорожно затягивался сигаретой.

– Что будем делать? – спросил я. – Может, люди успокоятся, это же для них в новинку. Дай им время.

Он кивнул. Мы подошли к маленькой будке возле полицейского заграждения, разделявшего загоравших и молившихся. Пожилой служащий в розовой униформе с эмблемой Стены на фоне моря выдал нам по кипе. Кипа тоже была розовая с такой же эмблемой и надписью «Закат у Стены – незабываемо!»

Мы прошли за барьер.

– Минутку, минутку! – закричал нам вдруг служащий с русским акцентом.

– В чем дело? – обернулись мы к нему.

– За вход – пятьдесят шекелей, пожалуйста.

Мы с Давидом молча переглянулись.

– Вечером – в десять, – процедил он. – Будь готов, я за тобой заеду.

В ту же ночь мы вернули Стену в Иерусалим, управившись за восемь часов напряженной работы. На этот раз обе бригады – румыны и арабы – работали одновременно, и еще до восхода солнца Стена была на своем обычном месте.

Лугаси стоял и смотрел на свою Стену.

– Вот и попытались.., – проговорил он и смахнул слезу в уголке глаза.

Рабочие уже сидели в автобусах, готовые отъезжать. Пустые грузовики один за другим оставляли площадь перед Стеной. Мы стояли в молчании, как вдруг сзади послышалось деликатное покашливание. Обернувшись, мы увидели раввина Стены. У него были красные воспаленные глаза, волосы немного всклокочены, и вообще он выглядел так, словно за одну неделю постарел на сто лет.

– А что, евреи, реставрация закончилась?

– Закончилась, – вежливо ответил ему Лугаси. Он смотрел на этого старого человека, и огромная необъяснимая печаль охватила его.

– И... Все в порядке?

– Все в абсолютном порядке, глубокоуважаемый раввин. Мы установили винты для крепления, оштукат

урили, где надо, – Стена как новенькая. Спокойно простоит еще три тысячи лет.

– Слава Б-гу, слава Б-гу! – раввин глубоко вздохнул и умолк. Помолчав, он проговорил:

– Хорошее дело, молодой человек. Только скажите там, в муниципалитете, что я прошу, чтобы в следующий раз меня заранее известили о таком деле. Ферштейст^[17]?

– Следующего раза не будет, – отвечал Давид. – Если я еще раз возьму – мамой клянусь! – не верну.

Перевод А. Крюкова

Из сборника «Счастье».

Тель-Авив, 2001.

[1] Осенью 1995 г. еврей-экстремист Игаль Амир застрелил в Тель-Авиве премьер-министра Израиля Ицхака Рабина.

[2] Аббревиатура, означающая «Наш господин, учитель и наставник». Этого звания в иудаизме удостоивались цадики и религиозно-духовные авторитеты.

[3] Населенный пункт на шоссе Тель-Авив – Иерусалим.

[4] Мишмар а-гвул (пограничная стража) – части Армии обороны Израиля, совместно с полицией обеспечивающие общественный порядок и безопасность внутри страны.

[5] Менахем Бегин был очень популярен среди выходцев из восточных общин как политический лидер, остановивший (победив на выборах в Кнессет в 1977 г.) период непрерывного доминирования партии труда Израиля («Авода»), которая олицетворяла ашкеназийский истеблишмент.

[6] Биньяней а-Ума (Дворец нации) – расположенный в центре Иерусалима крупный дворец для проведения конгрессов и других массовых общественных мероприятий.

[7] Так в Тель-Авиве называют причал яхт-клуба и прилегающие к нему сооружения.

[8] Значительную часть рабочих-иностранцев в Израиле, занятых обычно в строительстве, составляют в последние годы румыны.

[9] Всю ночь работаем, работаем (англ.).

[10] Знаменитая фраза, которую произнес в эфире командовавший подразделением десантников генерал Мордехай Гур сразу после того как на завершающем этапе Шестидневной войны (1967 г.) израильские парашютисты выбили иорданские части из Восточного Иерусалима и вышли к Стене плача.

[11] «Мэрэц» – левосионистская политическая партия.

[12] Яаков Агам (р. 1928 г.) – известный израильский скульптор и дизайнер, приверженец «кинетического искусства». Создал ряд сооружений и скульптурных композиций, призванных влиять на чувства зрителей всеми средствами – цветом, световыми и звуковыми эффектами, а также движением составляющих частей. Одно из его наиболее известных творений – светомузыкальный фонтан на площади Дизенгоф в Тель-Авиве. Многие годы художник живет в Париже.

[13] Известный израильский актер эстрады и кино, популярный ведущий развлекательных программ на телевидении.

[14] Ведущий радио- и телепередач.

[15] Компания, осуществляющая выпуск и финансовое обеспечение банковских пластиковых карточек.

[16] Один из самых популярных у израильской молодежи рок-певцов, зачастую эпатазирующий публику своими манерами и внешним видом.

[17] Понимаешь? (идиш).

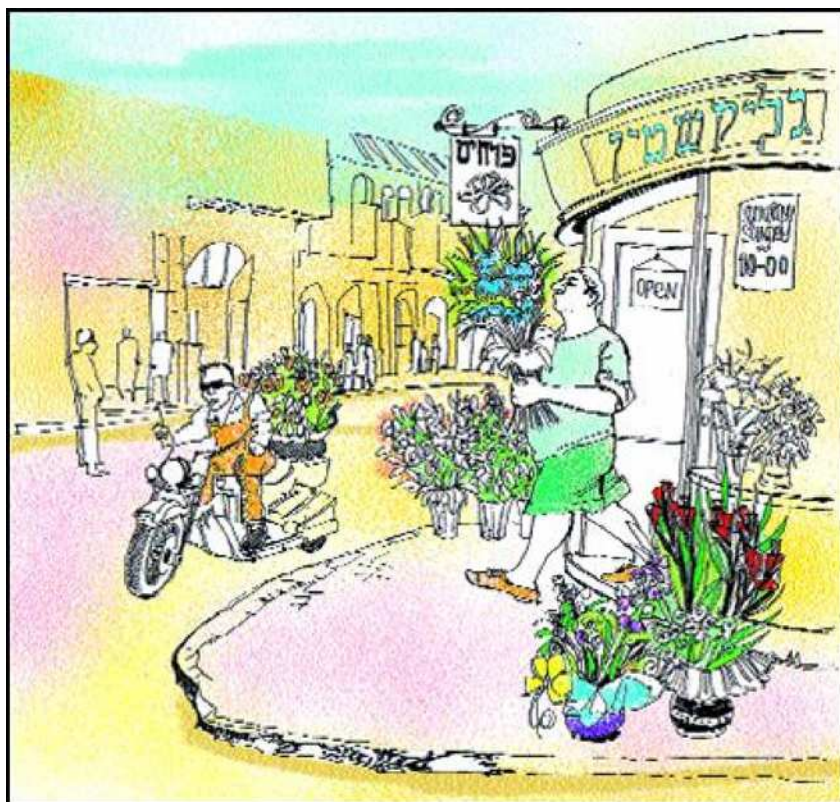
ЗОЛОТАЯ БАШНЯ

Àààä I ääëèø

В цветочном магазине Гликштейна на площади царя Саула дела идут хорошо; на приятной сумме оборота не сказывается ни время года, ни колебание курса тель-авивской биржи, ни стрельба на границе. И если народ не осаждает прилавок и не расхватывает тюльпаны с орхидеями – и не надо: устойчивые доходы обеспечиваются заказами для Золотой башни.

Как появилось в обиходе это название – «Золотая башня» – уже едва ли кто достоверно припомнит. Верней всего, запали кому-то в голову другие два слова, мелькающие то и дело на легких страницах газет и рекламных проспектов – «Золотой возраст» – и, чуть подправленные и подредактированные, прилепились-припечатались к трехэтажному дому престарелых, выглядывающему на улицу пророчицы Деборы из эвкалиптовых и пальмовых зарослей. Но, вполне возможно, не осталось в стороне и иное обстоятельство: эта богадельня стояла среди мраморных особняков богатой Герцелии, и проживание в ней, в двух шагах от морского прибоя, влетало старикам или их детям в золотую копеечку.

Так или иначе, но никого из клиентов в их золотом возрасте, ни шуструю обслугу, ни, тем более, владельца заведения г-на Шая Фрумера не занимал вопрос – а зачем, собственно говоря, и чего ради понадобилось собирать под общей крышей стариков и старух, связанных между собой лишь одним, уже истончавшим и истрепавшимся шнурком – возрастом. А больше их ничего не объединяло – ни любовь к морю или эвкалиптам, ни тяга к игре в домино. С тем же успехом можно было собрать в одном

питомнике только рыжих или только кривых, или только рожденных от еврейской матери. Да что там пигмент или инвалидность! Еще полшага, еще шажок – и можно представить себе облезлых попугаев с кисточкой над горбатым шнобелем в сетчатой вольере или угрюмых козлов за колночей проволокой, пусть даже и позолоченной... Прекрасная пестрота мира никак здесь не проступала. Улица пророчицы Деборы день за днем текла мимо Золотой башни, омывая ее розовые вялые стены, прочные, как память о башне Вавилонской.

Проволока, правда, не вилась вокруг богадельни, а красиво темнела изгородь – кипарисы вперемежку с зелеными шарами стриженного кустарника. Пересекать декоративную межу не возбранялось обитателям богадельни, но никто из них не выходил и не выезжал в креслах-каталках в сопредельный мир, на волю. Старики, числом около тридцати, бо́льшую часть дня проводили в гостиной второго этажа с полукруглым застекленным фасадом, выходящим во двор. Песчаная площадка двора с четверкой финиковых пальм, с клумбой посередине, упиралась в кипарисы и шары забора, за которым открывалась улица пророчицы Деборы. Впрочем, открывалась она взглядам лишь тех, кто глядел в окна полукруглой гостиной, из прохладного кондиционированного пространства. Из-под пальм двора, пропеченного солнцем, улица не просматривалась, зато слышен был накатывающий шум проезжающих автомобилей и голоса редких пешеходов.

Во дворе, на пластмассовых дачных стульях, содержались с девяти утра до пяти часов пополудни приходящие старики. Этих стариков, как детей в садик на продленку, приводили и забирали родственники. Приходящие, таким образом, ни в коей мере не являлись полноправными жильцами Золотой башни: они гнездились у ее подножья, на птичьих правах. Их взлет на второй этаж в полукруглую гостиную означал бы кардинальную смену финансовых ориентиров; такое могло бы им привидеться разве что в беспокойных старческих снах. Но сны о чудесном неожиданном обогащении – свалившийся с неба под ноги мешок золота или клад в глиняном горшке – не тревожили приходящих стариков: им мерещились голубые тихие холмы, по которым гуляли вежливые юноши и девушки с крыльями из белых перьев за спиной. Клады и золотые мешки снятся молодым.

Потeya под пальмами на дачных стульях, старики неприязненно поглядывали на медовые стекла второго этажа. Да и из-за стекол глядели на нижних приживал без всякой симпатии: по мнению обитателей Золотой башни, г-н Шай Фрумер, владелец, мог свести концы с концами и без дополнительных доходов.

День в богадельне начинался с раздачи лекарств. Очередь постояльцев выстраивалась в холле, у мраморного розового барьера, похожего более на стойку в лобби хорошего отеля. Медсестра в белом накрахмаленном халате раздавала приготовленные с вечера именные пакетики с разноцветными таблетками; работа шла споро. Этот ежеутренний ритуал, в затылок за которым следовал первый легкий завтрак, открывал собою новый день, к исходу которого начинали неспешно готовиться уже с обеда.

Раздаче лекарств, носившей скорее символический характер, чем лечебный, предшествовала, как взлет занавеса перед началом театрального действия, непременно встреча у розового барьера двух ветеранов заведения; она и открывала накатанный ход утреннего времени. Первым появлялся в холле, в своем кресле с никелированными колесами, поджарый старик в сером костюме в полоску, в галстукe сливового цвета и черной фетровой шляпе. Немедля, как по указке режиссера, въезжала на украшенной голубым бантом каталке прямо сидящая старуха с красивым строгим лицом; в ее серых ссохшихся ушах, под гладко зачесанными волосами, посверкивали разноцветными искорками бриллиантовые серьги. Старик решительно направлял свое кресло в сторону, пропуская даму. Так, гуськом, они и подъезжали к розовому барьеру, на котором стоял умело подобранный букет цветов в хрустальной вазе, и краснели, желтели, зеленели южные фрукты на подносе. В ожидании сестры, которая вот-вот должна была появиться, мужчина снимал шляпу со старой головы, помещал ее на колени и обращался к женщине:

– Позвольте представиться, моя госпожа: Реувен Гилад.

Женщина медленно поворачивала голову к учтивому соседу и окидывала его доброжелательным, но строгим взглядом когда-то синих глаз чистой воды:

– Лея Текоа. Приятно познакомиться...

Он был прославленным поэтом, она – знаменитой актрисой. Вся их жизнь прошла в одном кругу, в тесном общении. В свое время, в прошлом веке, поговаривали, и довольно громко, о быстролетном ярком их романе, результатом которого явилась общая дочь. С течением времени разговоры заглохли, а дочь затерялась в мире или умерла.

Забывчивость стала уделом многих под черепичной крышей богадельни. Приходящие старики, обойденные социальным равенством, были в этом отношении менее уязвлены, более стойки. В один прекрасный день они просто не являлись в назначенный час в пальмовый дворик на улицу пророчицы Деборы, уходили из круга живых, так и не испытав провала памяти – этой имитации иной, неведомой жизни. Вполне вероятно, что и этот недовес – в их неприязни к обеспеченным всем и сполна жителям Золотой башни – представлялся им побочным проявлением несправедливости мира.

А многочисленная родня золотобашенных стариков не отличалась забывчивостью. Не выпадало такого дня, когда рассыльные из цветочного магазина Гликштейна не въезжали бы на своих красных мотороллерах во двор богадельни и, обдав приходящих стариков на их дачных стульях облаком пыли и песка, не взбегали бы с букетами и корзинами в руках через две ступеньки на крыльцо Башни. Цветы и коробки конфет исправно доставлялись сюда по всякому поводу – в дни рождений и годовщин свадеб и смертей, в государственные и религиозные праздники, отмеченные в календаре красным числом. Да и без повода являлись сюда глишштейновские посланцы в ярких шлемах и желтых кожаных перчатках: просто у сыновей и дочерей, племянников и внуков с внучками вспыхивала вдруг, ни с того ни с сего, душевная необходимость поделиться со своими стариками радостью жизни. Конфеты и цветы почему-то являлись принятым эрзацем этой радости – а не книги или, скажем, певчие птицы в клетках из серебряной проволоки с золотым висячим замочком.

Не чаще, но и не реже других получал свои подарки Мендл Лубоцкий; счет им, собственно говоря, никто и не вел, кроме г-на Гликштейна, владельца цветочного магазина на площади царя Саула. Восемидесятитрехлетний Мендл передвигался по богадельне на своих ногах, собственными силами; помощником ему служил лишь алюминиевый ходунок с черными резиновыми копытцами. Когда-то, век назад, Лубоцкие владели лесными массивами на Украине, а в темном 17 году, не дожидаясь прихода большевиков, семья переехала в Бразилию. Там, в солнечных краях, дед Мендла со знанием дела взял в концессию дикие заросли вдоль реки Амазонки, поставил лесопилню, мебельные и картонажные фабрики. Денег было много, а стало еще больше. На бразильских землях Лубоцкого нынешнее государство Израиль могло бы уместиться четыре с половиной раза – этот географический факт Мендл в разговорах с престарелыми собеседниками в полукруглой гостиной второго этажа упоминал не без гордости.

Часть мендловой обильной родни, выйдя из джунглей Амазонки, осела в Рио-де-Жанейро, а сам Мендл с тремя сыновьями переехал на историческую родину, в тель-авивское предместье Савион, заселенное миллионерами. Особняк, выстроенный в форме гасиенды, можно было смело занести в реестр памятников архитектуры, открываемый римским цирком в Кесарии и иерусалимской крепостной стеной, опоясывающей Старый город. Во внутреннем дворе гасиенды своевольный старик Мендл завел кур, гусей и – что самое неприятное – пару поросят. Такая любовь к животному миру привела к конфликту с

соседями, а затем и в самой семье: вначале взбунтовалась религиозная жена младшего сына, затем в ссору вошел, как нож в сырую землю, вспыльчивый и упрямый первенец. В результате жизнь в доме приобрела неприятный характер, и Мендл с легкой душой съехал из гасиенды в Золотую башню, в двухкомнатный «люкс» с видом на улицу пророчицы Деборы. Богадельня пришлась Мендлу по вкусу, и через неделю после водворения ему доставили из Савиона памятные предметы: чучело кровожадной рыбы пираньи, картину с изображением лесопилки реалистического письма и благодарственную грамоту президента страны за щедрые пожертвования в золотой рамке. Поросят отвезли в закрытой наглухо машине в некошерный кибуц «Мизра», кур и гусей зарезали. Все встало на свои места, и жизнь размеренно потекла дальше – мимо савионской гасиенды, вдоль забора кибуца «Мизра» и по улице пророчицы Деборы, на которую глядела поверх декоративного забора Золотая башня.

Тот очередной день, о котором пойдет речь, ничем не отличался от других: поэт представился актрисе, раздача лекарств состоялась, а проходящие старики расселись на своих стульях. Вскоре после десяти раздался знакомый треск мотороллера: приехал первый рассылный. Протопав по лестнице, ведущей на второй этаж в гостиную, он приподнял забрало пунцового шлема и объявил:

– Господин Зисман! Распишитесь в получении.

Приняв тяжелый букет гладиолусов, старик Зисман в легком тропическом пиджаке расписался и извлек из чащи букета записку в нарядном конвертике.

«Дорогой папа, – вслух прочитал Зисман, – поздравляю тебя с 84-летием. К сожалению, не смогу приехать – должен присутствовать на совещании Совета директоров. Живи всем нам на радость до 120! Твой сын Ицик».

Прочитав, Зисман вложил записку в конвертик, а конвертик сунул в карман тропического пиджака.

– Хороший сын, – сказал Зисман. – Дай Б-г всем нам такого сына. Но почему он решил, что я забыл, как его зовут? Откуда он это взял? – И Зисман, оглядев слушавших внимательно стариков и старух, пожал плечами.

Лея Текоа медленно повернула голову на прямой сучковатой шее, сверкнули бриллианты в ушах.

– А что, – спросила актриса, – его действительно зовут Ицик? Вы в этом уверены?

– Оставьте! – сказал Зисман и снова пожал плечами, на этот раз раздраженно. – В чем, собственно, мы вообще можем быть уверены?

– Рысь, рысь... – сообщил Мануэль Зильбер из восьмой комнаты. – У нас в Палм-Бич, Флорида, кого крокодил не загрызет, того рысь укусит.

– Чепуха! – вспыхнул и покраснел Мендл Лубоцкий. – Чушь! Нет там никаких крокодилов!

– Есть! – искренне возмутился Мануэль. – Что вы мне тут рассказываете! Да это просто наглость, безобразие какое!

– Не вздумайте затыкать мне рот, любезный, – предостерег Мендл Лубоцкий. – Нет крокодилов. Есть аллигаторы. Ал-ли-га-то-ры! И рысей нет, а только пумы.

– А вы откуда знаете? – вкрадчиво спросил Мануэль. – Все-то он знает, Г-споди ты Б-же мой, владыка небес!

– И все-таки, – поводя руками из стороны в сторону, сказал Зисман, – моего сына зовут Ицик. Тут не о чем говорить.

Дружелюбное урчанье мотороллера донеслось с улицы пророчицы Деборы. Рассыльный взбежал по лестнице, шлем на его голове был сине-зеленый, переливчатый. Из шлема выглядывала мальчишеская физиономия, поросшая рыжей бородой.

– Госпожа Глюк, вам корзиночка! Распишитесь!

В украшенной бантами корзине были уложены красные розы, из них, как остров из морских глубин, выныривала коробка шоколадных конфет.

– Это от моих, – ни к кому в отдельности не обращаясь, сказала Хая Глюк. – Угощайтесь.

– А что пишут? – подъезжая на своем кресле, с любопытством спросил поэт. – Пишут что-нибудь?

Хая Глюк открыла конвертик с картинкой – цветочный сад, гном на валуне – и развернула листок бумаги.

«Дорогая мама, – прочитала Хая Глюк в ватной тишине, – сегодня, в день шестидесятилетия твоей свадьбы с незабвенным папой горячо поздравляем тебя и любим. Пусть твоя жизнь будет сладкой, как эти конфеты! Любящие дети, а также внуки и правнуки».

– Это все? – спросил поэт. – А на обратной стороне ничего нет?

– Нет, ничего, – взглянув, сказала Хая Глюк и пожала плечами. – Просто дело в том, что у меня сахар, и я уже семнадцать лет не ем шоколадных конфет.

Надвинув шляпу на лоб, как в ветреную погоду, поэт отъехал на своем кресле.

– Милочка! – позвала Хая Глюк. – Будьте любезны!

Медсестра подошла, лавируя между стариками.

– Отнесите цветы в мою комнату, – сказала Хая, – а конфеты раздайте там, внизу.

Там, внизу, расположившись на своих дачных стульях, проходящие старики разворачивали свертки с полдником, принесенным из дома: ломтики курицы, бутерброд с баклажанной икрой. Чаем и кофе проходящих обеспечивало заведение.

Вулодя Маркадер, крепкий старик с покрытым остатками толстых седых волос коричневатым черепом, с янтарными глазами, в которых, вглядываясь на просвет, можно

было, казалось, обнаружить доисторическую мошку или комара, – этот Вулодя с увлечением жевал и перекатывал во рту кружок фаршированной гусиной шейки, запивая еду чаем из пластмассового стаканчика.

– Я, например, пострадал через трикотаж, – свешиваясь к Вулоде Маркадеру со своего пластмассового креслица, сказал плоский старик в синем пиджаке с орденской планкой на лацкане. Орденосец говорил на раскатистом идише, немного даже утробном. – А вы, реб Вулодя?

– А я не страдал, – по-русски, с гладким польским акцентом сказал Вулодя. – Я пел.

– Что? – еще больше свесившись, спросил орденосец. – Пел? Как пел?

Медсестра в белоснежных кроссовках спустилась с лестницы под пальмы и остановилась посреди нижних стариков, как посреди пнистой лесной поляны.

– Вам прислали бонбоньерку, – объявила сестра, поднимая над головой и показывая картонную коробку, схваченную розовой ленточкой. – Приятного аппетита!

– Это не нам прислали, – поправил сестру Вулодя Маркадер. – Это им прислали. И нечего тут заливать... Давайте коробку!

– Я пострадал через трикотаж, – подкислив большое серое лицо, повторил орденосец. – Поверьте мне, я знаю Сибирь. А теперь я жарюсь тут на солнце, и мне хорошо.

– Жарьтесь, жарьтесь, – распутывая розовую ленточку, сказал Вулодя. – Идите в армию, если вам так хорошо.

– Я хочу конфетку, – сказал орденосец. – Дайте.

– А я хочу, чтоб меня позвали наверх, – сказал Вулодя Маркадер, указывая на полукруглую террасу второго этажа. – Но меня никто не зовет.

Обдав стариков теплой золотистой пылью, мотороллер остановился перед лестницей, ведущей наверх. Вулодя молча глядел на рассыльного, взбегающего по ступенькам, своими янтарными глазами. В огненном солнечном освещении рассыльный в красном комбинезоне сам казался языком театрального пламени.

– Цветы для господина Шаула Бен-Дора! – выкрикнул рассыльный, вбежав в гостиную второго этажа. Тяжелый букет роз лежал в руках рассыльного, как толстый ребенок.

– Это мне! – сказал кругленький толстячок по имени Шаул Бен-Дор и, складывая газету, зашуршал страницами. – Давайте сюда. Где расписываться? Здесь? Давайте! – Его голова, присыпанная остатками мягких легких волос, порозовела.

– Читайте! – требовали со всех сторон. – От кого? Кто прислал? – И только актриса из своего кресла глядела на толстяка и его букет со спокойным недовольством.

«Наш дорогой и любимый папа, дедушка и прадедушка! – развернув записку, прочитал Шаул Бен-Дор. – От всего сердца поздравляем тебя с 50-летней годовщиной твоего первого избрания в кнесет. Неотложные дела не позволяют нам прийти к тебе в этот великий день и снова отрывают нас от встречи, а Муля уехал на Сейшельские острова. Будь счастлив и здоров, твоя любящая семья».

– А Муля уехал... – повторил поэт, сбил шляпу набок и решительно отъехал от собрания.

– У меня замечательная семья, – сделав ударение на «меня», сказал толстяк Бен-Дор. – А Муля увлекается подводной фотографией.

– Что же он не увлекается этой фотографией в Эйлате? – сухо осведомилась актриса. – Там тоже можно плавать под водой круглый год.

– У всех замечательная семья, – шлепнув ладонью по столу, сказал Мендл Лубоцкий. – Но как только я завел поросят, они все как с ума посходили. Дети, внуки, невестки – все!

При слове «поросята» присутствующие насторожились и потупились, как будто Мендл Лубоцкий издал неприличный звук. Только медсестра из-за стойки глядела поверх стариков зорко и холодно. И Мендл, почувствовав всю неуместность своего сообщения, угрюмо умолк.

Ривка Лиор, улыбчивая старушка с красивыми ровными зубами – слишком красивыми, чтобы быть настоящими, – никак не отреагировала на происшествие: то ли упоминание поросят ее ничуть не покорило, то ли она была слишком увлечена книгой, лежавшей у нее на коленях, на резном пюпитре. Впрочем, возможно, Ривка Лиор просто не расслышала Мендла Лубоцкого.

– Ну, что там новенького у Эркюля Пуаро? – несколько покровительственно спросил поэт, решивший разрядить обстановку. – Он всех уже переловил, или кто-нибудь еще остался на плаву?

– Нет-нет, это уже не Агата Кристи! – с готовностью улыбнулась старушка Лиор.

– Тогда что же это? – удивился поэт. – Что вы читаете? – Само собою получалось, что ничего, кроме Кристи, старушка читать не могла.

– Это о Тибете, – охотно пустилась в разъяснения Ривка Лиор. – В жизни не читала ничего более увлекательного. Оранжевые монахи, крупа в мешочках и эти дикие горы! И этот воздух, воздух!

– Они там пьют мочу, – неодобрительно сообщил Мануэль Зисман из восьмой комнаты. – Практически каждый день они выпивают по два стакана мочи.

– Тут про это ничего не написано, – сказала Ривка Лиор и улыбнулась немного виновато.

– Мало ли чего там не написано! – поддержал флоридского Зильбера бразильский Лубоцкий. – Да, пьют. И я заявляю это совершенно определенно.

Собрание заметно оживилось, а сестра из-за стойки глядела настороженно. Сообщение об употреблении тибетцами мочи никого не оставило равнодушным.

– А зачем они это делают? – осторожно справилась Лея Гильбоа, актриса.

– Для поддержания здоровья, – дал справку Мендл Лубоцкий. – Для них моча лучше любого антибиотика.

– Раз для них лучше – значит, для всех, – задумчиво сказала Хая Глюк, страдавшая диабетом.

– Многие думают, что это очень полезно, – заметил поэт Реувен Гилад. – Просто некоторые не могут себя пересилить и решиться. – Глядя на Реувена Гилада в его шляпе набекрень, можно было допустить, что сам он не относится к категории нерешительных людей и хоть сейчас готов опрокинуть стакан.

– Я, например, не буду и пытаться, – сказал Мендл Лубоцкий. – Ни за какие деньги!

– Вот и напрасно! – укорил Лубоцкого флоридец Зильбер. – Великий Ганди мог пить мочу, а вы, видите ли, не можете...

– Простите, простите! – подняв свою книжку над головой, вошла в дискуссию Ривка Лиор. – О какой моче идет речь? Об обычной или о коровьей? Да, Махатма Ганди пил коровью мочу и закусывал ее лимоном, я сама читала.

Но вопрос Ривки остался без ответа: вкусы Ганди никого здесь не интересовали.

– Теперь понятно, почему все тибетцы такие выносливые, – сказала актриса из своего кресла. – Жизнь, полная лишений, диктует им свои правила игры.

Нижние старики, осоловев от жары, обмахивались газетами. Без тени, отбрасываемой хрустящими пальмовыми кронами, там было не высидеть.

Дальний треск мотора не привлек вначале ничьего внимания, и лишь когда во двор голубым метеором влетел мотоциклист, распаренные старики подняли на него глаза. Вместо мотороллера под седоком ревел и рычал ослепительный «Харлей», украшенный свешивающимися ремешками оленьей кожи на индейский манер. Вид машины был необычен, производимый ею шум почти невыносим. Водитель в голубом обтягивающем комбинезоне, в украшенном серебряными звездами темно-зеленом шлеме, резко тормознул в воротах, а потом снова дал газ. Старики, выпучив глаза, молча глядели на лихача, на спине которого обнаружилась вцепившаяся наискосок игуана с багровым гребнем на холке. Подъехав к лестнице, ведущей в богадельню, мотоциклист круто, почти на месте, развернулся, и камень размером с кофейное блюдечко вылетел из-под колеса. И орденосный старик в синем пиджаке схватился за скулу. Меж пальцами старика, вдавившимися в дряблую кожу, проступила кровь.

– Хорошо, что не в висок, – повернувшись к пострадавшему соседу, сказал Вулодя Маркадер. – И хорошо, что не в меня... Но жить будешь!

– Что это? – отнимая руку от лица, спросил орденосец. – Камень?

– Нет, пончик! – ухмыльнулся Вулодя.

– Держи его! – закричал орденосец. – Он бросил в меня камень!

Старики загудели, задвигали стульями.

– Вам деньги причитаются, – обрисовала положение бухарская старуха с насурьмленными бровями, – через суд. Только справку надо взять.

– Какую еще справку? – хмуро спросил пострадавший.

– О контузии, – сказал Вулодя Маркадер. – Эй, сестра! Сестра!

– Страховка заплатит, – со знанием дела объяснил хромой инвалид Буним. – Тысяч двадцать. А если б в глаз попало, можно было бы требовать все пятьдесят.

Старики умолкли, прикидывая возможности пострадавшего орденосца и поглядывая на него с уважением.

– Это если б араб кинул, сразу бы дали, – с горечью в голосе сказал старик, сидевший особняком, поодаль. – А так будут тянуть, тянуть...

– Так, может, он араб? – промокая щеку бумажным носовым платком, с надеждой предположил пострадавший. – Он же в шлеме, кто его там разберет!

Тем временем мотоциклист, не оглянувшись на взбудораженных нижних стариков, взбежал по лестнице и распахнул дверь гостиной второго этажа. При нем не было ни цветочной корзины, ни нарядной бонбоньерки в целлофане, а только игуана с гребнем, и это вызывало удивление и нарушало привычный ход событий.

– Господин Ципельзон! – откинув забрало шлема, позвал мотоциклист и оглядел собрание. Но никто почему-то не откликнулся.

– Вон он! – сказала сестра из-за стойки, указывая на тучного старика в чесучовом костюме. Старик Ципельзон страдал болезнью Паркинсона – голова его тряслась, руки ходили ходуном, а живот колыхался под просторным пиджаком.

Мотоциклист, шаркая подошвами высоких шнурованных ботинок, подошел к старику и наклонился над ним. Из-за плеча хозяина игуана цепко глядела на Ципельзона.

– Я – Зевик, твой внук, – приблизив лицо к уху старика, сказал мотоциклист. – Сын Леи. Ну, вспомнил? – Он, как видно, сомневался в памяти деда.

– Зевик, – задумчиво повторил Ципельзон, глядя на игуану. – Какой ты стал большой.

– Я школу в этом году кончаю, – сказал Зевик. – Понимаешь, мне долларов двести вот так нужны! – Он показал жестом, ребром ладони, как ему нужны двести долларов. – Я мимо ехал, дай, думаю, заскочу. А, дед?

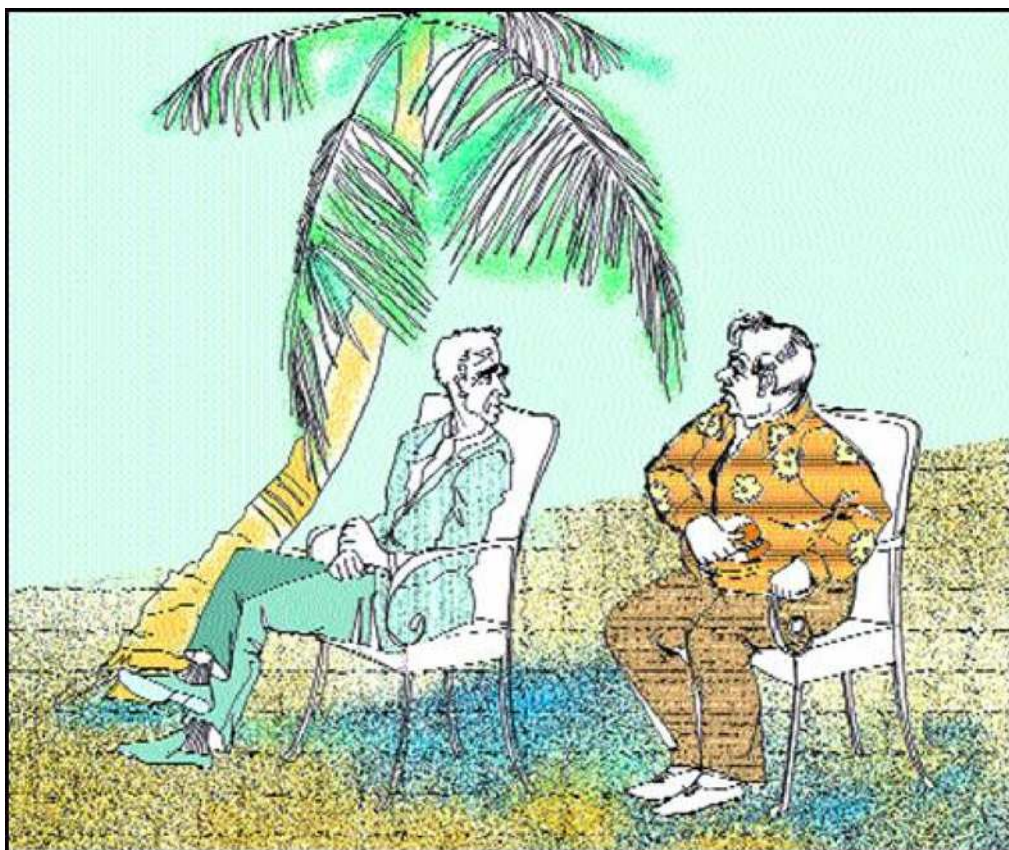
– А зачем тебе деньги? – с интересом спросил Ципельзон. Ему не хотелось отпускать внука. – Мама не дает?

– Не дает, – сказал Зевик. – Думает, что на травку.

– Ты куришь травку? – спросил Ципельзон.

– Ну, как все, – сказал Зевик. – Немного... Дай, дед! Я ведь все равно достану!

Представив себе, как Зевик намеревается доставать деньги, Ципельзон вздохнул и потянулся к карману за кошельком.

– Приходи еще, Зевик! – отслаивая бумажки, сказал Ципельзон. – И передай привет маме!

Зевик наклонился еще ниже – игуана испуганно и яростно вцепилась пальцами в его комбинезон – и прикоснулся губами к ежику белых волос на голове деда.

Минутой спустя взревел внизу мотор мотоцикла. Нижние старики, глядя на отъезжающего, опасливо прикрылись локтями и газетами.

А наверху, в гостиной, Ципельзон объявил:

– Этой мой внук! Видели, какой красавец? Он опять приедет на той неделе.

Старики молчали. Они завидовали Ципельзону до сжатия сердца, до комка в горле.

В неподвижной тишине прошелестела перелистываемая страница книжки: улыбчивая Ривка Лиор, укрепив томик на пюпитре, блуждала среди диких тибетских гор и своими безупречными зубами грызла дзампу из кожаного мешка.

– Вы только послушайте! – положив ладони на книгу, воскликнула Ривка.

– Что там еще случилось? – подъезжая на своем кресле, угрюмо спросил поэт.

– Эти тибетцы просто преступники, бандиты! – в крайнем волнении продолжала Ривка Лиор. – Вы только представьте себе, что они вытворяют со своими стариками!

– Ну, что? – спросил Мануэль Зильбер из восьмой комнаты.

– Когда старики начинают болеть, дети тащат их на вершину ближайшей горы! – сообщила Ривка и улыбнулась жалкой улыбкой.

– Какие дети? – спросил Зильбер.

– Точней говорите! – потребовал Мендл Лубоцкий.

– Их! – всплеснула руками Ривка Лиор. – Их собственные дети! Они бросают своих родителей на горе, а потом прилетают орлы и... и...

Известие о тибетских стариках, брошенных птицам на расклев, произвело на собрание сильное впечатление. Каждый поместил себя на место брошенного старика, увидел дикое солнце в фиолетовом небе, услышал свист крыльев пикирующих орлов.

– Не может быть! – подвела черту Лея Гильбоа, актриса. – А куда смотрят власти?!

– Но вот тут написано! – Ривка сняла книгу с пюпитра и подняла ее над головой.

– Это чудовищно! – упавшим голосом сказал Мануэль Зильбер. – Мы должны протестовать. К нам прислушаются!

– Давайте устроим демонстрацию! – внесла предложение Ривка Лиор и улыбнулась искательно.

– Нет, нет! – досадливо отмахнулся Мендл Лубоцкий. – Где ее устраивать? Перед кнесетом? Глупости!

– Нет, не глупости! – тряся головой, вмешался Ципельзон. – Перед китайским посольством! Нам хорошо, а им плохо. И мы ровесники несмотря на национальность.

– Надо написать обращение, – нервно разъезжая по гостинной, предложил поэт Реувен Гилад. – И я скажу вам, куда: в ООН! И все подпишем!

Мендл Лубоцкий собрался было возразить, но передумал: предложение поэта всем пришлось по вкусу.

– Кто будет писать? – спросил Мендл.

– Давайте я! – сказала Ривка Лиор. – У меня почерк хороший.

– Я продиктую, – сказал поэт и решительным движением надвинул шляпу на лоб. – Сестра, бумагу!.. Пишите: «Господин генеральный секретарь! Мы искренне

возмущены положением, создавшимся в горных районах Тибета. Пожилые люди подвергаются неслыханным издевательствам со стороны своих ближайших родственников: брошенные в горах, больные и обессиленные, но еще живые, они становятся добычей хищных птиц. Мы, израильтяне “золотого возраста”, выражаем в этой связи решительный протест и требуем немедленного пресечения кровавого безобразия. Завершая свой земной путь в теплой атмосфере внимания и любви, мы с содроганием следим за страданиями наших тибетских сверстников. “Уважай отца своего и мать свою” – этой нашей заповедью обязаны руководствоваться все жители планеты, и Вы, господин генеральный секретарь, первым должны выступить в защиту человечности». Сестра, спуститесь вниз, пусть они там тоже подпишут.

– Вы им лучше сами все объясните, – уклончиво сказала сестра из-за стойки. – Сейчас кого-нибудь оттуда пригласим.

Вулодя Маркадер никогда не бывал в гостиной второго этажа. Подъем по лестнице не показался ему тяжким.

– Присаживайтесь! – услышал он, переступив порог гостиной.

Воздух в комнате был прохладен, кондиционер работал почти неслышно. Вулодя, проходя, глянул в окно. Нижние старики сидели на своих стульях, уставившись на стеклянный фасад гостиной. Вызов Вулоди наверх удивил и растрожил стариков под пальмами. Трудный выдался нынче денек: жара, камень угодил в орденосца, а теперь Вулодю Маркадера вызвали.

– Вот, пожалуйста, – сказал поэт, подъехав к Вулоде. – Прочитайте! – И протянул аккуратно исписанный лист.

Вулоде Маркадеру приятно было сидеть в верхней гостиной; он читал не спеша, шевеля губами.

– Ну и что? – прочитав спросил Вулодя.

– Мы предлагаем вам подписать это обращение, – веско сказал Реувен Гилад. – Вам и всем вашим товарищам.

– Да нам какое дело? – пожал плечами Вулодя. – Может, у них так положено, у этих тибетцев. А мы вон третий месяц просим: поставьте тент, а то солнечный удар кого-нибудь хватит, люди-то старые, слабые... Так что ж нам – тоже в ООН писать?

– Значит, вы отказываетесь поставить свои подписи? – глядя с вызовом, спросил поэт.

– Ну, подписать можно, – согласился Вулодя. – Почему не подписать?

– В трех экземплярах надо подготовить, – сказал Мануэль Зильбер из восьмой комнаты.

Рассыльный с большим букетом роз, украшенным бантиками и лентами, чуть было не сшиб Вулодю Маркадера с ног: молодой человек подымался по лестнице бегом, а

Вулодя спускался с оглядкой. Нижние старики, не спускавшие глаз с лестницы, встретили столкновение

озабоченно.

Распахнув дверь гостиной, рассыльный объявил:

– Цветы для господина Вайса!

Сестра перегнулась через свою стойку и произнесла негромко, но внятно:

– Дайте сюда!

– А господин Вайс где? – шагнув к стойке, спросил рассыльный. – Тут записка, видите? «Папа, счастливого дня рождения».

– Давайте сюда, – настойчиво повторила сестра.

– У нас так не полагается, – сказал рассыльный. – Только в руки, под расписку.

– Господин Вайс умер сегодня ночью, – сказала сестра. – Я распишусь. – И плавным, быстрым движением убрала букет под стойку.

Зюсс Оппенгеймер

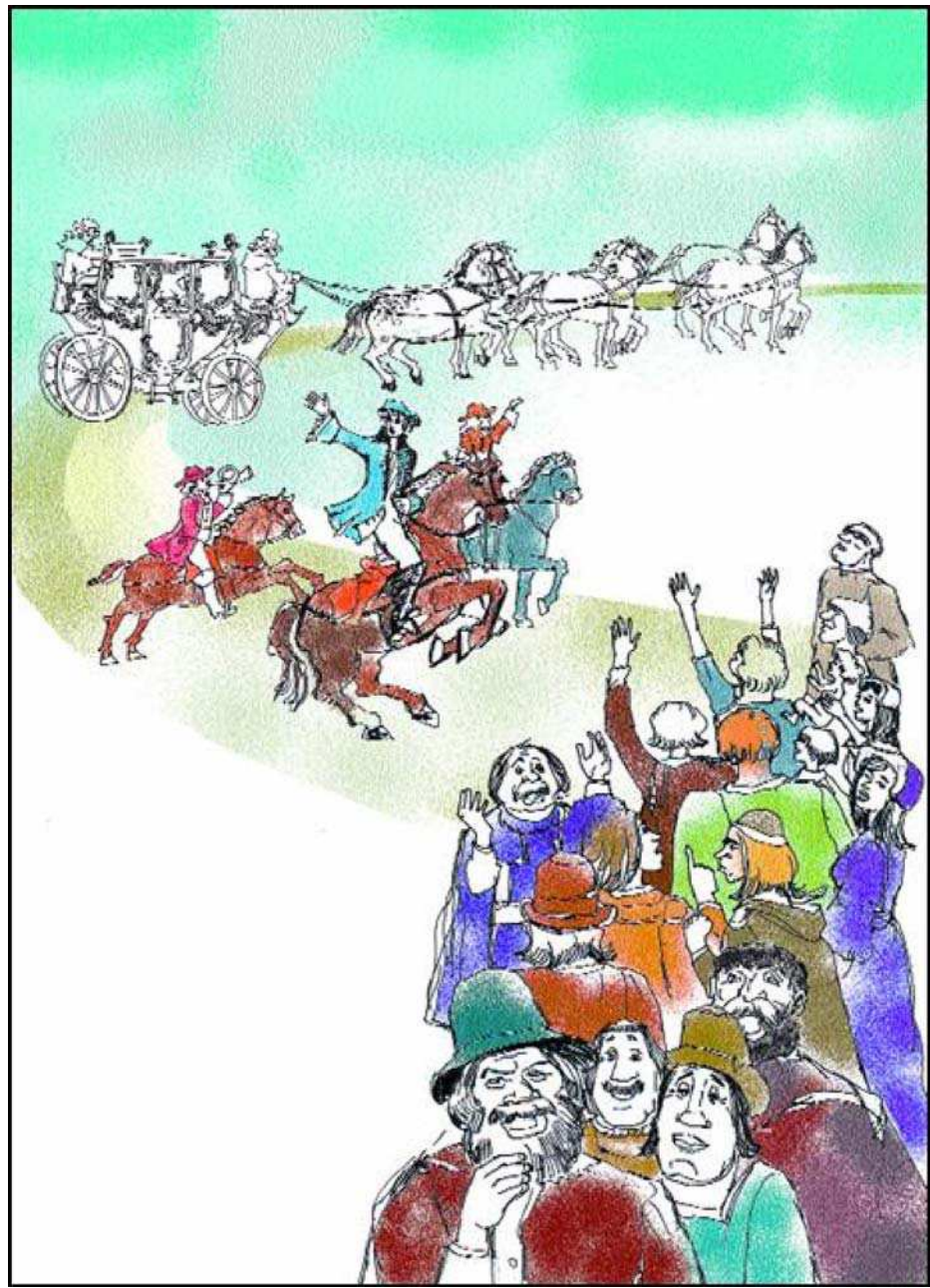
יְאֹדֶסֶן עֲאִי אִי

יְדִיאִיעֶאֱאִי עֲאִי אִי אִי אִי 120-122

Глава десятая

Новый герцог и его еврей

На улицах Штутгарта звонили колокола. Время от времени слышалось глухое уханье пушек, возвещавших вступление нового герцога Вюртембергского, прославленного воина Карла-Александра, в столицу его государства в сопровождении жены, детей и многочисленной свиты. Люди толпились по обеим сторонам городских улиц. Все хотели видеть нового герцога, о храбрости и мужестве которого уже были наслышаны. Все тешили себя надеждой, что после трудных времен, кои

довелось им пережить под владычеством прежнего герцога, теперь начнется новая эра справедливости, богатства и благополучия.

Герцогскую карету, запряженную шестеркой породистых лошадей, встречали криками: «Да здравствует Карл-Александр! Да здравствует герцог Вюртембергский – герой-победитель турок!»

Городские дома сотрясали звуки ликования, заглушавшие подчас и гром пушек, и звон колоколов. Хорошее впечатление произвел на горожан и тот важный господин, одетый в гражданское платье, что сидел по правую руку от герцога. Его черты лица, выдававшие восточное происхождение, не оставляли ни в ком сомнений относительно его личности – то был придворный поставщик герцога, неоценимый еврей Зюсс Оппенгеймер, чье имя уже было известно в стране.

После торжественной и столь сердечной встречи на улицах города герцог принимал в своем дворце представителей дворянства и различных сословий. Первым явился перед герцогом граф Гревениц, испытанный премьер-министр прежнего герцога и брат печально известной графини. Он склонился в глубоком поклоне и провозгласил:

– Ваше сиятельное Высочество, герцог Вюртембергский, благородный и милостивый! Как ваш верный раб и от имени правительства...

– Кто такой, как зовут? – прервал его герцог.

– Верный слуга Вашего Высочества, премьер-министр, – пролепетал дрожащий от испуга граф.

– Что?! – взревел герцог. – Так это тот самый Гревениц, брат узурпаторши, которая явилась на мою милую родину, чтобы подрывать ее устои? И он еще осмелился показаться мне на глаза! Арестуйте его! Уберите его от меня! Отправьте его в Гогенвильскую тюрьму!

В мгновение ока несколько стражников окружили человека, обладавшего до этой минуты непререкаемой властью в стране, отобрали у него шпагу и надели на руки кандалы.

– Он предстанет перед судом! – добавил герцог. – В крепости Гогенвиль он будет ожидать, пока мое доверенное лицо произведет ревизию его бумаг. Суд будет скорым и справедливым.

Ужас сковал всех присутствующих. Граф Гревениц выглядел помертвевшим и онемевшим. Так и не произнеся ни слова, на заплетающихся ногах и под усиленным конвоем он был выведен из дворца.

Затем, охваченные страхом и волнением, приблизились церковный глава преподобный Теффингер и бургомистр Ленбек, чтобы приветствовать герцога от имени духовенства и горожан. Они отвесили глубокий поклон, но не находили от страха нужных слов для заготовленных приветствий.

– Кто вы? – спросил герцог. Оба представились.

– А! Вы, собственно, представители того самого духовенства и тех самых граждан, которые требовали от меня обязательств и, не веря моему слову чести, хотели гарантий разных государств! Что за глупость! Вы что, всерьез полагаете, что Англия или Дания объявят мне войну, захоти я обратить вас в католичество? Разве непонятно, что времена, когда государства и народы вели религиозные войны, давно прошли? В наше время ни одно государство не интересуется религиозными делами своих соседей. Собственно, у вас с самого начала не было никакого повода опасаться за свою протестантскую веру. Я не стал бы никому навязывать католическую веру безотносительно к каким-либо обязательствам или гарантиям. Вы сможете убедиться в искренности моих слов, когда я буду подбирать министров для своего кабинета. Протестант в моем окружении будет для меня непереносим, с другой стороны, я не могу передать бразды правления в руки католика, дабы не возроптали обеспокоенные граждане, как будто их вера в опасности. Поэтому я решил поставить во главе правительства еврея.

– Еврея? – проблеял Тефингер в ужасе. – Его Высочество, конечно же, шутит! Сын проклятого народа, презираемого и попираемого во всем мире!

– Да, чтоб вы провалились, предатели и заговорщики! – вскочил герцог в гневе. – Разве я не ваш государь? Я требую дисциплины и повиновения! Я вправе выбирать себе министров по своему усмотрению! По этому поводу я не давал никому никаких обязательств. И если вам это не нравится – да хоть утопитесь! Вы что, не видели, какая судьба постигла Гревеница? В крепости Гогенвиль достанет места для всех предателей и заговорщиков!

Тефингер немедленно повалился на колени и стал униженно целовать руки герцога.

– Встать! – заревел герцог. – Терпеть не могу подобных представлений!

Тефингер вскочил и застыл в обиженной позе.

– Ну, говори, что у тебя на уме! – сказал герцог.

– Ваше Высочество! – начал Тефингер со слезами на глазах. – Смилуйтесь! Не навлекайте на страну такого позора! Не ставьте правителем над нашей страной еврея, который умертвил нашего Спасителя!

Герцог заржал во всю глотку.

– Зюсс! – позвал он.

Зюсс вышел вперед и поклонился.

– Слыхал, Зюсс, в чем обвиняет тебя прелат? – спросил герцог, все еще смеясь. – Скажи же что-нибудь в свое оправдание!

– Господин прелат, – обратился Зюсс к Тефингеру, – не скажете ли вы, какой нынче год по вашему летосчислению?

– Нынче у нас тысяча семьсот тридцать третий год, – отвечал удивленный пастор.

– Так не будет ли прелат столь любезен посмотреть на меня и сказать, возможно ли утверждать, что мой возраст достигает тысячи семисот с лишним лет? А если нет, то нельзя ли утверждать на этом основании, что я никак не имел возможности совершить вышеозначенное злодеяние, разве не так?

– Bravo, Зюсс, bravo! – загоготал герцог, еще больше развеселившись. – Преподобный может не беспокоиться на этот счет. Я честью своей ручаюсь, что Зюсс не имеет никакого отношения к умерщвлению нашего Спасителя. Зюсс ведь моложе меня, а живи я в те времена, я бы бросился на Иерусалим во главе своих армий и не допустил бы подобного злодеяния!

– А вы, господин бургомистр, – обратился Зюсс к Ленбеку, – соблаговолите передать гражданам мое сердечное приветствие. Скажите им, что я буду для них милостивым правителем, покуда они будут верны мне и послушны моей воле.

– Ваше Высочество! – заговорил Ленбек. – Дозвольте вашему покорному слуге лишь только заметить...

– Все! – оборвал его герцог. – Ни слова больше! Аудиенция закончена!

Господа вынуждены были ретироваться из залы в смущении и недоумении.

Известие о назначении премьер-министром еврея с быстротой молнии распространилось по всей стране и положило конец ликованию, царившему в народе по поводу заключения в тюрьму графа Гревеница. Чтобы хорошо представить себе всю горечь и ужас, которые вызвало это известие, нам необходимо как следует проникнуться духом той эпохи. В то время евреи были лишены всяких прав. Повсеместно находились они в жесточайшем угнетении и подвергались гонениям и насмешкам. Евреям было запрещено селиться в большинстве вюртембергских городов. Почти все евреи были вынуждены жить мелкой торговлей, поскольку не имели права владеть землей или серьезным имуществом. Во многих местах евреи должны были платить специальный подушный налог, чтобы получить право на жительство. В те времена поставить еврея во главе правительства было делом нешуточным. К позору и насмешкам примешивался еще и страх, или, точнее говоря, унижения и насмешки и были причиной этого мистического необъяснимого страха перед евреями, чей духовный уровень был несравненно выше уровня враждебно настроенного окружения. Все тем не менее живо обсуждали это событие и в страхе спрашивали: «Какой нынче будет судьба Вюртембергского герцогства? Видимо, теперь страну захлестнет непрерывный поток еврейских беженцев со всего света, которые переполнят страну, займут все важные посты и вытеснят христиан отовсюду». Таким образом, было совершенно ясно в свете подобных настроений, что даже правь Зюсс со всей справедливостью и благородством царя Давида и со всей мудростью царя Соломона, – ему не удалось бы приобрести симпатии встревоженных граждан и переломить их недоверие.

Закончив все дела, связанные со вступлением в должность премьер-министра и министра финансов и познакомившись как следует с положением дел, Зюсс явился к герцогу, чтобы представить ему свою программу будущего развития.

– Ваше Высочество! – начал он. – Путем введения режима разумной и взвешенной экономии мы могли бы за несколько лет собрать сумму, необходимую для ликвидации наших долгов.

– Что?! – вскричал герцог. – Разумная экономия?! Опять я должен себя ограничивать? Закабалить мою жизнь! Жаться и считать гроши! И это советуешь мне ты, Зюсс! И за этим я так стремился к герцогскому трону все эти годы! Для этого я преодолевал бесчисленные трудности, для этого провел годы в неопределенности, терпел неудобства, чтоб теперь начать жить в скромности и экономии? Да само понятие об этом было мне глубоко чуждо еще тогда, когда я был бедным претендентом без особых перспектив! Нет, Зюсс! Я хочу, чтобы все долги были немедленно ликвидированы и чтобы остались также деньги в количестве, достаточном для удовлетворения всех моих прихотей, чтобы содержать оперу, чтобы пригласить в Штутгарт известных певиц и певцов, танцовщиц, клоунов и циркачей, чтобы устраивать увеселения, подобных которым жители города еще не знали. Я желаю извлечь максимум удовольствий из своего положения. Именно за этим я так стремился к герцогскому трону. А ты являешься пред моими очами, чтобы предложить мне жизнь в скромности. Стыдись, Зюсс!

– Милостивый господин...

– Ничего не желаю слушать! Ты так хорошо умел добывать для меня деньги из ниоткуда, а теперь, когда перед тобой открыта возможность черпать полными горстями, у тебя вдруг опускаются руки!

– Милостивый господин! Вам ведь известно, что наши граждане жестоко мне завидуют и питают ко мне самую черную ненависть уже сейчас, так что же будет, когда я начну...

– Довольно! Я здесь государь! За всем, что ты делаешь, стоит моя воля, и вся ответственность ложится также на одного меня! Я дам тебе специальную бумагу, скрепленную герцогской печатью, которая освободит тебя от малейшей ответственности за все, что тебе придется предпринять теперь или в будущем. Теперь ты доволен?

– Я всегда был и остаюсь покорным слугой Вашего Высочества.

– Ну, а коли так, раздобудь-ка первым делом деньги на покрытие долгов.

– Граф Гревениц, заключенный в крепости, предложил нам все свое имение в обмен на его освобождение. Он оставит себе лишь пятьдесят шесть тысяч золотых. На этой сделке мы заработаем примерно тысяч двести.

– Замечательно. Действуй.

– Ваша милость может также конфисковать имения его сестры-узурпаторши, которая скрылась в Гейдельберг. Тогда мы сможем разделаться со всеми долгами.

– Замечательно. Покончи и с этим. А затем позаботься о том, чтобы удвоить и утроить мои доходы. Я желаю жить в приятности и удовольствиях.

И Зюсс исполнил все повеления своего господина. Он проявил недюжинные способности в изобретении новых налогов и податей и в обложении ими населения. Его имя стало ужасом и проклятием в устах всех граждан государства, но его господин был им совершенно доволен.

Глава одиннадцатая

В плену алчности

Прошел год. Герцог Карл-Александр достиг, наконец, предела мечтаний. Теперь у него был двор, – роскошный, в собственном вкусе. В Штутгарте был построен новый оперный театр, и герцог щедро оплачивал выписанных из-за границы певцов и актрис – из собственной казны. Балы, приемы и маскарады непрерывно сменяли друг друга – это была настоящая феерия. Все были обязаны участвовать в увеселениях. Так что и придворным чиновникам, и знати приходилось вести жизнь безумную, роскошную. Тех, кто все-таки осмеливался пренебрегать придворными балами, ожидало суровое наказание – герцог просто лишал их четвертой части годового дохода. Все летние месяцы Карл-Александр проводил в Людвигсбурге – это был Вюртембергский Версаль. Все было там: праздничные фейерверки, итальянские ночи и прочие, прочие увеселения...

Роскошь, конечно же, требовала расходов, расходов и еще раз расходов. И на плечах Зюсса лежало бремя пополнения герцогской казны. Нелегкое бремя. И заикнуться в присутствии герцога о том, каких усилий это ему стоит и какой ценой достается, было немислимо. Если уж Карл-Александр начинал постукивать по золотой шкатулке, которая всегда была у него под рукой, все знали: жди гнева! А уж герцог даст ему волю: о, этот ливень весьма крепких выражений – только голову подставляй! Не зря же он был военным. Но пока его прилежный министр финансов без лишних слов выполнял все его требования, он был у герцога в фаворе, что выражалось не только в ласковых взглядах и приятных словах. То были и дорогие подарки. Так оказался Зюсс в весьма зависимом положении. Чтобы выполнить то, что он него требовалось, ему приходилось идти на все, не брезгуя даже самым неблагоприятным в глазах людей. Кончилось тем, что имя его покрылось позором. Вся страна его ненавидела и презирала. С самого начала Зюсс возложил на все население налоги и подати, – какие только возможны и невозможны, – только бы утолить жажду золота своего господина. Но и этого оказалось недостаточно. Тогда Зюсс взял под контроль, а точнее – наложил свою лапу на все крупнейшие в стране предприятия, все промыслы: он просто продавал их тем, кто предлагал лучшую цену. Таверны, винодельни, торговля табаком и благовониями и даже трубочисты были обложены податями. При этом все жаждали прибыли и желательно – как можно большей. Подданные подражали разгульной жизни герцога. Все стремились к роскоши и увеселениям, а уж как они добывали эти деньги – один Б-г знает! Страну душили налоги, росла дороговизна, люди нищали на глазах. Экономический паралич был налицо.

Черная ненависть к Зюссу росла. А ведь он был всего лишь послушным орудием в руках герцога. Правда, Зюсс, со своей стороны, тоже ничего не делал, чтобы как-то сгладить или уменьшить эту ненависть. Наоборот, он и сам окружил себя богатством и почестями. Жил он в роскошном дворце, подаренном герцогом. Выезжал в шикарном экипаже, запряженном двумя упряжками красивых, благородных коней. Впереди сидел кучер, одетый в расшитую золотом ливрею, а позади ехали не менее богато разодетые слуги.

Поначалу знать, духовенство и высшие чиновники не стеснялись обнаруживать перед Зюссом свою неприязнь. Однако Зюсс знал, как себя поставить, чтобы нагнать на них страху и тем заставить себя уважать. Так что очень скоро заискивать перед ним, выказывать уважение, сходное с раболепием, стали все, но они же и проклинали его в сердце своем. Были и умники, кто с самого начала понял, куда дует ветер, и они стали

искать расположения премьер-министра еврея. Во всякий день в его приемной толкалось множество самых именитых господ и дам, пришедших просить за себя либо за кого-нибудь из своих протеев. И Зюсс раздавал свои милости щедрой рукой – разумеется, только в том случае, если цена за них была столь же щедрой.

Для наполнения карманов герцога, а заодно и своих собственных, Зюсс завел даже специальные заведения, где продавались государственные посты и должности всякому, кто сможет предложить хорошую цену. Встречались, правда, чрезмерно щепетильные граждане, которые поначалу пытались протестовать против такого позора. Их герцог немедленно повелевал отправить в тюрьму.

Но даже и этих всех преступлений оказывалось недостаточно для наполнения бездонной герцогской казны. Ведь Вюртемберг по тем временам был всего лишь крошечным государством – где уж ему было равняться с роскошью двора Луи XV, которого содержала вся огромная Франция. Тогда Зюсс изобрел особый налог на частное имущество – все без исключения богатые семейства попали под его бремя. Даже прибывающие в страну иностранцы – и те должны были платить этот таинственный «покровительственный» налог.

Зюсс сказочно разбогател на всем этом. Он приобрел в собственность поместья Дунцдорф, Гирлинген и Адренгейм! Полные сундуки золота и драгоценных камней, самые изысканные блюда! Богатство, роскошь, увеселения – вот что теперь было для него ценностью жизни.

Напрасно опасались вюртембергцы, что Зюсс наводнит страну евреями. Зюсс вообще не думал о своих соплеменниках. Случалось поначалу, что кто-то из евреев надеялся и даже искал его благосклонности, но получал суровый отпор – Зюсс отбивался обеими руками. А в антиеврейских дискриминационных законах Вюртемберга он не изменил ни строчки. Чем тверже Зюсс стоял на вершине, тем круче был его эгоизм и тем меньше ему было дела до своих несчастливых преследуемых братьев. По сути, он уже не имел никакого отношения к еврейству – разве только по своему происхождению. Он был теперь настолько далек от Торы и заповедей, что даже не помнил ни Новолетия, ни Судного дня. Он был полностью погружен в жизнь этого мира и совсем не думал о душе. Зюсса не любили за душевный разврат не меньше, чем за его несправедливые государственные дела. Даже своих оппенгеймских родственников он начисто забыл. С тех пор как юноша Зюсс в сопровождении своего покровителя и господина отбыл в Белград, раввин Симха не получил от него ни одного известия. Газеты в те времена выходили небольшими тиражами, их вообще было мало, а уж дороги они были настолько, что далеко не каждый мог позволить себе купить газету. И уж совсем редко залетала какая-нибудь газета в такой крохотный город, как Оппенгейм. Новости в те времена узнавали по большей части от проезжих и приезжих.

Был как-то гостем в доме рабби Симхи такой путешествующий господин. После субботней трапезы рабби Симха завел с ним беседу и поинтересовался, откуда он. Оказалось, из Преденталья.

– А где находится этот город?

– Да в Вюртембергском герцогстве.

– В Вюртембергском? Юдифь, скажи мне, милая, а не при Вюртембергском ли принце состоял Зюсс на службе?

– Ах нет, отец, это был Карл-Александр, правитель Белградский.

– Так он давно уже не в Белграде, деточка, – отвечал гость, – теперь он Вюртембергский герцог.

– Быть может, вы знаете, господин, – спросил рабби Симха в большом волнении, – что случилось с его придворным евреем Зюссом Оппенгеймером?

– Еще бы я этого не знал! Ведь это он, будь он навеки проклят, торчит у герцога премьер-министром и все, что хочет, творит с нами.

– Как сурово вы его проклинаете! Зачем же так!

– Да как же мне его не проклинать? Уж хуже его, по-моему, и быть-то нельзя! Мало того, что он плюет на Шабос и праздники, ест трэфное, так он еще и вор, и прелюбодей, и пальцем никогда не пошевелит, чтобы помочь своим обездоленным братьям. Только позорит наш народ, да привлекает проклятья гоев! Ясно, что скажут про нечестивого еврея: «Вот, все они такие!»

– Да что он такого натворил, этот Зюсс, чтоб вызвать к себе такую ненависть гоев?

– Он нагло обирает население, ведь главное – обогатить герцога ну и самого себя, конечно, не обидеть. Налоги подскочили до небес, это уже невыносимо! Какая там торговля, если некому покупать: дороговизна в стране – невиданная. Люди нищают, а его карманы и сундуки наверное уже не вмещают награбленного.

– Знаете, все, что вы говорите, – меня ужасно огорчает: ведь этот Зюсс – мой племянник.

– Ваш племянник? Простите меня, рабби! Так дурно говорить о вашем родственнике... Простите!

– Ну что вы! Мне не за что вас прощать, ведь вы ни в чем не виноваты! Наоборот, я вам действительно благодарен за вести, пусть и худые, о моем племяннике, исчезнувшем так много лет назад.

Шабос рабби Симха провел в печали и унынии. Напрасно его любимая дочь Юдифь старалась развлечь его и как-то поддержать. Печальные мысли о столь некогда любимом, а теперь вот – непутевом племяннике, не оставляли его.

– Юдифь! – сказал, наконец, рабби Симха дочери на исходе субботы после Авдолы. – Я не нахожу себе места! Не будет, девочка, мне покоя, пока я сам не побываю в Штутгарте! Я должен видеть Зюсса, я должен сказать ему все, что думаю о его жизни! Я просто обязан предупредить его: конец его будет горек и печален, если он только не одумается и не вернется на путь истинный.

– Отец! – отвечала Юдифь. – Погода мерзкая, и ты собираешься в такую даль? А как же я? Я что же, останусь здесь одна?

– Пока меня не будет, поживешь у рабби Давида, что ведает общинными деньгами. Он примет тебя с радостью и ни в чем тебе не откажет. А что до меня, ты,

конечно, права: дорога в Штутгарт длинна и трудна, и погода не самая подходящая, да и я, понятно, уже не молод. Но разве я смогу сидеть сложа руки, зная, что мой родной племянник, моя кровь и плоть, брошен где-то на произвол судьбы! Всю ночь меня грызла тоска – какой там сон! Зато когда-то путь из Бенцлау в Гейдельберг был втрое длиннее, чем тот, что мне предстоит сейчас...

– Отец, но тогда ты был молодым! И потом, вспомни, что из всего этого вышло! Зюсс тебя тоже не послушает! Боюсь, он весь погряз в своих делишках и даже не услышит твоих слов.

– Может, ты и права, дочь моя, но я, по крайней мере, исполню свой долг. Я хочу помочь ему, как когда-то помог его матери. Я буду вопить, как труба, укорять и уговаривать – пусть отворачится он от своих злых дел. Завтра же, с Б-жьей помощью, и отправлюсь в путь. Это мой долг, и я исполню его любой ценой.

Глава двенадцатая

Рав в тюрьме

С тяжелым сердцем отправился рабби Симха в долгий и трудный путь. А ведь дорога из Оппенгейма в Штутгарт в то время занимала много дней. Рабби Симха трясся по разбитым колеям в почтовом дилижансе – это была открытая повозка с жесткими деревянными скамьями, которая плелась не торопясь, то и дело останавливаясь из-за сломанного колеса или соскочившей подковы. Остановки, бывало, длились часами, пока что-то там чинили. Иногда между двумя станциями не было прямого почтового сообщения, и тогда путешественникам помногу дней приходилось ждать оказии.

Когда рабби Симха добрался до Гейдельберга, все давние горькие воспоминания всколыхнулись в нем. Ведь именно здесь, в этом городе, более сорока лет назад искал он свою пропавшую сестру.

– Ой-ей-ей, – сказал себе рабби Симха, – моя бедная сестра, как жаль, что не уговорил тебя вернуться со мной под родительский кров. Если бы ты послушала меня тогда, разве было бы столько боли, слез и страданий! А судьба твоего сына – ведь и она была бы другой! Если бы ты вернулась в Бенцлау, пока ребенок был совсем маленький и не успел еще впитать скверные склонности своего отца – его любовь к роскошной жизни, его распутство, так впитать, что уж и жить по-другому не может! Но что было, то – было. Такова, несомненно, воля Всевышнего. Так укрепи же меня, Г-споди, хотя бы на этот раз: помоги вернуть грешника заблудшего на путь праведный!

Еще оставалось несколько станций до Штутгарта, когда у рабби Симхи появился дорожный товарищ. Они сразу подружились. В почтовом дилижансе легко завязываются знакомства и даже возникает дружба. Многие дни бок о бок, проведенные в нелегкой дороге, кое-что значат.

Новый приятель рабби Симхи выглядел человеком серьезным – ученым и просвещенным.

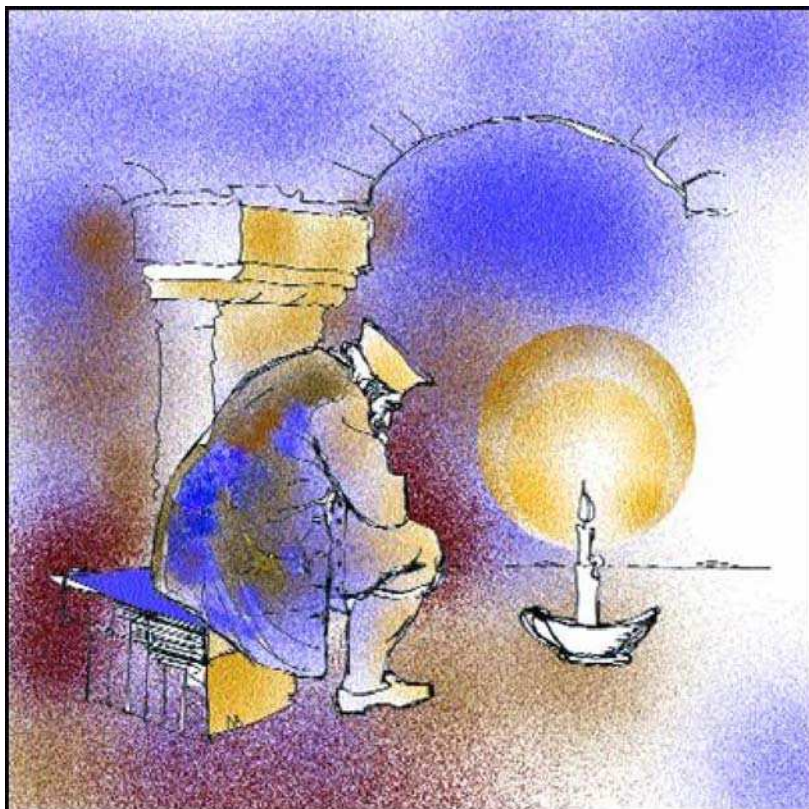
– Раньше, – говорил рабби Симхе его симпатичный попутчик, – я тоже глубоко уважал евреев. Ведь мы – народ, который первым в мире удостоился Б-жественной благодати. Правда, теперь у нас есть в Штутгарте такой еврей! Можете себе представить, что я готов, кажется, и весь народ наш возненавидеть.

– Ах, отчего же вы не вспомните, ведь сказано: «Неужто из-за одного согрешившего разгневаешься на всю общину?»»

– Вы, безусловно, правы. Но этот Зюсс, которого в гнев своем, наверное, наслал Всевышний на нашу общину, – это такое бедствие! Ведь Зюсс переходит все возможные границы. Ой! – неожиданно осекся попутчик. – Кажется, я наболтал лишнего. Несдобровать мне, если только мои слова дойдут до ушей Зюсса. Меня сразу же посадят в тюрьму.

– О, вам совершенно не о чем беспокоиться. Все это, безусловно, останется между нами. И более того, я сам собираюсь высказать этому Зюссу вещи, куда более нелицеприятные, чем все то, что вы сейчас рассказали.

– Неужели вы всерьез думаете, что министр согласится вас принять? Братья по крови его совершенно не интересуют. Вначале нам казалось, что премьер-министр еврей так и наводнит страну своими сородичами, но наши опасения оказались напрасными. Ему нет никакого дела ни до кого, кроме себя самого. И забота у него в жизни одна: исполнять все безумные прихоти герцога да потуже набивать собственные карманы. Тут у него все средства хороши. Будьте уверены – вам не попасть к нему на прием. Если же вам это все-таки удастся, то вы будете первым евреем, которого Зюсс допустил до своей особы, с тех пор как занял пост главы правительства и министра финансов.

– И все-таки, я уверен, что меня-то он примет. Как-никак – он мой родной племянник, он вырос, воспитывался в моем доме.

– Не может быть! – разинул рот попутчик. – Вы простите, если я позволю себе заметить, что его воспитание оставляет желать лучшего?

– О, поверьте мне, милостивый государь, в том совершенно нет моей вины. Не я привил ему дурные наклонности. Кстати, он был прилежным мальчиком, но рос при этом совершенно диким и необузданным и однажды, натворив что-то, испугался и вот, подумайте, сбежал из моего дома.

– Так чего же вы ждете от него теперь?

– Я собираюсь уговаривать его, молить, в конце концов, заклинать! Я так хочу вернуть его на праведный путь.

– Жаль мне ваших трудов и надежд. Не таков этот человек, чтобы можно было вернуть его на праведный путь.

– Ну что ж, по крайней мере – я исполню свой долг.

– Вы благородный и мужественный человек! Если вам когда-нибудь потребуется помощь – обращайтесь ко мне не задумываясь. Меня зовут советник Билфингер. Я выйду на следующей станции. Но в Штутгарте меня все знают, и каждый укажет вам мой дом.

Советник вышел на ближайшей станции, и рабби Симха остался один на один со своими совсем не радостными мыслями.

Вскоре он уже подъезжал к воротам Штутгарта. Чиновник у ворот остановил повозку и начал расспрашивать путешественника:

– Имя?

– Симха Бенцлау.

– Откуда?

– Из Оппенгейма.

– Род занятий?

– Я городской раввин общины Оппенгейма.

– По какому делу в Штутгарт?

– Желая повидать его светлость господина премьер-министра Зюсса Оппенгейма.

– Ну об этом можешь забыть. Его светлость еще никогда никого из своих соплеменников не принимал. Многие евреи просились к нему – почему-то каждый еврей считает себя его двоюродным племянником. От ворот поворот получили все. Все эти господа почему-то думают, что коль скоро его светлость сам из евреев, то Штутгарт не сегодня – завтра будет прозываться не иначе, как Новый Иерусалим. Ха-ха-ха! Это очень сильное заблуждение, еврей! Штутгарт уж никак не Иерусалим. По мне – так ты можешь стучаться в ворота его светлости сколько твоей душе угодно. Уж он тебе покажет, почем фунт лиха. Покажи документы, еврей!

Рабби Симха немедленно сунул руку во внутренний карман сюртука, и тут он побледнел. Документов – не было. Он осмотрел все свои карманы, но всех его бумаг как не бывало.

– Что-то я не нахожу свои документы, – промямлил он дрожащим голосом. – Не иначе как они потерялись в дороге.

– Чего только ни придумают! Слушай, ты, бродяга беспаспортный! Ты что, думал, если расскажешь мне байку о том, что ты собирался на прием к премьер-министру,

так я отпущу тебя на все четыре стороны? Ты ошибаешься! А ну, слезай с повозки! Пойдешь со мной в полицейский участок!

– Ну пожалуйста, милостивый господин, избавьте меня от такого позора! Ведь я – родной дядя министра. Он приходится сыном моей сестре!

– Во, заливает! Неужели ты думаешь заговорить мне зубы эдакими небылицами? А ну, пошел, пока силком не поволокли!

С охами и вздохами выбрался рабби Симха из повозки, волоча за собой небольшой дорожный чемодан. Чиновник сдал его двум стражникам, которые отвели его в тюрьму, где он немедленно испытал всю прелесть нового положения. Насмешки и издевательства так и посыпались на него.

– Что это за чудо-птичка залетела в наши края? – воскликнул начальник тюрьмы. – А, Абрашка, и что же ты натворил? С тех пор как его светлость служит у нас премьер-министром, всякий Абрашка полагает, что ему дозволено творить в Штутгарте все что вздумается. Но в этом ваше большое заблуждение. Его светлость господин министр держит на одном коротком поводке и евреев, и христиан. Всякого – сообразно заслугам и званию. Вот раньше, кто у меня гостил? Одни лишь мелкие воришки да какие-нибудь мерзкие сутенеры, прости, Г-споди! А с тех пор как его светлость у нас премьер-министром, приходится мне то и дело принимать в этих стенах весьма именитых баронов и графьев. Так что – не унывай, Абраша. Коль ты, к примеру, фальшивомонетчик, то болтаться тебе, как и положено, в петле, хоть ты и обрезан не хуже его светлости.

Рабби Симха весь затрясся от страха, колени его подкосились. Но, собравшись с духом, он все-таки взял себя в руки и несмотря на насмешки стал держаться с молчаливым достоинством. Стражники отвели его в какое-то темное и по-видимому глубокое подземелье. Они заперли его там в тесной и мрачной камере с охалкой соломы вместо постели.

Через несколько минут начальник тюрьмы заявился проведать своего необычного постояльца.

– Ну что, Абрашка! – поинтересовался он со злобной ухмылкой. – Как тебе наши хоромы?

Рабби Симха подошел вплотную к начальнику и сунул ему в руку блестящий золотой.

– За этот золотой я прошу у господина начальника всего лишь одно незначительное одолжение.

– Говори! – проревел начальник, пряча золотой с нескрываемым удовольствием.

– Я оказался здесь из-за досадной ошибки. Я не сделал ничего дурного. Я всего лишь потерял по дороге в Штутгарт свои документы.

– И попал сюда за бродяжничество?

– Именно так! Сделайте же мне маленькое одолжение, пошлите сказать господину министру Зюссу, что оппенгеймский раввин, его дядя по матери, приехал навестить его и по ошибке его забрали в тюрьму!

Выражение крайнего изумления нарисовалось на лице начальника тюрьмы. Он немедленно пообещал исполнить просьбу арестанта и через несколько минут лично отправился во дворец министра.

Дел у министра в тот час было по горло. Его приятель генерал Ремхинген, председатель палаты общин Шефер и советник Галвакс обсуждали с ним важные текущие дела. Когда начальник тюрьмы попытался войти во дворец, привратник и на порог его не пустил.

– Сейчас никого пускать не велено, – заявил привратник, – господин министр занят важными государственными делами.

– Что ж, если так, то доложите вы о моем деле. Ко мне в тюрьму был доставлен сегодня старый еврей, с седой бородой, тщедушный, тощий, похож на бродягу без документов. Но он уверяет, что является дядей его светлости и просит меня его светлость о том известить.

– Замечательное поручение! – усмехнулся привратник. – Сообщить его светлости, что некий беспаспортный бродяга называет себя его дядей. Нет уж, увольте! Не стану я этого делать!

– Подумайте, однако, о последствиях, которые могут произойти, если старик не лжет! Ведь не с венцом правителя на голове появился его светлость на свет! А вдруг старик и вправду его еврейский дядя и действительно потерял документы по дороге в Штутгарт, а когда его превосходительство об этом узнает...

– Да, это будет нехорошо. Но нельзя же просто так бухнуться к его превосходительству с историей, будто некий бродяга из тюрьмы приходится ему дядей. Он меня просто на куски разорвет. Ты хоть знаешь, как его зовут и откуда он?

– Да, он говорит, что он какой-то графин из города Офигейна.

Привратник отправился к Зюссу.

– Ваша Светлость! – доложил он. – Сегодня был за бродяжничество арестован некий офигенный графин, и он послал начальника тюрьмы сказать вам, чтоб вы его освободили!

– Что, у меня своих чокнутых мало! – загоготал Зюсс. – Так еще из тюрьмы посылают какой-то офигенный графин. Ну и какое мне до него дело?

– Простите меня, Ваша Светлость, но этот бродяга, он...

– Ну что там он, говори скорее!

– Он еврей!

– И на этом основании он воображает, что я все брошу и побегу его освобождать? Ну народ! Нет уж! Если он бродяга, то его место в тюрьме. А ну-ка вон отсюда!

Привратник бросился к дверям.

– Надо же, – призадумался удивленный Зюсс, – еврей – офигенный графин! Крайне редкое явление. Эй, Ганс!

– Слушаю, Ваша Светлость!

– Да точно ли сказал начальник тюрьмы – графин?

– Что-то в таком духе, Ваша Светлость, то ли графин, то ли парафин...

– Может быть, раввин? А ну-ка позови мне начальника тюрьмы.

Войдя, начальник тюрьмы низко поклонился и застыл перед Зюссом в подобострастной позе.

– Это что же за человек тебя сюда послал? – спросил министр.

– Ваша Светлость! С вашего позволения, он говорил, что он графин евреев города Офигейна и родной дядя Вашей Светлости!

– Офигейна? Может быть – Оппенгейма?

– Да, именно так, Ваша Светлость! С вашего позволения – именно так он и сказал.

Помрачневший и взволнованный, поднялся Зюсс со стула.

– Ко мне приехал любимый дядя! И его бросили в тюрьму! О, я немедленно еду к нему. Ганс, вели запрягать карету! Простите великодушно, господа, но сию минуту для меня нет более важного дела, чем освобождение дяди из тюрьмы. Ведь это – брат моей матери, он приютил и вырастил меня в своем доме. Я хочу немедленно прижать его к своему сердцу!

И карета понеслась по мостовым Штутгарта в направлении тюрьмы.

Глава тринадцатая

Министр и раввин

Рабби Симха опустился на кучу соломы и горестные мысли наполнили его ум и душу. Через некоторое время он поднялся и начал расхаживать из угла в угол тесной камеры. Он рассуждал вслух: «Несомненно, это дурной знак. Едва я появился в столице,

где правителем мой племянник, как меня тут же бросили в тюрьму. Боюсь, это дурацкое стечение обстоятельств не к добру: да и чего хорошего можно ждать? Ну что ж, за себя я спокоен, ибо душу свою вручил я Тебе, Г-споди. Но что будет с моим заблудшим, непутевым племянником, ведь он падает все глубже и глубже в бездну? Где взять мне силы для праведного гнева, чтобы убедить его? Как мне, несчастному и униженному еврею, беспомощному и гонимому, как объяснить этому важному господину, что его сила, слава и богатство – всего лишь суета сует?»

Тут ржавые запоры на дверях камеры заскрипели, и прежде чем рабби Симха сообразил, что происходит, он уже оказался в жарких объятиях Зюсса, который в волнении восклицал:

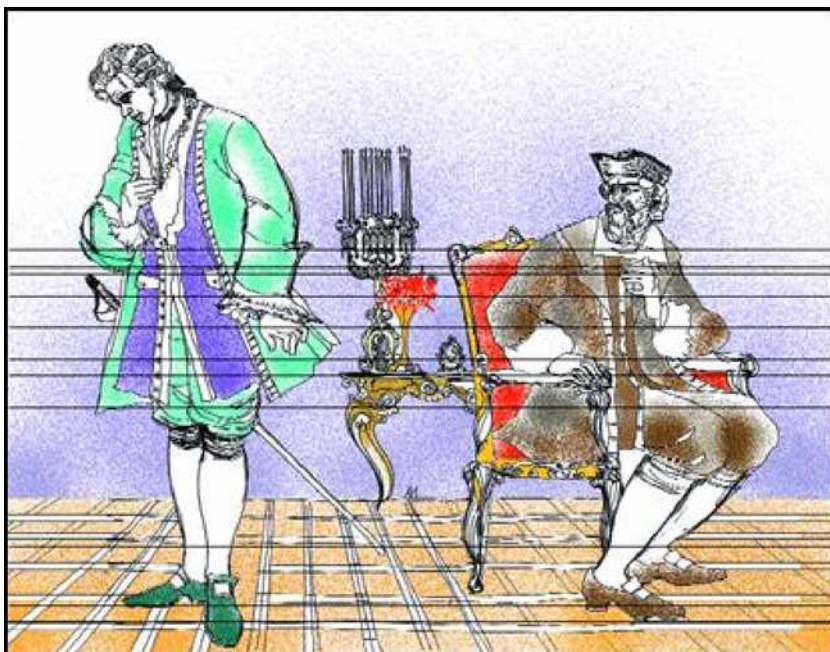
– Дядя! Дорогой дядя! Как мне жаль, что ты угодил в это жуткое место! Дай же мне прижать тебя к сердцу, дай расцеловать тебя!

Симха на некоторое время просто оцепенел, с трудом воспринимая происходящее. Но, ощутив слезы Зюсса на своем лице, он обмяк, прижал к себе племянника, сам разразился рыданиями, да так, что и не находил подходящих слов.

Зюсс немедленно повез дядю к себе во дворец, оказывая ему всевозможные знаки внимания и уважения. Он показал ему свой роскошный дворец, чудесные сады и оранжереи, радующие своей красотой самый взыскательный вкус и улаждающие ароматом самое тонкое обоняние. И в этом была его победа над обстоятельствами, и он хотел, чтобы дядя все это видел. Зюсс привел его в свою библиотеку, где были собраны самые разные книги лучших авторов человечества всех времен в изысканных, дорогих переплетках. Были там и еврейские книги. Затем он отвел Симху в огромный зал, где была собрана весьма обширная коллекция произведений искусства, живописи и скульптуры, портреты и бюсты многих великих и сильных мира сего. Он даже показал ему свою сокровищницу, полную золота и драгоценных камней, и долго вертел перед ним всякие бумаги, дающие ему право на владения разными именьями и угодьями, с которых он имел весьма значительный доход.

С молчаливым равнодушием взирал рабби Симха на все это великолепие. Ни один изумленный возглас не вырвался из его уст, ни разу не приняло его лицо сколько-нибудь заинтересованного выражения. И как ни старался Зюсс, расписывая ценность каждой вещи, ему так и не удалось вызвать в дяде ни малейшей радости или изумления.

– Ты все молчишь и молчишь, дядя, – сказал наконец Зюсс. – Наверно, ты думаешь, что вот, придет день, и все посыплется прахом. Но нет, есть у меня охранный

грамотка, вот посмотри. Здесь герцог пишет, что все мои действия, каковы бы они ни были, предпринимаются с его согласия и по его прямому указанию, а я лично не несу за них никакой ответственности.

– Ты ошибаешься, Зюсс, – печально проговорил рабби Симха. – Меня вовсе не заботит, потеряешь ли ты свои богатства в мире этом. Не это повергает меня в печаль, не это мешает мне радоваться вместе с тобой твоим успехам. Зюсс, на твоих дверях и воротах нет мезуз, твой стол нельзя назвать кошерным, ты нарушаешь субботы и праздники, и даже Новолетие и Судный день для тебя больше ничего не значат. Ты живешь, как в пустыне. Граждане твоего государства обвиняют тебя в поборах и мздоимстве, они ненавидят тебя за то, что ты обираешь и унижаешь их. Твое имя звучит проклятием. Зюсс, Зюсс! Прислушайся к словам своего старого дяди, единственного, кто тебя любит, кто предан тебе не потому, что ты богат и высоко сидишь. А в такой тяжелый путь в разгар зимы я пустился только с одной целью: образумить тебя, пока еще есть время. Брось это все – ведь это грех, Зюсс!

– Да как же я откажусь от такого высокого положения, дядя?

– Ах, Зюсс, оставь! Не ты первый в Израиле, кто добился такого положения – быть правителем чужого государства. Да вспомни хотя бы праведного Йосефа, который, будучи вторым лицом во всей великой земле Египетской, ни в чем не преступил заповедей своего Б-га, служил ему всем сердцем своим! Будучи рабом, он прошел через великое искушение, не поддавшись любви прекрасной женщины, будучи правителем, он никогда не ел с египтянами на их пирах трэфной пищи! И имя его на устах египтян звучало любовью и благодарностью. И лишь только когда выросло новое поколение, новый, не знавший Йосефа фараон стал жестоко угнетать еврейский народ.

– Ну так что? Ты же сам знаешь, дядя, египетскую благодарность Йосефу за то, что он спас их от голода и унижения: его сыновей и внуков они спокойно отдали на каторгу!

– Все не так просто, Зюсс! То был высший замысел: освобождение еврейского народа из рабства было предопределено тем же рабством. И дарования народу особого предназначения не было бы без этого! А вспомни Мордехая, который стал в конце концов царевым советником в одной из величайших в истории империй. Он искал лишь блага и процветания для всех стран, отданных под его власть, и для своих братьев-евреев. Когда наши великие мудрецы Хасдай а-Нагид или Шмуэл а-Нагид были вознесены на уровень министров и правителей Испании, чем они занимались? Они только и заботились о благе своих подданных, и народ не уставал благословлять их. А свои личные богатства они по большей части расходовали на поддержку еврейской жизни. Так, рабби Шмуэл а-Нагид собрал со всего мира еврейских поэтов и мудрецов, знатоков грамматики и Талмуда, дал им кров, пропитание и все необходимое, чтобы они могли посвящать свое бесценное время полностью духовному творчеству. Долгие годы он содержал многие семьи, чтобы отцы могли день и ночь учить Тору, не отвлекаясь на заботы о пропитании. Он построил многочисленные синагоги и ешивы, и время его было для испанской общины моментом величайшего процветания. А ты, Зюсс? Что сделал ты для евреев и для еврейства? Вся страна стонет от твоих грабительских указов, а ведь евреям труднее, чем остальным. Ты же будто и не замечаешь существования собственного народа, а что ты сделал для отмены позорных антиеврейских законов?

– О, дядя, поверь мне, я сделал бы это с удовольствием, но, к сожалению, не могу!

– Почему не можешь? О, я знаю почему! Ты думаешь только о своих личных нуждах, – угнетенные братья тебя вовсе не интересуют. Твоя цель одна: накопительство, богатство, роскошь! Все те еврейские правители, о которых я говорил, Мордехай, и рабби Хасдай, и рабби Шмуэл, ну уж никак не были кровососами своих подданных. Смыслом их деятельности была забота о благе граждан, и они действительно заработали себе доброе имя бесчисленными благодеяниями во славу Б-жью. Потому-то у них и хватало времени, чтобы позаботиться о своих собратях, обеспечить их жизнь и возвеличить Тору и наследие Израиля! Ты же хулишь имя Г-сподне своими безобразиями, обирая и угнетая народ, ты сделал имя Израиля проклятием в устах народов! И пройдет не одна сотня лет, а ненавистники будут указывать на тебя, говоря: вот, смотрите, как ведет себя еврей, дорвавшийся до власти!

– Сурово же ты со мной, дядя! Разве кто-нибудь смеет сказать мне такие вещи? Все знают: могу в бараний рог согнуть. Да уж не думаешь ли ты, дядя, что я от твоих слов впаду в отчаяние?

– О, единственное дитя моей сестры! Разве я пришел просить чего-то для себя или чтобы огорчить? Я хочу лишь помочь тебе, хочу, чтобы ты отвратился от дурных дел!

– Что ж, я это понимаю, дядя, и потому не сержусь на тебя. Но хочу, чтобы ты понял и меня. Многие годы я тяжело работал ради того, чтобы пробить себе дорогу к власти на службе у герцога. О, тогда мне сильно хотелось многое сделать для благосостояния страны, для ее экономики, хозяйства, хотелось добиться ее процветания. Но кто даст мне такие возможности! Этот герцог, с его упрямством и беспрерывными безумными затеями! А каковы здешние граждане и духовенство? Толпа, сброд, полный ненависти и диких предрассудков! Поверь мне, дядя, да будь я хоть таким же благочестивым, как царь Давид, и таким же мудрым, как царь Соломон, – и тогда они не перестали бы поносить народ Израиля! Моя единственная защита от них – это герцог, но он требует денег, денег и еще раз денег. Мне пришлось единым махом выплатить все его долги. А где было взять эти деньги, как не из государственных доходов? Но денег все равно недостаточно, и какой же ты видишь выход, кроме все новых и новых налогов и пошлин? А герцогу все мало, ему постоянно нужны огромные средства для всех его разнузданных развлечений. И когда я пытаюсь ему объяснить, что выдаивать страну досуха попросту неразумно, он впадает в страшную ярость и грозит мне тюрьмой. Так что же мне делать? Потеряй я благосклонность герцога, за мою жизнь никто не даст и ломаного гроша. Вот тогда-то и отнимут все, что у меня есть. Где голову приклонить? Меня достанут хоть в лесу, хоть в поле. Ведь ненавистников у меня – ох как достаточно. Разве есть у меня другой выход, кроме как следовать однажды избранным путем? Я должен доставать для герцога золото любой ценой, и я действительно не стесняюсь в средствах. А уж если я вынужден все это делать, так не с пустыми же руками мне самому оставаться? Мне тоже нужны собственные средства. И почему именно я должен отвечать за все это безобразие? Я – пес цепной на коротком поводке у герцога.

– И ты, мой бедный мальчик, думаешь этим оправдаться? Нечестивый правитель мерзок, но еще более мерзок тот, кто послушно служит в его руках инструментом для злодеяний.

Зюсс помолчал немного, а потом сказал:

– Погости у меня хоть немного, дядя. А уж я постараюсь устроить тебе кошерную кухню. Оставайся, и ты сам увидишь, что нет для меня никакой другой

ПРОГУЛКИ ПО НОВОДЕВИЧЬЕМУ

Ñïëï ïí Êëïíëñ

Í ðïäïëæáí èá Í à:àëí á ' 113- 118

ТОЧКА СМЕРТИ ЯЗЫКОМ СКУЛЬПТУРЫ

Скрипач Ситковецкий Юлиан Григорьевич (1925 – 1958) широкое признание получил в 1945 году, став лауреатом Всесоюзного конкурса исполнителей. В расцвете таланта пришла и мировая известность. Ее принесли премии на двух очень престижных международных конкурсах – им. Г. Венявского и им. бельгийской королевы Елизаветы.

От него ждали многого. Но смерть рано поставила точку.

Присмотритесь к памятнику, который скульптор Эрнст Неизвестный сделал Ситковецкому: гриф у скрипки отломан, правая рука со смычком закована гранитом, линия постамента плавно уходит в могилу... Жизнь оборвалась.

(5-17-9)

ГРАНАТ

Провел маленький эксперимент. Попросил 30 человек – молодого, среднего и пожилого возраста, каждого по 10, – ответить на вопрос:

Кто такой Гранат?

Большинство ответили «не знаю». Правильно ответили всего несколько человек. Случалось услышать и такое: фрукт, драгоценный камень и даже – боеприпас! (заметьте, я спрашивал кто, а не что).

Время неумолимо. В безвестность уходят и некогда очень знаменитые люди. Но вот парадокс: Гранату забвение не грозит, а его уже и сегодня мало кто знает.

Так кто же он, Гранат?

Гранат Игнатий Наумович (1863 – 1941) был юристом, экономистом, профессором Московского университета, автором фундаментального труда в области политэкономии (напечатал под псевдонимом И. Грей).

Но, понятно, обессмертило его имя не все это. А что же?

Гранат Игнатий Наумович вместе со своим братом Гранатом Александром Наумовичем (1861 – 1933; покоится в колумбарии Донского кладбища) основали в Москве издательское товарищество, главным детищем которого стал Энциклопедический словарь. До 1917-го вышло 33 тома, потом издание продолжал «Русский библиографический институт Гранат» и издательство «Советская энциклопедия», куда влился этот институт. Завершилось издание (58 томов) в 1948 году.

«Энциклопедический словарь» Граната и поныне стоит на полках практически всех крупных библиотек России.

Этот знаменитый справочник еще долгие годы будет оставаться полезным источником исторической информации. И даже утратив эту роль, что естественно и неминуемо, он останется навсегда в сокровищнице энциклопедических изданий мира.

Этим трудом братья Гранат и обессмертили свое имя.

(№541-5)

КРЕМАЦИЯ В БОЧКЕ

Октябрь 1917-го принес эсерке Фанни Каплан избавление от вечной каторги, которую она с 1907 года отбывала за участие в революционной деятельности. Но на свободу она вышла тяжело больной и полуслепой.

... 30 августа 1918 года Каплан (если, конечно, это была она, что маловероятно) стреляет в Ленина, приехавшего на завод Михельсона.

На следствии Каплан признала себя виновной (?). И без всякого суда ВЧК выносит постановление – расстрелять ее и немедленно.

«Возмездие свершилось. Приговор был исполнен. Исполнил его я, собственноручно» – написал в своих воспоминаниях Мальков Павел Дмитриевич (1887 – 1965), старый большевик, матрос Балтийского флота, комендант Московского Кремля, а в прошлом – Смольного.

Мальков не только казнил Фанни Каплан, но даже «кремировал» ее.

Происходило это все в кремлевском саду, в присутствии поэта Демьяна Бедного, который, как вспоминал потом Мальков, помогал ему вершить «праведный суд».

Выстрелом в затылок Мальков убил Каплан, потом они засунули ее в бочку, облили керосином и сожгли.

«И если бы история повторилась, если бы вновь перед дулом моего пистолета, – написал Мальков, – оказалась тварь, поднявшая руку на Ильича, моя рука не дрогнула бы, спуская курок, как не дрогнула она тогда...»

Твердый в борьбе с врагами, он и сам был причислен к «врагам народа». Но и после 17 лет гулаговской жизни Мальков остался верным ленинцем, за что к 70-летию получил орден Ленина.

(6-29-3)

ПАМЯТНЫЕ ИЮЛЬСКИЕ ДАТЫ

2 ИЮЛЯ

85 лет со дня смерти театрального актера, антрепренера, режиссера, директора лондонских театров «Хеймаркет», «Хэр Маджестис», основателя лондонской Школы драматического искусства (позднее преобразованной в Королевскую академию драматического искусства) **Герберта Дрейпера Бирбома Три** (1853 – 1917, Лондон).

4 ИЮЛЯ

100 лет со дня рождения одного из главарей преступного мира США XX века **Меера Лански** (наст. фамилия Суховлянский; 1902, Гродно – 1983, Майами).

5 ИЮЛЯ

125 лет со дня рождения общественного деятеля, одного из создателей и первого президента

Еврейского университета в Иерусалиме **Иуды-Лейба Магнеса** (1877, Сан-Франциско – 1948, Нью-Йорк; в 1955 году перезахоронен в Иерусалиме).

60 лет со дня рождения танцовщика, хореографа, создателя и руководителя балетной труппы «Элиот Фелд Балле», организатора специальной программы обучения детей танцу для нью-йоркских бесплатных общеобразовательных школ, постановщика балетов «В полночь», «Шаг воздуха» и др. **Элиота Фелда** (р. 1942, Нью-Йорк).

6 ИЮЛЯ

65 лет со дня рождения пианиста, дирижера, главного дирижера и художественного руководителя Лондонского королевского филармонического оркестра, лауреата международных конкурсов им. королевы Елизаветы в Брюсселе и им. П.И. Чайковского в Москве (первые премии) **Владимира Давидовича Ашкенази** (р. 1937, Горький).

7 ИЮЛЯ

70 лет со дня рождения актера московского театра «Современник», народного артиста РСФСР **Валентина Юрьевича Никулина** (р.1932, Москва).

12 ИЮЛЯ

65 лет со дня рождения раввина, комментатора и переводчика Талмуда, религиозного мыслителя, педагога и общественного деятеля, основателя Израильского института талмудических исследований, автора развернутого комментария к книге рабби Шнеура-Залмана из Ляд «Тания», к трудам по кабале и др., лауреата Государственной премии Израиля **Адина Эвена-Исроэла (Штейнзальца)** (р. 1937, Иерусалим).

13 ИЮЛЯ

75 лет со дня рождения государственной и общественной деятельницы, министра здравоохранения

(1974 – 1979) и культуры (1993 – 1995) Франции, председателя Европарламента (1979-1982) **Симоны-Анни Вейль** (р. 1927, Ницца).

90 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по ядерной физике, теории ядерных реакторов, физике мюония, участника разработки первого отечественного ядерного реактора, лауреата Государственной премии СССР **Исаия Израилевича Гуревича** (1912, Рига – 1992, Москва).

15 ИЮЛЯ

80 лет со дня рождения физика, автора трудов по физике элементарных частиц, одного из открывателей нейтрального каона, антинейтрона, ипсилон-частицы, мюония, исследовавшего рождение лептонных пар в адронных столкновениях, лауреата Нобелевской премии по физике (совм. с Дж. Стейнбергером и М. Шварцем) 1988 года **Леона Макса Ледермана** (1922, Нью-Йорк).

18 ИЮЛЯ

65 лет со дня рождения химика, члена АН США, иностранного члена РАН, исследовавшего механизмы химических реакций, разработавшего (совм. с

Р.Б. Вудвордом) правила, позволяющие предсказывать реакционную способность органических соединений, автора трудов по химии металлоорганических соединений, лауреата Нобелевской премии по химии (совм. с К. Фукуи) 1981 года **Роалда Хофмана** (наст. фамилия Сафран; р. 1937, Злочев, Польша).

20 ИЮЛЯ

105 лет со дня рождения химика-органика, члена Лондонского королевского общества, АН США, профессора, директора Института органической химии Базельского университета, исследовавшего гормоны коры надпочечников, выделившего кортизон и установившего его химическое строение, лауреата Нобелевской премии по медицине (совм. с Э. Кендаллом и Ф.Ш. Хенчем) 1950 года **Тадеуша Рейхштейна** (1897, Вроцлав Варшавской губ. – 1996, Базель).

26 ИЮЛЯ

55 лет со дня смерти военачальника, начальника центрального штаба войск ПВО в 1944 – 1945 годах, генерал-майора **Михаила Григорьевича Гиршовича** (1904, Кутно Варшавской губ. – 1947).

28 ИЮЛЯ

15 лет со дня смерти гимнаста, обладателя олимпийской золотой медали по спортивной гимнастике (1932 год), президента Пан-Американской гимнастической федерации, почетного председателя гимнастической федерации Центральной Америки **Джорджа Гулака** (1905, Рига – 1987).

31 ИЮЛЯ

85 лет со дня рождения Героя Советского Союза, майора **Лазаря Моисеевича Каплана** (р.1917, Скородное Могилевской губ.).

90 лет со дня рождения экономиста, лидера монетаризма в политэкономии, президента Американской экономической ассоциации, советника по экономическим вопросам президентов США Р. Никсона и Р. Рейгана, автора трудов в области теории и практики денежного обращения, выдвинувшего монетарную теорию национального дохода и новый вариант количественной теории денег, лауреата Нобелевской премии по экономике 1976 года **Милтона Фрийдмена** (р. 1912, Нью-Йорк).

ИЗ НАШЕЙ ИЮЛЬСКОЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция!

По многочисленным откликам на публикации журнала видно, что они не оставляют читателей равнодушными. Один из таких откликов вызвал у меня просто досаду и обиду. Речь идет о письме Ефима Луцкого «Это было и есть, и будет!» («Лехаим», 2002, № 1).

Читатель из Биробиджана обрушился на А. Козака за очерк о фильме «Искатели счастья» («Лехаим», 2001, № 9.). Поражает, мягко говоря, неуважительный тон по отношению к А. Козаку, как пишет Е. Луцкий, – «небезызвестному автору спорных статей в “Лехаиме”».

Да, очерки А. Козака берегут сердечные раны, кое-кто не согласен с позицией автора. Но о чем бы ни писал А. Козак – всюду его пером водит боль за судьбу своего народа.

Оппонент А. Козака утверждает, что «еврейская карта» была «еврейской автономией в границах Родины». Когда читал письмо Е. Луцкого, память воскресила телепередачи времен расцвета государственного антисемитизма, когда на экране, в основном молча, позировали известные советские евреи – ученые, артисты, хозяйственники, Герои Советского Союза, как бы демонстрируя «величие» советской национальной политики. Целью тех телепередач было отождествление сионизма с фашизмом, всяческое осуждение Израиля и граждан, добившихся выезда из СССР. А Еврейская автономная область была ширмой, за которой царствовавшие у нас в стране юдофобы пытались скрыть свое истинное лицо. Ведь цели, которыми руководствовалось советское правительство в постановлении о Биробиджане в 1928 году, были мгновенно забыты. Зато можно было на протяжении десятков лет использовать «еврейскую карту» для проведения политики, приведшей к массовому выезду евреев из СССР.

Посоветую Е. Луцкому прочитать в «Лехаиме» (№ 37, май 1995 года) очерк А. Козака «Цена солдатской шинели» о выходках антисемита Воропаева и подумать, следует ли с легкостью рассуждать об антисемитизме.

Прекрасно, что повсеместно создаются центры еврейской культуры, открываются синагоги, еврейские школы, издаются газеты и журналы, объединяющие евреев в России, в том числе и в Биробиджане.

Но что-то не верится в крах антисемитизма из-за того, что в имеющиеся в Биробиджане еврейскую школу и еврейский детский сад «отдают своих детей не евреям». Скольких Воропаевых и новых Чертопхановых вырастила за минувшие годы наша действительность...

А. Оаеаааеае,

І еаі еа І іаіаіа

Уважаемый господин Борух Горин!

Я, постоянный подписчик и читатель Вашего журнала, очень люблю его и потому мне дорог его имидж.

К сожалению, в материалах журнала порой проскальзывают ошибки и неточности (правда, реже, чем в других изданиях).

Так, в № 3 за 2002 г. я обнаружил две:

1. Вопреки указанному на с. 43, автором «Ночи ошибок» является английский драматург Оливер Голдсмит. К тому же имя Гольдони – Карло.
2. К моменту смерти Д.А. Драгунский был генерал-полковником, а не генерал-лейтенантом, как указано на с. 59.

Желаю Вам успехов в работе.

י. אדי אית'ה, י תנאי

Дорогая редакция!

В № 2 журнала за этот год прочел я письмо М. Кагана-Розенцвейга из Пскова. Очень оно мне понравилось, умное, взвешенное и почти во всем перекликающееся с моими соображениями.

Я посещаю нашу местную еврейскую общину уже больше года. В основном – ее библиотеку. Открываю для себя еврейскую историю, читаю современную еврейскую прозу и поэзию, естественно, на русском. Что меня привело в местную общину? В первую очередь, интерес. Я полукровка, хотя по Алохе как бы и не еврей, так как еврей по отцу, а мать – украинка. И о еврействе моем говорит только фамилия – Товберг, которую я не меняю и менять в ближайшем будущем не собираюсь. Помню, в детстве жидом обзывали, да и сейчас попадаются антисемиты, которым доставляет удовольствие задеть меня грубым словом. До рукоприкладства пока не доходило. Я еще ни традиций, ни языка не знаю. К тому же я глубоко не религиозный человек, но и атеистом себя назвать не могу. Религиозные же обряды всегда меня пугали. Есть в них что-то позерское, ненастоящее. Тем более я никак не смогу принять иудаизм: еврейская традиция, насквозь пропитанная религиозным чувством, очень сложна для моего понимания.

Но мне близки и понятны чувства людей, переживших столько страданий и сумевших выйти из них с высоко поднятой головой. Евреи – великий народ, это бесспорно, насчет б-гоизбранности – не знаю, я не пророк. Если человек живет по законам Добра и Справедливости – он мне близок и понятен.

Какое-то время я носился с идеей отъезда в Израиль, но потом, слава Б-гу, понял, что затея эта малоперспективная. Кто или что меня там ждет? Чужие люди, чужая страна, чужой язык. Наверное, где родился, там и подыхай. Скажете, я не патриот. Но патриотом чего я должен быть? Мифической страны, текущей молоком и медом, о которой знаю только по красивым картинкам? Я думаю, чувство патриотизма нужно воспитывать с пеленок. Да и в пресловутую еврейскую солидарность я верю все меньше. Читал о ней и в газетах, и в вашем журнале что-то попадалось, и на собственном опыте пришлось убедиться. Думал не рассказывать, да ладно, чего уж там, расскажу. Донецкая

община организовывала поездку в Киев для евреев, решивших эмигрировать в Израиль. Для них должны были быть проведены семинары, экскурсии по памятным еврейским местам и т.д. Ну и я тоже захотел поехать. Съездил в Донецк, попросил, чтобы и меня взяли. Мило побеседовали, мило мне отказали. Я ведь, дурак, выложил свои взгляды – эмигрировать, мол, не собираюсь. Раз так – пиши пропало. Вернулся я ни с чем, с обидой и болью в душе.

А я тогда писал поэму, в которой должна была присутствовать тема Бабьего Яра, и эта поездка мне бы ой как пригодилась. Да и еще подобные случаи были. Нет у меня богатеньких родственников ни на родине, ни в Израиле, ни где-то еще. Кому бы я, русскоязычный, понадобился, если бы эмигрировал в Забугорье?..

Да, вот еще, парадоксальным мне кажется, что сейчас, по прошествии многих лет после смерти Мандельштама, Пастернака, Бродского и других великих русских по духу поэтов и писателей, выпячивают их еврейскость и забывают о том, что по мироощущению они – христиане. Это подтверждается и христианскими мотивами в их творчестве. Думаю, разумного объяснения этому явлению не светит. И нужно ли оно?.. Пусть каждый остается при своем мнении и не навязывает его другому. Когда я читаю Бориса Пастернака, я наслаждаюсь его поэзией, а не его национальностью.

С признательностью и уважением,

А. О'Гарада

Édàíí íàðì áéíê Áíí áòéíé íáé.